СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

и

ВОСПИТАНІЕ ВОЙСКЪ.

В. Потто.

(Изданіе редакціи журнала «Военный Сборникъ»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ
(Литейный просп., № 39).

1875

Дозволено цензурою. 29-го ноября 1875 года.

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНІЕ И ВОСПИТАНІЕ ВОЙСКЪ.

Введеніе.

Воспитаніе солдата должно начинаться съ перваго дня поступленія его на службу и начинаться непремѣнно съ нравственнаго и умственнаго его развитія.

Первая и самая священная обязанность каждаго солдата—это безпредѣльная любовь и преданность своему Государю, вѣрность присягѣ, которую онъ принялъ, и знамени, подъ которымъ онъ служитъ. Всякій изъ насъ обязанъ способствовать поддержанію, развитію и укрѣпленію этихъ чувствъ въ своихъ подчиненныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, солдатъ долженъ пріучиться любить и уважать свое званіе. Для этого необходимо развить его самолюбіе и избѣгать всего, что можетъ запугать новобранца, какъ-то: жесткости, суровости, грубости и излишней требовательности. Возвысить личность, а слѣдовательно и духъ молодого солдата, возможно только въ томъ случаѣ, когда эта личность будетъ уважаема, и когда солдатъ, при всѣхъ условіяхъ службы, будетъ встрѣчать въ своихъ начальникахъ всегда одинаковое, ровное и справедливое съ нимъ обращеніе.

Эти основанія сознаны и осуществлены уже у насъ дисциплинарнымъ уставомъ. Дисциплинарный уставъ опредѣляетъ въ точности права и обязанности каждаго чина и, получивъ строгое примѣненіе къ жизни войскъ, наиболѣе всего можетъ способствовать развитію какъ нравственной самостоятельности, такъ и понятія о долгѣ.

Нельзя не обратить вниманія на установленную этимъ уставомъ

строгую соразмѣрность взысканій, чѣмъ достигается то, что солдатъ начинаетъ понимать различіе между второстепенными и главными служебными обязанностями. Онъ долженъ знать, что неопрятно одѣться или упустить отдать установленную честь совсѣмъ не то, что не исполнить, напримѣръ, служебнаго приказанія или заснуть на часахъ. Прежде существовало мнѣніе, что ежели строго наказывать за мелочныя отступленія, то солдатъ не осмѣлится подумать нарушить что нибудь важное. Но практика показала полнѣйшую несостоятельность подобнаго взгляда и привела къ тому, что въ войскахъ, потерявшихъ всякое сознаніе въ томъ, что̀ важно и что̀ неважно,—точно «исполняться стало не то, что̀ важнѣе, а то, что̀ виднѣе (*)».

При воспитаніи солдата этого упускать изъ виду не слѣдуетъ.

Занятія съ молодымъ солдатомъ начинаются обыкновенно съ того, что его заставляютъ заучивать молитвы, имена Особъ Императорскаго Дома и имена начальниковъ; потомъ читаютъ или разсказываютъ ему о подвигахъ, совершенныхъ русскою арміею, въ особенности полкомъ, въ которомъ онъ служитъ, говорятъ о лицахъ, отличившихся въ рядахъ его мужествомъ и храбростію, о знакахъ отличія, которые заслужены полкомъ на полѣ сраженія, и этимъ стараются вселить въ новобранца воинскій духъ, любовь къ военному дѣлу и ту дисциплину, безъ которой немыслима никакая побѣда. Одинъ изъ нашихъ генераловъ говаривалъ часто: «Неучи побѣдить еще могутъ; но люди безъ дисциплины не побѣдятъ никогда».

Служебныя занятія солдата ограничиваются въ первое время знакомствомъ его съ уставами о службахъ внутренней и гарнизонной. Оба сказанные устава равно необходимы и важны въ воспитательномъ отношеніи, и усвоеніе изъ нихъ того, что прямо относится къ солдату, составляетъ первостепенную необходимость. Сюда относятся: сущность военной дисциплины, правила отданія чести, обязанности рядоваго въ кругу внутренней службы и, наконецъ, обязанности его на часахъ, въ патрулѣ и на дневальствѣ.

Но для того, чтобы нижніе чины, кромѣ умѣнья и навыка исполнять все, требуемое отъ нихъ въ строю и на службѣ, знали и понимали свои служебныя обязанности, какъ въ ротахъ, такъ и въ эскадронахъ, преподаются имъ свѣдѣнія, которыя обязательны для каждаго рядоваго и должны быть усвоены ими въ теченіе перваго же года ихъ службы.

Свѣдѣнія эти, преподаваемыя рядовымъ непремѣнно путемъ устнаго толкованія, и притомъ тѣми ближайшими начальниками, на которыхъ

(*) Драгомировъ: «Записки тактики для военныхъ училищъ». Часть 1-я.

лежитъ отвѣтственность за ихъ строевое и вообще служебное образованіе, подробно изложены въ приказѣ по военному вѣдомству (*) и заключаются въ слѣдующемъ:

1) Молитва Господня, символъ вѣры и десять заповѣдей съ краткимъ толкованіемъ ихъ по молитвеннику, изданному для православныхъ воиновъ.

2) Назначеніе солдата и присяга.

3) Значеніе знамени или штандарта.

4) Время сформированія полка и отличія, полученныя имъ за военные подвиги.

5) Въ какомъ отдѣленіи, полувзводѣ, ротѣ и баталіонѣ (въ кавалеріи: взводѣ, эскадронѣ и дивизіонѣ), полку, бригадѣ, дивизіи, корпусѣ и округѣ служитъ. Какъ раздѣляется полкъ, баталіонъ и рота (въ кавалеріи дивизіонъ и эскадронъ). Какъ называются полки своей дивизіи и какая артилерійская бригада при дивизіи состоитъ.

6) Чины и фамиліи всѣхъ своихъ прямыхъ начальниковъ, начиная съ ближайшаго до главнокомандующаго включительно, а также военнаго министра.

7) Имена Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича, Государыни Цесаревны, дѣтей Наслѣдника, сыновей и братьевъ Государя Императора и шефа части.

8) Сущность и обязанности, налагаемыя военною дисциплиною. Правила отданія чести нижними чинами въ различныхъ случаяхъ. Порядокъ подачи просьбъ и предъявленія жалобъ и претензій.

9) Роды дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ на рядоваго, и степень власти начальниковъ въ наложеніи взысканій до ротнаго или эскадроннаго командира включительно. Различные виды ареста. Замѣна ареста во время похода и въ другихъ случаяхъ. О разрядѣ штрафованныхъ.

10) Правила по содержанію какъ себя, такъ и вещей своихъ въ чистотѣ и исправности.

11) Обязанности дневальнаго въ ротѣ и въ эскадронѣ, у воротъ, въ лагерѣ и на походѣ, а въ кавалеріи—и на конюшнѣ.

12) Обязанности часоваго, патрульнаго и конвойнаго при караульной службѣ и при сопровожденіи арестантовъ.

13) Обязанности часоваго въ сторожевой цѣпи, а въ кавалеріи—и въ разъѣздѣ.

14) Награды по службѣ.

15) Довольствіе отъ казны деньгами, вещами и провіантомъ. Ка-

(*) Приказъ по военному вѣдомству 1875 г., № 52.

кія вещи состоятъ на рукахъ солдата; укладка вещей въ пѣхотѣ въ ранцы, а въ кавалеріи—во вьюки.

16) Въ кавалеріи, сверхъ того, солдатъ долженъ знать: названіе своей лошади, годъ ея привода на службу, какія вещи на ней состоятъ и названія всѣхъ частей сѣдельнаго убора и ихъ назначеніе.

17) Правила сбереженія ручнаго огнестрѣльнаго и холоднаго оружія, чистку амуниціи, половинную разборку, сборку и чистку винтовки, какой состоитъ на ней нумеръ, какъ она бьетъ, и что вообще должно соблюдаться при выстрѣлѣ, и

18) знаніе сигналовъ, по которымъ исполненіе въ строю производится самими нижними чинами безъ команды начальниковъ.

Но одной заботы о нравственномъ, умственномъ и служебномъ развитіи солдата еще недостаточно. Чтобы быть воиномъ, ему надо быть искуснымъ бойцомъ, а это достигается различными отдѣлами одиночнаго строеваго обученія, какъ-то:

1) Гимнастикою.

2) Практическимъ знакомствомъ солдата съ правилами сбереженія оружія.

3) Обученіемъ его дѣйствію холоднымъ оружіемъ.

4) Обученіемъ его стрѣльбѣ.

5) Одиночными строевыми ученьями и, наконецъ,

6) Подготовкою его къ сомкнутому строю и къ дѣйствію массами.

Для полнаго одиночнаго образованія пѣхотнаго солдата у насъ опредѣленъ шестимѣсячный срокъ. Всѣ отрасли одиночнаго солдатскаго обученія должны быть въ это время подвигаемы разомъ. Объемъ занятій въ теченіе каждаго мѣсяца можетъ быть измѣняемъ по усмотрѣнію начальства, но послѣдовательность обученія должна быть непремѣнно ведена въ томъ самомъ порядкѣ, въ которомъ изложена въ уставѣ, а именно:

Прежде всего умственное развитіе новобранца; потомъ занятія приготовительною гимнастикою, стойка и повороты; далѣе: разборка, сборка, чистка и заряжаніе ружья; обученіе фехтованію и приготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія, какъ-то: прицѣливаніе, прикладка, спускъ курка и т. п.; затѣмъ, гимнастика на машинахъ, маршировка, ружейные пріемы и изученіе сигналовъ, а спустя еще мѣсяцъ, стрѣльба боевыми патронами, шереножныя и взводныя ученья и, наконецъ, приготовленіе молодыхъ солдатъ къ разсыпному строю.

Образованіе кавалерійскаго солдата нѣсколько сложнѣе, потому что къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ мы говорили, прибавляется еще уходъ за лошадью, сѣдловка, волтижированіе и, наконецъ, верховая

ѣзда, которую солдатъ, какъ боецъ на конѣ, долженъ изучить, по возможности, въ совершенствѣ.

Прежде для одиночнаго обученія всадника полагался девятимѣсячный срокъ; но, со введеніемъ устава объ общей воинской повинности, срокъ этотъ сокращенъ до четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, чтобы дать возможность всѣмъ новобранцамъ участвовать въ лѣтнихъ занятіяхъ въ первый же годъ поступленія ихъ на службу.

Эта ограниченность времени заставляетъ, однако же, нѣкоторые предметы одиночнаго обученія, какъ, напримѣръ, рубку и колотіе чучелъ, волтижированіе на конѣ и другіе, которые не могли быть пройдены въ той полнотѣ и законченности, какъ это требовалось прежнею рекрутскою школою, откладывать до осени, т. е. до времени возвращенія полковъ съ травянаго довольствія (*).

Затѣмъ, что касается до казаковъ, то у нихъ предметы одиночнаго образованія тѣ же, что и въ кавалеріи; но самое обученіе ихъ производится въ станицахъ, по правиламъ, утвержденнымъ особо для каждаго казачьяго войска. Опытъ показалъ, однакоже, что однихъ этихъ правилъ далеко недостаточно для того, чтобы образовать изъ казаковъ такихъ наѣздниковъ и воиновъ, которые служили бы достойными представителями своей исторической славы. Для этого нужна подготовка съ ранняго дѣтства, а слѣдовательно, и военное воспитаніе должно быть внесено, такъ сказать, опять въ домашній, семейный бытъ казака и производиться не иначе, какъ сообразно сложившимся издавна условіямъ и потребностямъ казачьей жизни.

Дѣйствительно, прежніе казаки учились воевать въ разгарѣ самой войны. Теперь, какъ извѣстно, нѣтъ ни одного казачьяго войска, которое стояло бы на рубежѣ своей земли лицомъ къ лицу съ непріятелемъ; а потому и казаки должны почерпать первоначальные уроки военнаго дѣла уже не изъ самаго дѣла, а изъ тѣхъ изустныхъ разсказовъ отцовъ или дѣдовъ, которые сохраняются еще во многихъ семейныхъ казачьихъ преданіяхъ. Напрасно намъ будутъ говорить, что эти преданія исчезли и что воскресить старинные обычаи трудно. Трудно—еще не значитъ нельзя, а потому поддерживать у казаковъ боевыя наклонности и развивать ихъ прирожденный воинственный духъ, который, при вѣковой наслѣдственности военнаго званія, не можетъ не переходить изъ одного поколѣнія въ другое,—прямая забота каждаго казачьяго офицера.

Такимъ образомъ, необходимо стараться, чтобы первые уроки военнаго дѣла казакъ получалъ дома, въ своей семьѣ, отъ своего

(*) Приказъ по кавалеріи 1874 года, № 4.

отца, дѣда или старшаго брата; а если этого сдѣлать нельзя по какимъ нибудь причинамъ, то дѣло первоначальнаго военнаго развитія казаковъ должно лежать на обязанности начальныхъ или станичныхъ школъ, которыя, помимо своихъ общеобразовательныхъ цѣлей, могутъ служить съ успѣхомъ къ подготовленію казачьихъ малолѣтковъ ко всѣмъ условіямъ ихъ будущей службы. Тамъ, вмѣстѣ съ обученіемъ первоначальной грамотѣ, дѣти, подъ руководствомъ бывалыхъ казаковъ, могутъ изучить главнѣйшія обязанности военнаго званія, гимнастику, правила сборки, разборки и сбереженія винтовки, первоначальные пріемы стрѣльбы, дѣйствіе холоднымъ оружіемъ, сигналы и основныя начала какъ пѣшаго, такъ и коннаго строя. Опытъ, сдѣланный этому въ нѣкоторыхъ казачьихъ войскахъ, обѣщаетъ въ будущемъ благіе результаты. Остается только пожелать, чтобы эти школы были распространены повсюду, и чтобы въ основѣ ихъ положены были разумныя и правильныя начала военнаго воспитанія, вполнѣ сообразнаго съ нравами и духомъ казачества.

Затѣмъ, годъ льготнаго времени, даваемый передъ самымъ призывомъ на службу, будетъ уже весьма достаточенъ для того, чтобы молодой казакъ, подъ руководствомъ хорошаго инструктора, повторилъ основательно все то, чему онъ учился на волѣ и, сверхъ того, усовершенствовалъ бы себя въ верховой ѣздѣ, наѣздничествѣ и въ цѣльной стрѣльбѣ изъ винтовки. Что же касается до коннаго строя, аванпостныхъ ученій, развѣдывательной службы и т. п., то казакъ обязанъ пройти все это въ теченіе лѣтняго мѣсячнаго сбора, которымъ, такъ сказать, долженъ заканчиваться домашній практическій курсъ его военнаго образованія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что относительно нѣкоторыхъ требованій строевой службы, казачьи полки, особенно въ первое время послѣ призыва, будутъ стоять ниже регулярныхъ; но за то могутъ и должны превосходить послѣдніе въ другихъ отношеніяхъ.

Такъ, уступая кавалеріи во всемъ, что касается внѣшняго вида, тщательнаго подбора лошадей, чистоты равненія, сомкнутости, отчетливости и красоты построеній, они должны превосходить ее:

1) въ стрѣльбѣ на всѣ дистанціи;

2) въ быстротѣ сѣдловки и выхода въ строй по тревогѣ;

3) въ быстротѣ переходовъ изъ коннаго строя въ пѣшій и обратно;

4) въ продолжительности движеній быстрыми аллюрами;

5) въ разсыпномъ строѣ и въ лавѣ, относительно бойкаго управленія конемъ, находчивости и умѣнья всадника примѣняться къ мѣстности, и

6) въ аванпостной и развѣдочной службѣ.

На эти стороны военнаго образованія казаковъ и надо обращать особенное вниманіе, причемъ и самое распредѣленіе занятій въ казачьихъ полкахъ должно быть приблизительно слѣдующее (*):

Во время расположенія сотенъ по квартирамъ слѣдуетъ обучать казаковъ: 1) грамотѣ; 2) пониманію топографическихъ картъ на столько, чтобы казаки могли оріентироваться по картамъ; 3) волтижированію на деревянномъ конѣ; 4) сборкѣ и разборкѣ огнестрѣльнаго оружія; 5) теоріи стрѣльбы и самой стрѣльбѣ боевыми патронами на дистанціи не свыше 400 шаговъ; 6) правильной сѣдловкѣ; 7) одиночной ѣздѣ—съ обращеніемъ вниманія не на красоту посадки, а на крѣпость ея и смѣлость ѣзды и управленія лошадью; 8) скачкѣ черезъ препятствія и ѣздѣ по неровной мѣстности; 9) плаванію черезъ рѣки; 10) стрѣльбѣ верхомъ, на скаку, боевыми патронами въ мишень; 11) на скаку—рубкѣ и уколамъ чучелъ; 12) джигитовкѣ, съ примѣненіемъ пріемовъ ея къ какимъ нибудь боевымъ цѣлямъ; 13) сотеннымъ построеніямъ, пѣшее по конному; 14) сотеннымъ коннымъ ученьямъ и 15) военнымъ проѣздкамъ.

Во время полковыхъ сборовъ казаки должны обучаться: 1) стрѣльбѣ на всѣ дистанціи; 2) полковымъ ученьямъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на быстроту построеній и 3) малымъ маневрамъ.

ГИМНАСТИКА.

Физическое воспитаніе солдата составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ военнаго образованія, такъ какъ оно развиваетъ силы, укрѣпляетъ тѣло, а по отношенію къ военному дѣлу, научаетъ преодолѣвать такія препятствія, передъ которыми многіе отступаютъ.

Гимнастика, какъ особый отдѣлъ военнаго образованія, введена въ наши войска только съ 1856 года, и въ настоящее время въ пѣхотѣ проходится по руководству, составленному г. Шмидтомъ, которое принято временно, въ видѣ опыта, съ тѣмъ, чтобы къ 1-му января 1875 года всѣ части войскъ доставили о немъ свое заключеніе. Всѣ гимнастическія упражненія, входящія въ составъ этого курса, раздѣляются, по ихъ характеру, на пять отдѣловъ: 1) упражненія простыя, 2) упражненія со взаимодѣйствіемъ, 3) упражненія съ ручными апаратами, 4) упражненія на машинахъ и 5) бѣгъ. Полная

(*) Приказъ по военному вѣдомству 1875 года, № 203.

гимнастика г. Шмидта заключаетъ въ себѣ болѣе трехсотъ движеній, а потому нельзя требовать отъ войскъ, чтобы они проходили курсъ въ той полнотѣ и послѣдовательности, какъ онъ изложенъ въ руководствѣ. Приходится, по необходимости, выбирать изъ каждаго отдѣла по нѣсколько упражненій, смотря по времени, мѣсту и средствамъ, какія находятся въ распоряженіи обучающаго. Это составляетъ, конечно, большое неудобство, предоставляя слишкомъ широкій произволъ въ выборѣ тѣхъ или другихъ движеній, и лишаетъ самое обученіе необходимой системы и постепенности.

Такое неудобство побудило г. Шмидта издать особый краткій перечень упражненій для зимняго учебнаго сезона, примѣнительно къ расположенію войскъ по деревнямъ. Всѣхъ движеній, рекомендуемыхъ авторомъ, семь; это: 1) выбрасываніе ногъ впередъ, 2) выбрасываніе ногъ въ сторону, 3) откидываніе пятокъ, 4) нагибаніе тѣла впередъ, 5) опусканіе и подниманіе на правой или лѣвой ногѣ, 6) сгибаніе и выпрямленіе локтей на брусьяхъ и 7) притягиваніе и опусканіе корпуса на горизонтальной палкѣ. Нельзя не согласиться, однако же, съ г. Брандтомъ, который, въ критическомъ разборѣ означенной брошюры (*), находитъ, что этого слишкомъ мало для того, чтобы наполнить весь длинный періодъ зимняго учебнаго сезона, и предлагаетъ по этому прибавить къ названнымъ уже упражненіямъ всѣ, такъ называемыя, простыя движенія, а также подготовленія къ производству правильныхъ прыжковъ, и, наконецъ, самые прыжки въ ширину, какъ такія движенія, которыя могутъ исполняться при всякомъ помѣщеніи нижнихъ чиновъ.

Изъ всѣхъ поименованныхъ нами упражненій, три, а именно: притягиваніе и опусканіе корпуса, опусканіе и подыманіе на паралельныхъ брусьяхъ и откидываніе пятокъ, г. Шмидтъ признаетъ основными и почитаетъ существенно необходимыми для составленія правильной оцѣнки физическаго развитія людей. Къ этому г. Брандтъ совѣтуетъ еще прибавить четвертое упражненіе, а именно: прыганіе въ ширину, такъ какъ это упражненіе, помимо опредѣленія развитія физической силы и ловкости, можетъ служить еще къ опредѣленію самой правильности обученія гимнастикѣ, потому что прыжокъ требуетъ соблюденія извѣстныхъ условій, отступленіе отъ которыхъ будетъ замѣтнѣе здѣсь, чѣмъ при какомъ-нибудь другомъ движеніи.

Вообще же конечная цѣль военной гимнастики должна, по мнѣнію г. Шмидта, заключаться въ томъ, чтобы послѣ годичной практики,

(*) «Военный Сборникъ» 1874 года № 1-й.

всѣ молодые новобранцы, или по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ, могли бы выполнить слѣдующія условія:

1) Пробѣжать безъ большого утомленія мѣрнымъ бѣгомъ въ амуниціи и съ ружьемъ (безъ ранца) въ линейныхъ ротахъ 10, а въ стрѣлковыхъ частяхъ 20 минутъ;

2) перепрыгнуть ровъ шириною въ пять аршинъ;

3) перейти черезъ всякій ровъ по горизонтальному бревну на высотѣ полутора аршина;

4) перепрыгнуть препятствіе вышиною въ полгруди;

5) семь разъ притянуться на рукахъ на горизонтальной перекладинѣ, не становясь ногами на землю;

6) восемь разъ согнуть и выпрямить локти, стоя на паралельныхъ брусьяхъ, и потомъ правильно выпрыгнуть впередъ, назадъ или въ сторону;

7) взлѣзать по отвѣсному канату на высоту трехъ саженей, или взбираться по высокимъ и круто поставленнымъ лѣстницамъ;

8) взбѣжать на крутизну высотою въ одну сажень, и затѣмъ спрыгивать внизъ съ большей или меньшей высоты и т. п.

Для большинства перечисленныхъ здѣсь упражненій лучшимъ гимнастическимъ городкомъ служило бы, безспорно, земляное укрѣпленіе сильной профили, усиленное засѣками, волчьими ямами, шахматными кольями, палисадными стѣнками, частоколами, различными барикадами и вообще всѣми способами, представляемыми намъ современною инженѐрною наукою. Рота, которая влѣзетъ по одиночкѣ въ такое укрѣпленіе, готова для преодолѣнія какихъ-угодно мѣстныхъ препятствій. При этомъ сами собою выработываются снаровки подсаживанія, перепрыгиванія и т. п., а нижніе чины наглядно знакомятся съ вооруженіемъ полевой и даже временной фортификаціи, что имъ пригодится впослѣдствіи, при атакахъ и штурмахъ земляныхъ укрѣпленій противника.

Въ частяхъ, расположенныхъ по близости отъ долговременныхъ сооруженій, или въ казармахъ и городахъ, имѣющихъ высокія каменныя стѣны, къ сказаннымъ упражненіямъ можно присоединить и штурмъ оныхъ, какъ это дѣлывалъ Суворовъ, не упускавшій случая упражнять войска во всемъ, что непосредственно касалось боеваго дѣла.

Гг. офицеры, проникнутые сознаніемъ долга служить во всемъ примѣромъ для нижнихъ чиновъ, не должны пренебрегать и сами подобными упражненіями. Напротивъ, они обязаны быть впереди и принимать участіе въ преодолѣніи мѣстныхъ препятствій во главѣ сво-

ихъ взводовъ и ротъ, чтобы впослѣдствіи показать солдатамъ путь къ побѣдѣ и къ славѣ.

Такимъ образомъ, польза *приготовительной* гимнастики, которая составляетъ первый и самый важный, самый существенный отдѣлъ для физическаго развитія и укрѣпленія солдата, непосредственно обнаруживается при одиночномъ обученіи новобранцевъ, которые при помощи ея легко и незамѣтно подготовляются къ выправкѣ и маршировкѣ; *практическая* же гимнастика, помимо тѣхъ цѣлей, о которыхъ мы говорили, учитъ преодолѣнію мѣстныхъ препятствій въ полѣ и служитъ къ достиженію въ извѣстной степени развитія въ людяхъ безстрашія и молодечества.

Но, признавая за гимнастикою характеръ военно-воспитательный, не надо упускать изъ виду ея гигіеническихъ цѣлей и помнить, что самый уставъ нашъ запрещаетъ требовать отъ обучающихся «болѣе того, чѣмъ каждый изъ нихъ, по своему тѣлосложенію, силамъ и физическимъ способностямъ, исполнить въ состояніи».

Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы у насъ гимнастика примѣнялась вездѣ съ безусловною пользою. Главный недостатокъ ея лежитъ въ отсутствіи надлежащей системы, — а это объясняется отчасти обширностію самаго курса и слишкомъ торопливымъ прохожденіемъ гимнастическихъ пріемовъ, вслѣдствіе чего людямъ, которые еще недостаточно усвоили себѣ первоначальныя движенія, позволяютъ дѣлать гимнастику на сложныхъ машинахъ; по наблюденію же многихъ врачей это не развиваетъ людей, а скорѣе имѣетъ вредное вліяніе на ихъ здоровье.

Доказательствомъ въ этомъ случаѣ служитъ то, что при началѣ курса у насъ почти нигдѣ не взвѣшиваютъ нижнихъ чиновъ и не измѣряютъ имъ груди, а между тѣмъ вѣсъ тѣла и объемъ груди представляютъ существенныя данныя, по которымъ можно судить о пользѣ гимнастики, потому что, при правильномъ и раціональномъ занятіи ею, и то и другое должно увеличиться непремѣнно по прошествіи одного или двухъ мѣсяцевъ.

Чтобы гимнастика приносила возможно бóльшую пользу, необходимо сохранить за нею характеръ непринужденности и занимательности, такъ, чтобы она служила какъ бы противовѣсомъ нѣкоторой монотонности строевыхъ занятій. По самому смыслу устава, обучающій долженъ избѣгать при этомъ строгаго обращенія и не слишкомъ удерживать невинные порывы веселости, которые при этихъ занятіяхъ иногда вырываются невольно. Съ этой стороны мы особенно рекомендуемъ гимнастическія игры, приложенныя къ концу руководства

г. Шмидта. Служа превосходнымъ средствомъ для веселаго препровожденія свободнаго времени, онѣ отвлекаютъ людей отъ многихъ дурныхъ привычекъ и склонностей, втягиваютъ въ общій кругъ лѣнивыхъ и флегматичныхъ по натурѣ, сближаютъ между собою играющихъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ вырабатываютъ даже авторитетность болѣе веселыхъ, умныхъ и энергичныхъ личностей, а это далеко небезполезно въ военномъ отношеніи.

Къ этимъ же играмъ, по справедливости, должны бы быть отнесены и нѣкоторыя изъ тѣхъ упражненій, которыя теперь находятся въ курсѣ, какъ, напримѣръ, бѣгъ паутиною, змѣйкою, колесомъ и т. п. Курсъ черезъ это выигралъ бы въ краткости, а солдатскіе досуги обогатились бы новыми веселыми и занимательными играми.

По однородности вліянія на нравственную и духовную сторону человѣка, къ такимъ же полезнымъ развлеченіямъ должны быть отнесены и военныя пѣсни. Значеніе ихъ, какъ элемента, способствующаго къ развитію въ войскахъ молодецкаго духа и истинно боеваго направленія, не можетъ подлежать сомнѣнію. Пѣсня, запечатлѣнная патріотическимъ чувствомъ, согрѣтая любовью къ Царю и къ славѣ роднаго оружія, легче всего знакомитъ солдатъ съ прошедшими славными походами, сохраняетъ въ рядахъ ихъ память о достославныхъ побѣдахъ и тѣхъ вождяхъ, которые покрыли русское имя неувядаемою славою. Къ сожалѣнію, только въ немногихъ полкахъ обращаютъ на это вниманіе, а чаще боевыя пѣсни замѣняются другими, совершенно чуждыми и духу и быту нашего солдата. А между тѣмъ, чтобы вполнѣ понять чарующее вліяніе пѣсни въ бою, стоитъ только припомнить тѣ, съ которыми войска ходили на приступъ Варшавы и брали грозные кавказскіе завалы.

Въ кавалеріи гимнастика, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, проходится въ значительно меньшемъ объемѣ, нежели въ пѣхотѣ, и состоитъ изъ однихъ пасивныхъ пріемовъ, указанныхъ подробно въ уставѣ одиночнаго образованія кавалеріи. Это происходитъ, съ одной стороны, отъ того, что въ кавалеріи соотвѣтствующимъ ей предметомъ служитъ волтижированіе, которое притомъ непосредственно преслѣдуетъ прямую кавалерійскую цѣль, вырабатывая въ людяхъ крѣпость посадки и увѣренность въ себѣ при всякаго рода случайностяхъ ѣзды, а съ другой—потому, что занятія кавалерійскаго солдата, будучи гораздо сложнѣе пѣхотнаго, разсчитаны и принаровлены такъ, чтобы ежедневныя упражненія около лошади вполнѣ замѣняли собою учебную гимнастику въ военномъ и въ санитарномъ отношеніяхъ.

Казаки обучаются гимнастикѣ частію приготовительной, а частію

и на машинахъ въ послѣдній годъ передъ призывомъ на службу или и ранѣе въ станичныхъ школахъ, если таковыя обладаютъ достаточными матеріальными средствами. Правила для прохожденія гимнастики въ обоихъ случаяхъ остаются тѣ же, что и въ пѣхотѣ и въ кавалеріи, смотря потому, какая гимнастика будетъ принята казаками; но надо помнить, что главнымъ основаніемъ другой, народной казачьей гимнастики должны служить городки и тѣ старинныя забавы и игры, въ которыхъ обыкновенно принимаетъ участіе все населеніе казачьей станицы. Вотъ эту-то народную, въ высшей степени своеобразную гимнастику, осмысленную при томъ формою военной игры и издавна служившую казакамъ превосходною военною школою, необходимо поддерживать въ домашнемъ быту ихъ, чтобы доставить казачьимъ малолѣткамъ возможность развивать свои физическія силы, находчивость и ловкость съ самаго ранняго возраста.

Что касается волтижированія, то оно составляетъ необходимое подспорье верховой ѣзды, какъ въ кавалеріи, такъ и у казаковъ.

Первоначальныя подготовительныя упражненія этого рода производятся по правиламъ, даннымъ въ уставѣ «одиночнаго образованія кавалеріи», и состоятъ изъ различныхъ прыжковъ на деревянную лошадь. Затѣмъ, когда обучающійся уже выкажетъ достаточные успѣхи въ этихъ урокахъ, въ кавалеріи переходятъ къ волтижированію на конѣ, а въ казачьихъ войскахъ — къ джигитовкѣ. Само собою разумѣется, что упражненія на боевомъ конѣ въ пріемахъ, иногда внушаемыхъ человѣку однимъ безотчетнымъ, не имѣющимъ границъ и предѣловъ желаніемъ показать свою молодецкую удаль, не могутъ быть обязательны для всѣхъ безъ исключенія. Ихъ слѣдуетъ требовать только въ мѣрѣ физической и нравственной способности каждаго; но чѣмъ они будутъ отважнѣе, рискованнѣе и даже отчаяннѣе, тѣмъ лучше.

Вотъ почему, говоря объ этомъ отдѣлѣ обученія, нельзя не обратить особеннаго вниманія на одинъ изъ параграфовъ устава (*), гдѣ, между прочимъ, сказано, что «соревнованіе доводитъ учащихся часто до излишней смѣлости, которую необходимо, сколь возможно, укрощать, чтобы предупредить могущія случиться отъ того несчастія».

Этими словами устава, по мнѣнію многихъ авторитетныхъ кавалерійскихъ начальниковъ, слѣдуетъ пользоваться съ большою осмотрительностію, во-первыхъ, потому, что въ военномъ человѣкѣ *нѣтъ смѣлости, которая могла бы почитаться излишнею*, а во-вто-

(*) § 100-й. Уставъ одиночнаго образованія кавалеріи. Глава о волтижированіи.

рыхъ, все воспитаніе его должно быть ведено и направлено къ тому, чтобы развить лихую, безоглядную отвагу и притупить чувство самосохраненія, и безъ того развитое въ каждомъ. Дѣло начальника вести обученіе такъ, чтобы, *по возможности*, предупреждать несчастные случаи, но говорить о нихъ казаку или солдату, внушать имъ мысль объ опасности, о возможности упасть или убиться, болѣе нежели опасно. Страхъ дѣйствуетъ заразительно, и въ результатѣ часто получается то, что молодые люди, не надѣленные отъ природы большою смѣлостію, начинаютъ бояться даже того, чего бояться вовсе не слѣдуетъ.

Но, развивая казака физически, давая широкій просторъ проявленію въ немъ безстрашія и удали, никогда не упускайте изъ виду его духовную сторону, не забывайте пѣсни, которая для казаковъ имѣетъ болѣе глубокое и серьезное значеніе, чѣмъ въ регулярныхъ войскахъ, потому что казацкія пѣсни—это былины добраго, стараго времени, о которомъ каждый казакъ вспоминаетъ съ благоговѣніемъ. Въ этихъ былинахъ, какъ въ зеркалѣ, отражается тревожный, полный опасностями бытъ порубежнаго казачества со всѣми его богатырскими подвигами и дорогими именами: Ермака Тимофѣевича, Палѣя, Дорошенки, Сагайдачнаго, Наливайки, и многихъ другихъ полковниковъ и атамановъ казацкихъ; позднѣе появляются пѣсни объ Азовскомъ сидѣніи, о страшной, почти вѣковой Кавказской войнѣ, о знаменитомъ Иканскомъ боѣ, бывшемъ далеко, далеко, на самой окраинѣ обширной Россійской Имперіи, и вслѣдъ за ними являются опять на сцену имена: Краснощекова, Платова, Бакланова, Слѣпцова и нѣкоторыхъ другихъ, современныхъ намъ представителей богатырскаго казацкаго эпоса, увѣковѣченныхъ заживо народными легендами. Сохранить эти пѣсни значитъ сохранить казакамъ исторію ихъ собственной жизни для назиданія и пользы позднѣйшаго потомства, а кто-то справедливо сказалъ, что «великая будущность ожидаетъ народъ, который не разрываетъ связи со своимъ прошедшимъ».

Затѣмъ, необходимымъ дополненіемъ курса военной гимнастики, какъ въ кавалеріи, такъ и въ пѣхотѣ, служитъ особый отдѣлъ ея: военныя прогулки и строевыя проѣздки. Такъ какъ быстрота въ кавалеріи и способность къ перенесенію продолжительныхъ ускоренныхъ движеній въ пѣхотѣ составляютъ насущную потребность въ военное время, то и прогулки должны производиться, по возможности, чаще: въ кавалеріи—перемѣнными аллюрами, въ пѣхотѣ—съ полнымъ боевымъ снаряженіемъ и полною укладкою въ ранцахъ. У казаковъ военныя проѣздки должны непремѣнно соединяться еще и съ практи-

ческими цѣлями, которыя, по самому смыслу приказа (*), должны состоять въ упражненіи казаковъ въ сторожевой и развѣдочной службѣ, въ засадахъ, въ посылкахъ людей отдѣльно и командами врозь, назначая мѣста, гдѣ они должны быть, и затѣмъ, куда должны собраться къ назначенному времени. Нельзя не сказать при этомъ, что упражненія въ подобныхъ походныхъ движеніяхъ составляли одинъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ Суворовскаго воспитанія войскъ,—отдѣлъ, который онъ освятилъ безсмертнымъ своимъ афоризмомъ: «тяжело въ ученьи—легко въ походѣ; легко въ ученьи—тяжело въ походѣ»—что не мѣшаетъ помнить каждому военному человѣку.

Но для того, чтобы втянуть солдата въ труды и въ носку той тяжести, съ которою онъ не разстается на войнѣ, нужно, чтобы онъ привыкъ къ ней заблаговременно въ мирное время. У насъ, въ пѣхотѣ, по большей части принято обучать молодыхъ солдатъ безъ ранцевъ, которые надѣваются на нихъ только въ началѣ лѣтнихъ занятій. Такой порядокъ не можетъ быть признанъ правильнымъ, особенно по отношенію къ молодымъ солдатамъ, а потому необходимо надѣвать на нихъ ранцы сперва на десять, пятнадцать минутъ во время одиночнаго ученья, а затѣмъ постепенно увеличивать продолжительность этого времени, пока люди совершенно не привыкнутъ къ ношенію ранцевъ. Тогда, и также постепенно, слѣдуетъ пріучать ихъ къ носкѣ въ ранцахъ полной укладки, а въ сумахъ—полнаго комплекта боевыхъ патроновъ.

Такая же постепенность должна быть соблюдаема при пріученіи кавалерійской лошади къ носкѣ тяжелаго вьюка, который въ военное время остается на ней при всѣхъ передвиженіяхъ.

Итакъ, чтобы гимнастика приносила ту пользу, которую отъ нея ожидаютъ и требуютъ, какъ въ санитарномъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ, необходимо соблюдать строгую постепенность въ занятіяхъ.

Постепенность эта можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ.

Въ пѣхотѣ:

1) Простыя упражненія.

2) Упражненія со взаимодѣйствіемъ, сперва по парно, а затѣмъ и групами.

3) Бѣгъ.

4) Прыганіе въ ширину и въ вышину.

5) Упражненія въ равновѣсіи на бревнѣ, различныя упражненія

(*) Приказъ по военному вѣдомству 1875 г. № 203.

на наклонной доскѣ, на паралельныхъ брусьяхъ, на горизонтальной перекладинѣ и на деревянной лошади.

6) Лазаніе по шестамъ, канатамъ и лѣстницамъ.

7) Упражненія на барьерѣ и стѣнкѣ.

8) Гимнастическія игры, и

9) Военныя прогулки въ полномъ боевомъ снаряженіи.

Въ кавалеріи:

Пріемы пасивной гимнастики:

1) Произвольныя положенія рукъ и ногъ.

2) Поворачиваніе и нагибаніе головы.

3) Поворачиваніе, нагибаніе и круженіе тѣла.

4) Выбрасываніе рукъ, разведеніе и сведеніе рукъ, качаніе руками и кругообразное маханіе ими.

5) Подниманіе тѣла на носки и приседанія.

6) Качаніе ногою.

7) Выпадъ и пріуготовительные прыжки, какъ съ движеніемъ впередъ, такъ и съ мѣста.

Нельзя не замѣтить при этомъ, что наставленіе для обученія молодыхъ солдатъ въ гвардейской кавалеріи придаетъ пасивной гимнастикѣ такое значеніе, что предписываетъ начинать съ нея ежедневныя занятія съ солдатомъ, но производить эти занятія не болѣе 10 или 15 минутъ, а съ отдыхами—около получаса.

Волтижированіе на деревянной лошади заключаетъ въ себѣ слѣдующіе пріемы:

1) Прыжокъ съ разбѣга, черезъ крупъ, прыжокъ съ разбѣга съ боку въ сѣдло и прыжокъ съ боку черезъ всю лошадь.

2) Прыжки безъ разбѣга: прыжокъ съ мѣста съ боку, прыжокъ драгунскій и прыжокъ адъютантскій.

3) Соскакиваніе съ лошади съ переносомъ правой ноги черезъ крупъ или черезъ гриву.

4) Правила посадки, а у казаковъ и показаніе первоначальныхъ пріемовъ, какъ слѣдуетъ наклоняться съ сѣдла, чтобы поднять съ земли папаху, плеть и т. п. предметы.

Затѣмъ, волтижированіе на конѣ производится въ кавалеріи сперва на лошади, осѣдланной вольтовымъ трокомъ, а потомъ на форменномъ сѣдлѣ и въ полной амуниціи, но въ томъ и другомъ случаѣ—на кордѣ.

Самые пріемы заключаются въ слѣдующемъ:

1) Простыя тѣлодвиженія на конѣ, способствующія развитію

смѣлости и твердости посадки, заставляя новобранца держаться въ сѣдлѣ силою однѣхъ ногъ и равновѣсіемъ тѣла.

2) Упражненія для впрыгиванія въ сѣдло: бѣгъ около лошади, приготовительный темпъ для впрыгиванія, прыжокъ въ сѣдло, соскакиванія съ лошади и

3) Прыжки въ одинъ темпъ не только на галопѣ съ лѣвой ноги, но на карьерѣ, на рыси и даже на шагу; послѣднее, какъ самое трудное, относится въ конецъ манежнаго образованія и допускается только тогда, когда предварительное обученіе будетъ окончено.

Казачья джигитовка производится въ полѣ, безъ всякихъ кордъ, на боевомъ конѣ и въ полномъ боевомъ снаряженіи всадника. Она не имѣетъ никакихъ установленныхъ правилъ, предоставляя каждому дѣлать то, что ему угодно; но надо пожелать, чтобы каждый казакъ на всемъ скаку могъ свертываться съ сѣдла, укрываясь за нимъ отъ выстрѣла противника, поднимать съ земли различные предметы, спрыгивать и вскакивать въ сѣдло на всѣхъ аллюрахъ, не исключая карьера и, наконецъ, класть лошадь на землю, чтобы вмѣстѣ съ ней укрыться въ засадѣ, или стрѣлять изъ-за нея, какъ изъ-за бруствера.

Затѣмъ кавалерійская гимнастика заканчивается строевыми проѣздками, при которыхъ, само собою разумѣется, необходимо соблюдать строгую постепенность какъ въ увеличеніи тяжести конскаго вьюка, такъ и въ продолжительности самыхъ движеній.

СБЕРЕЖЕНІЕ ОРУЖІЯ.

Еще недавно было время, когда обученіе солдата дѣйствію оружіемъ начиналось съ ружейныхъ пріемовъ, а не со стрѣльбы и фехтованія, какъ это принято вездѣ въ настоящее время. Первыя впечатлѣнія имѣли, разумѣется, огромное значеніе. Солдатъ привыкалъ смотрѣть на ружье, какъ на машину, годную лишь для пріемовъ, а не для пораженія врага, и прямымъ послѣдствіемъ такого взгляда было, съ одной стороны, пренебреженіе къ ружью, какъ къ оружію, а съ другой—стремленіе, во чтобы то ни стало, достигнуть звучности темпа, для чего подпиливались гайки, расшатывались винты и ружье приводилось въ состояніе полнѣйшей негодности для боя.

Тоже самое происходило и въ кавалеріи съ саблями, которыя для приданія имъ наружнаго блеска чистились пескомъ, толченымъ кирпичомъ и даже мелкими камешками.

Теперь возвратъ къ былому взгляду на оружіе сдѣлался невоз-

можнымъ. Образованіе солдата поставлено на правильныя, раціональныя начала, и мы уже видѣли, что обученіе его начинается именно съ уроковъ стрѣльбы и фехтованія, т. е. съ искусства поражать врага съ дальняго разстоянія—пулей, съ близкаго въ пѣхотѣ—штыкомъ, въ кавалеріи—пикой или саблею.

Мѣткая стрѣльба требуетъ, прежде всего, содержанія винтовки въ полной исправности, а для этого мало того, чтобы твердо знать разборку, сборку и чистку ея, нужно умѣть еще принимать общія мѣры предосторожности, дабы не допускать въ ней ржавчины, а тѣмъ болѣе порчи. Правила для сбереженія винтовки указаны подробно въ «Наставленіи для обученія стрѣльбѣ въ цѣль пѣхоты и драгуновъ». Важнѣйшія изъ нихъ заключаются въ томъ, чтобы пріучить солдата, при всѣхъ условіяхъ службы, ежедневно протирать каналъ ружейнаго ствола, коробку и затворъ просаленною тряпочкою, чѣмъ устраняется вредное вліяніе пыли и сырости. Затѣмъ, послѣ каждой стрѣльбы боевыми патронами, слѣдуетъ непремѣнно разбирать винтовку, т. е. отдѣлять нѣкоторыя части ея для чистки и смазыванія. Это—разборка половинная, которую обязанъ знать каждый солдатъ, и которая вполнѣ достаточна для того, чтобы очистить стволъ отъ остающагося въ немъ пороховаго нагара.

Всякая разборка ружья начинается съ того, что отмыкается штыкъ и вынимается шомполъ, а затѣмъ для каждой системы имѣются уже свои особенныя правила. Такъ, чтобы сдѣлать половинную разборку винтовки *Карля*, нужно открыть затворъ, какъ это дѣлается при заряжаніи, и, вынувъ его изъ коробки, отвинтить винтъ ударника и вынуть самый ударникъ. Въ системѣ *Бердана* № 1-го затворъ вынимается вмѣстѣ съ выбрасывателемъ и прицѣломъ, и затѣмъ отдѣляется замокъ, а въ той же системѣ № 2-го затворъ вынимается изъ коробки вмѣстѣ съ замочною трубкою.

Половинная разборка въ системѣ *Крынка* нѣсколько сложнѣе, потому что требуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отдѣленія ствола отъ ложи.

Дальнѣйшая разборка всякой винтовки дѣлается не иначе, какъ въ присутствіи унтеръ-офицера и по мѣрѣ дѣйствительной въ томъ надобности.

Чистка ствола обусловливается также особенностями каждой системы.

Послѣ стрѣльбы изъ винтовокъ Крынка стволъ всегда промывается. Напротивъ, въ системѣ Карля, послѣ стрѣльбы боевыми патронами, въ стволѣ остается такое незначительное количество пороховаго нагара, что промывать стволъ въ этомъ случаѣ будетъ излишне,

и достаточно протереть его слегка намоченною паклею; промывка же употребляется только тогда, когда стволъ окажется значительно загрязненнымъ; но въ этомъ случаѣ, сверхъ половинной разборки, слѣдуетъ отдѣлить стволъ отъ ложи, а это дѣлается уже не иначе, какъ подъ наблюденіемъ унтеръ-офицеровъ. Въ системахъ Бердана внутренность ствола послѣ стрѣльбы протирается обыкновенно влажною паклею и затѣмъ смазывается хорошо просаленною тряпочкою.

При протираніи ствола, а равно и при промывкѣ его послѣ стрѣльбы слѣдуетъ наблюдать вообще:

1) Чтобы вода, употребляемая для смачиванія пакли, была горячая.

2) Чтобы пакля была очищена и не заключала въ себѣ песку или грязи и

3) Чтобы протирка, или промывка не прекращались до тѣхъ поръ, пока каналъ ствола не будетъ чистъ и на-сухо вытертъ.

Относительно холоднаго оружія законъ нигдѣ не даетъ прямыхъ указаній на то, какъ слѣдуетъ его сберегать отъ порчи, а между тѣмъ это есть прямая обязанность каждаго кавалериста. «Заботьтесь о клинкѣ вашей сабли», говоритъ Грисгеймъ, «такъ же, какъ заботитесь о своихъ бритвахъ».

Одною изъ причинъ, портящихъ сабельные клинки, бываетъ сырость. Поэтому никогда не слѣдуетъ вкладывать саблю въ ножны, не вытеревъ ее предварительно. Не только дождевыя капли, кровь и туманъ, но даже едва чувствительная влажность воздуха, которая, прикасаясь къ полированной поверхности, входитъ въ ея поры, могутъ быть причиною ржавчины. Если клинокъ вложить мокрымъ, то сырость сообщится ножнамъ, а высушить ихъ чрезвычайно трудно. Слѣдовательно, чтобы не допускать появленія ржавчины, прежде всего необходимо устранять, по возможности, вредное вліяніе мокроты и сырости, а лучшее средство для этого держать клинокъ всегда слегка просаленнымъ чистымъ свинымъ или бараньимъ жиромъ; смазывать же однимъ масломъ безъ примѣси къ нему извѣстнаго количества сала или воска не должно, потому что всякое жидкое масло заключаетъ воду, которая способствуетъ окисленію желѣза (*).

Говорятъ, что, будто бы, хорошая сабля сама себя предохраняетъ отъ ржавчины. Это относительно вѣрно, потому что твердая и плотная сталь труднѣе окисляется, нежели желѣзо; но надо пом-

(*) Въ арсеналахъ оружіе обыкновенно смазывается составомъ изъ одной части деревяннаго масла и двухъ частей совершенно чистаго воска.

нить то, что ежели ржавчина появилась, то она распространяется уже чрезвычайно быстро.

Чтобы снять или очистить ржавчину, клинокъ слѣдуетъ смазать деревяннымъ масломъ и поставить въ теплое мѣсто, а еще лучше положить на солнце и, затѣмъ, слегка протереть его наждакомъ, или чистою, мягкою и хорошо просѣянною золою. Употребляютъ также и другіе способы, какъ, напримѣръ, смазываютъ клинокъ соляною кислотою и, погрузивъ его въ холодную воду, отчищаютъ потомъ золою, взятою на паклю, или завернутою въ тряпку. Можно также отмачивать клинокъ въ крѣпкомъ, хорошо приготовленномъ щелокѣ или въ уксусѣ, но употребленіе послѣдняго требуетъ извѣстной осторожности, такъ какъ при долгомъ дѣйствіи уксуса клинокъ тускнѣетъ и можетъ потребовать новой шлифовки, что безъ вреда для него можетъ быть исполнено только искуснымъ оружейникомъ.

Затѣмъ, для сбереженія сабли не слѣдуетъ рубить ею дрова и хворостъ, сѣчь камышъ, рѣзать траву, копать замлю, а тѣмъ болѣе мѣшать ею уголья, или употреблять ее вмѣсто рожна, чтобы поджарить кусокъ говядины или сала,—какъ это не рѣдко можно увидѣть на нашихъ бивакахъ. Все это уничтожаетъ въ солдатахъ довѣріе и уваженіе къ саблямъ, которыя, разумѣется, послѣ такого употребленія не могутъ быть годными для боя. Не слѣдуетъ также часто и безъ нужды вынимать, а главное быстро, отрывисто вбрасывать саблю, причемъ лезвіе ея, борозди ножны, положительно портится (*), такъ же, какъ портится и оттого, ежели ножны широки и сабля въ нихъ хлябаетъ.

Какъ отточить свою саблю и какъ, затѣмъ, сохранять остроту ея—это должно бы было служить для кавалериста предметомъ спеціальнаго изученія, потому что и плохая сабля, отточенная искусною рукою, наноситъ страшныя раны, отсѣкая члены и снимая голову. Къ тому же нигдѣ такъ не портится сабля, какъ при дурномъ, небрежномъ и неправильномъ оттачиваніи. Здѣсь первое условіе, чтобы точильный камень обливался какъ можно чаще водою, и чтобы клинокъ не держался долго на камнѣ—иначе, разогрѣваясь при треніи, онъ совершенно отпуститъ закалку и сдѣлается негоднымъ для рубки. Обыкновенные точильщики не обращаютъ на это вниманія и точатъ

(*) Это дѣлается у насъ изъ щегольства и должно быть строго преслѣдуемо. По командѣ: «сабли въ ножны»—клинокъ слѣдуетъ вкладывать плавно, сохраняя должное уваженіе къ нему, какъ къ оружію, на которое кавалеристъ возлагаетъ въ бою все свое упованіе.

на сухихъ точилахъ,—что сберегаетъ имъ камень, но портитъ сталь, до которой имъ нѣтъ никакого дѣла.

У насъ на Кавказѣ оттачиваніе клинковъ доведено было до идеальнаго совершенства. Кавказскіе горцы, казаки и драгуны пробовали остроту своихъ шашекъ, разсѣкая однимъ размахомъ наложенный на лезвіе ея платокъ, а оттого и удары ихъ были такіе, которые не требовали уже повторенія.

Во всякомъ случаѣ, острота сабли должна быть испробована слѣдующимъ образомъ: приложить къ лезвію волосъ и затѣмъ сильно на него дунуть: если волосъ будетъ перерѣзанъ, то сабля можетъ быть признана годною.

Съ такимъ же точно вниманіемъ нужно относиться и къ пикамъ, лезвія которыхъ должны быть хорошо заострены и смазаны саломъ.

Французскій писатель де-Бракъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о легкой кавалеріи, говоритъ, что пики казаковъ, сражавшихся въ 1812 году, были окованы только съ одного конца, и всадники, чтобы не класть оружія на землю, втыкали его острымъ концомъ; этимъ они до того тупили его, что во французской арміи были кавалеристы, получившіе до 22 ударовъ казачьими пиками, и которые не только отъ этого не умерли, но продолжали служить даже въ теченіе той же самой кампаніи.

Хорошее оружіе должно быть кумиромъ для храбраго человѣка, и потому кавалеристу, а тѣмъ болѣе казаку, имѣющему оружіе собственное, небезполезно было бы знать, какъ отличить хорошій клинокъ отъ дурнаго, поддѣлку подъ старину отъ настоящей старины, булатъ отъ простаго травленнаго желѣза. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ для этого никакихъ руководствъ, и наши свѣдѣнія по части холоднаго оружія обыкновенно не идутъ дальше казенныхъ учебниковъ. Чтобы узнать достоинство клинка, нужно произвести надъ нимъ испытаніе тройкимъ образомъ: для испытанія въ упругости остріе нажимаютъ медленнымъ, продолжительнымъ давленіемъ на рукоять. Возникающее искривленіе должно представить правильную дугу и, по прекращеніи давленія, клинокъ долженъ совершенно выпрямиться; однако же, чѣмъ тверже закалка, тѣмъ онъ сгибается труднѣе и тѣмъ упорнѣе сопротивленіе, оказываемое имъ давленію. Далѣе, клинокъ ударяютъ плашмя и со всею силою по столу или по боку круглаго деревяннаго столба. Самое же рѣшительное испытаніе состоитъ въ томъ, что остріемъ клинка, тремя различными мѣстами, рубятъ желѣзную полосу въ три или четыре линіи толщиною, поставленную

на ребро, — и ежели при этомъ на клинкѣ не останется знака, то онъ считается хорошимъ.

Лучшими клинками, безспорно, признаются булатные (*), далеко превосходящіе обыкновенную сталь твердостію и остротою лезвія. Они отличаются по виду волнистыми разводами или рисунками, которые покрываютъ клинокъ и составляютъ признакъ его высокаго достоинства.

Какимъ образомъ выдѣлывались эти клинки, теперь, навѣрное, никому неизвѣстно; одни полагаютъ, что булатъ приготовлялся изъ двухъ матеріаловъ: желѣза и стали; другіе, что онъ получался сплавленіемъ желѣзной руды съ самымъ чистымъ и лучшимъ графитомъ. Опыты, произведенные въ позднѣйшее время, привели только къ тому, что стали получаться клинки съ натуральнымъ, красивымъ рисункомъ, но самое произведеніе все-таки далеко не имѣетъ свойствъ настоящаго булата. Такая сталь называется дамаскированною.

Впрочемъ, подобные рисунки могутъ быть вытравлены и на самомъ обыкновенномъ желѣзѣ. Чтобы узнать поддѣлку, стоитъ только отшлифовать клинокъ, или намазать его разбавленною сѣрною или соляною кислотою, — и эти рисунки исчезнутъ; напротивъ, въ настоящемъ булатѣ и въ дамаскированной стали, ежели бы рисунки были даже и стерты, то стоитъ отшлифовать клинокъ или покрыть его ржавымъ лакомъ, употребляемымъ обыкновенно для окраски ружейныхъ стволовъ,—и эти рисунки выйдутъ наружу.

Достоинство булата узнается по слѣдующимъ признакамъ:

1) По наружному виду рисунка, который можетъ состоять изъ прямыхъ или кривыхъ линій, или, наконецъ, изъ точекъ. Прямыя линіи обличаютъ низшій сортъ булата; по мѣрѣ возвышенія его достоинства, онѣ переходятъ въ кривыя линіи и точки, образуя въ самыхъ высшихъ сортахъ фигуры, похожія на виноградныя вѣтви, или имѣющія видъ сѣтки.

2) По цвѣту грунта: чѣмъ темнѣе цвѣтъ, тѣмъ выше достоинство булата (**), и

3) По отливу на свѣтъ; если клинокъ вовсе не имѣетъ отлива,— онъ низшаго достоинства. Чѣмъ выше булатъ, тѣмъ отблескъ замѣтнѣе и тѣмъ сильнѣе онъ будетъ отливать синеватымъ, малиновымъ и въ самыхъ высшихъ сортахъ—золотистымъ цвѣтомъ.

Послѣ булата первое мѣсто должно быть отведено стариннымъ

(*) Родина булата—востокъ: Турція, Персія, Индія и отчасти Кавказъ.

(**) Это не относится къ нѣкоторымъ сортамъ индѣйскаго булата, которые извѣстны въ продажѣ подъ именемъ бѣлаго желѣза.

европейскимъ клинкамъ, особенно временъ крестовыхъ походовъ. У насъ подобные клинки встрѣчались на Кавказѣ и были извѣстны подъ разными названіями, какъ-то: волчка, гурды, терсмаймулей, крестовиковъ, франковъ и проч. Послѣдними назывались, впрочемъ, всѣ произведенія генуэзскихъ, брешіянскихъ и другихъ мастеровъ, пользовавшихся въ Европѣ заслуженною извѣстностію. Въ продажѣ подобные старинные клинки встрѣчаются рѣдко и цѣнятся дорого.

Почему, не смотря на всѣ современные успѣхи и усовершенствованія техники, старинные клинки превосходятъ своими достоинствами новѣйшія издѣлія—это объяснить себѣ можно лишь тѣмъ, что прежде приготовленіе оружія находилось въ рукахъ у людей интелигентныхъ, знакомыхъ съ наукою, которые употребляли и трудъ, и время, и всѣ свои свѣдѣнія на то, чтобы отлить, выковать и закалить клинокъ высокаго достоинства. Теперь ручная работа замѣнилась машинною и клинки выдѣлываются уже не одиночными штуками, а цѣлыми массами. Людей науки, стоявшихъ когда-то у очага и наковальни, смѣнили простые рабочіе люди; а между тѣмъ древнія сказанія повѣствуютъ намъ именно о многихъ знаменитыхъ ученыхъ оружейникахъ, какъ, напримѣръ, о генуэзцѣ Андреѣ Феррари и другихъ, жившихъ въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ. Къ сожалѣнію, историки, передавая свѣдѣнія объ ихъ удивительныхъ издѣліяхъ, ничего не говорятъ о способахъ выдѣлки, которыми они пользовались.

Изъ всѣхъ клинковъ новѣйшаго европейскаго произведенія лучшею репутаціею пользуются клинки толедскіе (Антоніо Роксо), солингенскіе и англійскіе. У насъ въ Россіи славятся клинки литой обуховской стали и особенно клинки, выдѣлываемые по способу генерала Аносова. Послѣдніе приготовляются изъ сплава желѣзной руды и графита, имѣютъ свой натуральный рисунокъ, золотистый отливъ, свободно рубятъ желѣзо и, вообще, по своимъ достоинствамъ и виду, близко подходятъ къ старинному булату.

Что же касается до нашихъ сабель, выдѣлываемыхъ въ большомъ количествѣ на Златоустовскомъ заводѣ, то слѣдуетъ сказать, что сталь этихъ клинковъ вообще недурна; но самыя сабли и шашки вовсе не годятся для рубки. Причиною тому служатъ: непомѣрная толстота обуха, значительная тяжесть клинка, дурное устройство рукоятокъ и неправильное положеніе центра тяжести, вслѣдствіе чего клинокъ ложится при ударѣ чаще плашмя, нежели лезвіемъ.

Говоря о холодномъ оружіи, нельзя не замѣтить, что оно должно составлять предметъ особаго щегольства у иррегулярнаго воина, потому

что по достоинству его безошибочно можно судить о военномъ достоинствѣ самаго народа. Доброе оружіе было и будетъ всегда кумиромъ для храбраго человѣка, который приноситъ ему въ даръ и серебро, и золото, и все, что могъ бы только сложить къ ногамъ любимѣйшаго существа. Потомокъ Чингизъ-хана татаринъ украшаетъ запястьями и ожерельями жену. Черкесъ, наоборотъ, блестящею оправою покрываетъ свою драгоцѣнную шашку, кинжалъ, винтовку и пистолеты. Чтобы достать булатный клинокъ, онъ не останавливался ни передъ какими трудностями и часто жертвовалъ за это жизнью и достояніемъ. Сберечь отцовское оружіе на Кавказѣ значило то же, что у насъ сберечь знаменитое отцовское имя. «Смерть наѣздника въ бою — плачъ въ его дому, а потеря оружія — плачъ въ цѣломъ народѣ», говоритъ черкесская пословица (*). То же самое было и въ нашемъ старинномъ казачествѣ, когда оно имѣло у себя прекрасныя шашки и сабли, по преимуществу добытыя въ бояхъ съ мусульманами, поляками и даже съ венгерцами... Но это было давно. Это преданія тѣхъ добрыхъ старыхъ временъ, о которыхъ, какъ мы уже замѣтили, казакъ вспоминаетъ всегда съ благоговѣніемъ.

ФЕХТОВАНІЕ.

Фехтованіе, какъ предметъ обученія войскъ, имѣетъ цѣлію развить въ солдатѣ умѣнье дѣйствовать въ бою холоднымъ оружіемъ, а такъ какъ холодное оружіе въ пѣхотѣ есть штыкъ, то и фехтованіе ограничивается обученіемъ дѣйствію только однимъ этимъ оружіемъ.

Искусство боя на штыкахъ заключается:

1) въ умѣньи поразить штыкомъ противника прежде, нежели онъ самъ успѣетъ нанести ударъ;

2) въ нанесеніи такихъ ударовъ, послѣ которыхъ непріятель уже не могъ бы владѣть оружіемъ, и

3) въ умѣньи защитить себя отъ ударовъ, отбивая во-время штыкъ нападающаго и тотчасъ нанося ему отвѣтный ударъ.

Чтобы достигнуть этого, необходимо пройти основательно весь курсъ фехтовальныхъ пріемовъ, изложенный въ первой главѣ «Обученія употребленія въ бою штыка», и вторую главу «О нанесеніи сильныхъ и мѣткихъ ударовъ». Чтобы всаживать штыкъ по самую трубку, какъ требуетъ этого третій параграфъ устава, нужно, чтобы солдатъ при своихъ упражненіяхъ никогда не наносилъ ударовъ на

(*) Народы праваго фланга Кавказской линіи. «Воен. Сборн.» 1860 г., № 1.

воздухъ, а всегда въ висячій шаръ или въ соломенныя чучела. Во всякомъ случаѣ, это дѣло практики и долгаго навыка, который достигается только настойчивымъ и неуклоннымъ сознаніемъ пользы и важности этого занятія.

Что же касается собственно фехтованія, т. е. вольнаго боя съ противникомъ, то онъ обязателенъ только для однѣхъ учебныхъ частей, а масса пѣхоты можетъ ему и не учиться. Мы даже увѣрены, что продолжительная остановка на этомъ предметѣ имѣла бы последствіемъ развитіе искусства въ ущербъ одушевленному порыву и силѣ удара. Мы не хотимъ этимъ сказать, что фехтовальный бой безполезенъ; онъ пріучаетъ солдата къ подвижности и ловкости при встрѣчѣ съ врагомъ, къ тому, чтобы хладнокровно видѣть остріе штыка у груди, но онъ не даетъ никакого понятія о настоящемъ штыковомъ боѣ пѣхоты: фехтовальный методъ практически можетъ быть примѣненъ только въ бою одинъ на одинъ; а при ударѣ массой— къ чему должна стремиться пѣхота, нуженъ быстрый разбѣгъ и ударъ штыкомъ, какъ говорится, отъ сердца. Солдатъ долженъ быть проникнутъ именно этимъ сознаніемъ. Плохо, если онъ вспомнитъ въ виду непріятеля то, чему его учили въ мирное время и, ринувшись впередъ «на ура», вдругъ остановится, какъ этого требуетъ уставъ при колотіи чучелъ (*). Послѣдствія такой привычки, если она усвоится войсками въ мирное время, будутъ неисчислимы и понятны для каждаго.

Поэтому, какъ только уставный курсъ фехтованія будетъ оконченъ, необходимо переходить къ практическому обученію ударамъ прямо съ разбѣга, не останавливаясь отнюдь для принятія, такъ называемой, «оборонительной стойки». Не на оборонѣ, а, совершенно напротивъ, на нападеніи и пораженіи врага должны сосредоточиться всѣ мысли солдата, идущаго въ атаку. Учить же этому слѣдуетъ сперва по одиночкѣ, а потомъ и цѣлыми сомкнутыми шеренгами и даже небольшими колоннами противу чучелъ. Пусть солдатъ знаетъ твердо ту вѣковую истину, что въ настоящемъ бою бьетъ только тотъ, кто не заботится о собственной защитѣ, а думаетъ только о томъ, чтобы наносить удары. Система обученія военному фехтованію должна быть построена строго послѣдовательнымъ образомъ на этой мысли, и эту-то самоувѣренность въ неотразимую силу своего удара солдатъ нашъ долженъ перенести съ собою изъ фехтовальнаго зала на поле сраженія.

Въ кавалеріи фехтованіе на сабляхъ производится пѣшкомъ и

(*) §§ 19 и 20 «Правилъ для обученія употребленія въ бою штыка».

обязательно для однихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и учебныхъ командъ (*). Непосредственнаго примѣненія къ бою оно не имѣетъ, а потому и приноситъ лишь относительную пользу, вырабатывая въ человѣкѣ извѣстную снаровку и ловкость, необходимыя для нанесенія и отраженія ударовъ пѣшкомъ. На конѣ условія боя совершенно другія, а потому и солдатъ на конѣ уже не фехтуетъ, а рубитъ и колетъ, не заботясь ни мало объ отраженіи ударовъ противника. Недавнее уничтоженіе въ нашихъ пріемахъ отбивовъ сабли и пики проводитъ прямо ту мысль, что рукопашный бой кавалеріи не есть поединокъ одинъ на одинъ. Это скорѣе общая свалка, бой одного противъ всѣхъ, и выиграетъ въ немъ тотъ, кто рубитъ стремительно и безъ оглядки назадъ. Въ общей сумятицѣ боя парировать некогда: надо предупреждать удары противника, а къ этому способенъ только тотъ, чье воспитаніе въ мирное время было направлено исключительно къ одной этой цѣли.

Первоначальное обученіе ударамъ и уколамъ состоитъ изъ пріемовъ, которые проходятся сначала пѣшкомъ, потомъ на деревянной лошади и, наконецъ, на конѣ. «Когда же солдатъ усвоитъ эти пріемы», говоритъ уставъ, «тогда обученіе должно производиться не иначе, какъ противу чучелъ или видимыхъ цѣлей». Это необходимо въ тѣхъ видахъ, чтобы развить глазомѣръ и дать надлежащую силу рукѣ, что здѣсь несравненно важнѣе даже, чѣмъ при стрѣльбѣ изъ винтовки. Тамъ, не соразмѣрь разстоянія или дрогни рука, потеряешь пулю; здѣсь потеряешь голову (**).

Кавалеристъ, вооруженный саблею, можетъ колоть или рубить своего противника. Говоря о рубкѣ, уставъ нашъ требуетъ дѣйствовать саблею такъ, чтобы ею не бить, а рѣзать. Мысль эта совершенно вѣрна, и въ ней одной заключается весь секретъ тѣхъ страшныхъ сабельныхъ ударовъ, какіе наносили турецкіе делибаши, горцы, сейки и наши кавказскіе казаки. Но чтобы выучиться такому искусству, надо учиться долго, и притомъ не иначе, какъ острымъ оружіемъ. Только долголѣтняя практика пріучаетъ солдата послѣ удара быстро отнимать оружіе — рѣзать; а острая сабля даетъ ему возможность узнать настоящую силу своей руки и, принаровившись къ ней, слѣдить за тѣмъ, чтобы ударъ не падалъ плашмя, а непремѣнно лезвіемъ. Тотъ, кто видѣлъ въ бою атаки нашей кавалеріи, долженъ сознаться, что она рубить не умѣетъ (***). Одиночные бога-

(*) Драгуны обучаются бою на штыкахъ наравнѣ со всею пѣхотою.

(**) Терентьевъ, „Кавалерійскіе вопросы“.

(***) Доказательствомъ этому служатъ ничтожныя, сравнительно, потери, которыя производила наша кавалерія въ рядахъ даже польскихъ повстанцевъ,

тырскіе удары здѣсь ничего не доказываютъ: это проявленіе не ловкости или умѣнья, а физической силы, которую требовать въ равной мѣрѣ отъ всѣхъ невозможно. Нанесеніе же по нѣсколько ничтожныхъ ранъ и царапинъ тамъ, гдѣ можно бы было ограничиться однимъ, но хорошимъ ударомъ, есть прямое слѣдствіе привычки владѣть тупымъ оружіемъ; нанося имъ удары, можно пріучиться только къ глазомѣру.

Черкесы и наши кавказскіе казаки обыкновенно учились рубкѣ на текучей водѣ. Если ударъ вѣренъ, вода разсѣкается саблей безъ всякихъ брызгъ; если же есть брызги и всплески, то это показываетъ прямо, что или ударъ былъ косой, или саблю въ моментъ соприкосновенія съ водою не потянули назадъ.

Примѣчаніемъ къ § 449 устава объ одиночномъ образованіи кавалерійскаго солдата, полагается, во избѣжаніе порчи штатнаго оружія, имѣть въ каждой части для обученія рубки чучелъ нѣкоторое число оружія изъ арсенальнаго брака. Полагаемъ, что дозволеніе отпустить именно это оружіе не могло бы встрѣтить серьезныхъ затрудненій, въ виду неоспоримой пользы подобныхъ упражненій.

Для нанесенія саблею мѣткихъ и сильныхъ уколовъ необходимо: 1) хорошо укрѣпить руку; 2) приноровиться наносить удары именно въ намѣченную точку; 3) колоть сразу, на сколько возможно глубже, направляя лезвіе *вверхъ* для сообщенія удару большей устойчивости, или *въ сторону*, чтобы клинокъ при ударѣ въ грудь свободнѣе могъ пройти между реберъ, и 4) быстро отдергивать саблю назадъ, особенно, если противникъ встрѣчается лицомъ къ лицу, потому что иначе неизбѣжнымъ послѣдствіемъ укола будетъ вывихъ плеча или кисти.

Послѣднее обстоятельство на столько серьезно и повторяется такъ часто, что это одно уже заставляетъ многихъ предпочитать рубку уколамъ. Однако же взгляды на преимущество того или другаго рода ударовъ весьма разнообразны между военными писателями. Такъ, напримѣръ, де-Бракъ поклонникъ уколовъ. Онъ говоритъ: «колите, колите какъ можно больше! Всякій уколотый вами будетъ сброшенъ на землю, потому что смертельные удары — это уколы; другіе же только ранятъ». Грисгеймъ не отрицаетъ пользы уколовъ въ томъ отношеніи, что они гораздо легче проникаютъ сквозь прикрывающіе тѣло предметы, напримѣръ, одежду и проч., но отдаетъ преимущество все-таки рубкѣ, которой солдатъ выучивается скорѣе и легче, нежели

между тѣмъ, какъ кубанцы, при одинаковыхъ условіяхъ, рѣдко кого выпускали живымъ.

уколамъ, требующимъ большаго искусства и фехтовальныхъ тонкостей. Мы знаемъ, прибавляетъ онъ, много разсказовъ о необыкновенныхъ сабельныхъ ударахъ и, напротивъ, весьма мало объ уколахъ. То же самое свидѣтельствуетъ Ноланъ, приводя въ своей «Исторіи и тактикѣ кавалеріи» множество случаевъ изъ остъ-индской войны о поразительныхъ примѣрахъ дѣйствія хорошо отточенной сабли. Кто былъ въ кавалерійскихъ бояхъ съ русскимъ солдатомъ, тотъ скажетъ, конечно, что видѣлъ страшные удары, которые разсѣкали человѣка до пояса, видѣлъ отрубленныя головы, руки и ноги, но никогда и ничего не слыхалъ о сколько нибудь замѣчательномъ уколѣ. Уколами, по замѣчанію Грисгейма, отличается болѣе романское племя.

Относительно пользы пикъ мнѣнія расходятся еще болѣе, нежели относительно уколовъ и рубки. Одни, повторяя слова Монтекукули, говорятъ, что пика царица бѣлаго оружія; другіе называютъ ее оружіемъ трусовъ. Даже на историческіе факты ссылаться въ этомъ случаѣ не всегда удобно, потому что въ разсужденіяхъ о подобныхъ вещахъ обыкновенно приводятъ только тѣ случаи, гдѣ пика торжествовала, но не приводятъ тѣхъ, гдѣ она уходила отъ сабли, такъ какъ послѣднихъ не сохраняетъ никакая отечественная исторія. Этимъ особенно грѣшатъ нѣкоторые французскіе и нѣмецкіе писатели, между тѣмъ, какъ безпристрастный Ноланъ говоритъ откровенно, что пика хороша въ дѣйствіяхъ только противъ дурной кавалеріи и при преслѣдованіи. «Я убѣжденъ, говоритъ онъ, что главная выгода этого оружія заключается въ моральномъ дѣйствіи, которое оно въ особенности производитъ на молодыхъ солдатъ, какъ своею длиною, такъ и ранами, насквозь пронизывающими тѣло». Но моральное вліяніе ея едва ли должно приниматься въ разсчетъ, потому что не всякое войско способно поддаваться чувству пустаго и неосновательнаго страха. Черкесы и другіе наѣздники, которые сразу подскакиваютъ на самое близкое разстояніе къ противнику, не боятся пики и называютъ людей, носящихъ ихъ, камышомъ. Кавалерія Зейдлица также предпочитала саблю. Напротивъ, во французской кавалеріи пика стала пріобрѣтать большое значеніе въ началѣ нынѣшняго столѣтія, такъ что нѣкоторые полки сами просили вооружить ихъ пиками. Почти то же самое случилось и съ нашей кавалеріей въ 1831 году. Правда, мы убѣдились впослѣдствіи, что преимущество польскихъ улановъ заключалось вовсе не въ пикахъ, а въ общемъ духѣ ихъ воспитанія; но, тѣмъ не менѣе, пика такъ и осталась преобладающимъ оружіемъ въ нашей кавалеріи. Съ тѣхъ поръ вопросъ объ ней остается откры-

тымъ. Всѣ ожидаютъ указаній боеваго опыта, необходимаго тѣмъ болѣе, что послѣднія европейскія войны, рѣшившія безповоротно вопросъ о скорострѣльномъ оружіи, ничего не выяснили относительно значенія пики. Прусаки говорятъ, что пика оружіе полезное; но мнѣніе ихъ въ этомъ случаѣ должно быть принимаемо весьма осмотрительно, потому что прусаки не имѣли противъ себя ни лихой кавалеріи, ни способныхъ кавалерійскихъ начальниковъ.

Главное искусство при дѣйствіи пикою заключается въ томъ, чтобы всадникъ твердо держалъ ее подъ мышкою, такъ какъ только при этомъ условіи ударъ ея можетъ быть страшенъ и силенъ, и чтобы послѣ удара быстро отдергивалъ оружіе назадъ, иначе, при сильномъ уколѣ, особенно на быстромъ аллюрѣ, можно выронить пику, или быть самому выброшенному изъ сѣдла. Де-Бракъ, въ своихъ совѣтахъ кавалеристамъ, говоритъ, между прочимъ: «держите пику въ обхватъ твердою рукою, ногтями вверхъ, и никогда не рѣшайтесь на движеніе, въ которомъ ногти приходились бы къ низу, такъ какъ, при значительной тяжести орудія, достаточно малѣйшаго отбива непріятеля, чтобы выбить его изъ рукъ».

Все, что мы говорили о кавалеріи, вполнѣ относится и къ казакамъ, которые должны, однако же, владѣть своимъ оружіемъ лучше всей кавалеріи, потому что могутъ, и нравственно обязаны, учиться этому съ ранняго дѣтства. Что же касается до фехтованія, то нѣкоторые полагаютъ, что практическое обученіе казаковъ вольному бою на шашкахъ противъ штыковъ могло бы принести существенную пользу, именно въ виду предстоящихъ имъ дѣйствій подобнаго рода, особенно если упростить систему обученія и выключить все, что прямо не относится къ дѣлу.

Желательно бы было также воскресить между ними старинный и теперь уже почти забытый обычай—метаніе арканомъ. Въ ловкихъ и сильныхъ рукахъ казака арканъ представляетъ оружіе страшное и въ высшей степени пригодное тамъ, гдѣ нужно схватить военноплѣннаго, добыть языка или сорвать часоваго. Случаи къ этому представляются во множествѣ во время быстрой погони, въ скрытыхъ разъѣздахъ, въ засадахъ, въ ночныхъ нападеніяхъ и т. п.

Теперь повторимъ вкратцѣ послѣдовательность самыхъ пріемовъ обученія.

Въ пѣхотѣ:

1) Боевая стойка.—Удары.—Переводы (обманы).—Двойные переводы.—Отбивы: вправо, влѣво и вверхъ.—Движенія: шагъ впередъ,

шагъ назадъ, двойной шагъ впередъ, двойной шагъ назадъ, скачокъ назадъ. Повороты направо, налѣво и кругомъ.

2) Колотіе чучелъ: ударъ съ мѣста, ударъ съ шагомъ впередъ, ударъ съ двойнымъ шагомъ впередъ.

3) Колотіе чучелъ съ разбѣга.

Затѣмъ, какъ указаніе постепенности соединенія нѣсколькихъ пріемовъ, можетъ служить слѣдующая таблица:

Коли, отбей направо, коли.

Переводъ.—Отбей налѣво, коли.

Двойной переводъ.—Отбей направо, переводъ.

Отбей направо, переводъ.

Отбей налѣво и направо, переводъ.

Шагъ впередъ, коли, отбей направо.

Отбей направо, шагъ назадъ, отбей налѣво, — коли.

Коли, скачокъ назадъ.

Въ кавалеріи:

Обученіе кавалеріи дѣйствію холоднымъ оружіемъ производится сперва пѣшкомъ, потомъ на деревянной лошади и затѣмъ на конѣ.

Сабельные пріемы:

1) Повороты корпуса: въ полоборотъ направо, направо, въ полоборотъ налѣво и налѣво.

2) Горизонтальные и боковые круги. Первые бываютъ справа налѣво и слѣва направо, а вторые:—сверху внизъ и снизу вверхъ.

3) Уколы: налѣво, въ полоборотъ налѣво и въ полоборотъ направо.

4) Удары: въ полоборотъ направо, направо и внизъ направо, и

5) Соединенные удары.

Пріемы пикой:

1) Повороты корпуса тѣ же, что и при дѣйствіи саблею.

2) Боковые круги.

3) Уколы и удары: прямо, въ полоборотъ налѣво, налѣво, въ полоборотъ направо, направо и внизъ направо.

4) Ударъ тупымъ концомъ, — только въ кавалеріи; у казаковъ этого пріема не существуетъ, такъ какъ казачья пика не имѣетъ на нижнемъ концѣ оковки.

5) Соединенные уколы и удары.

Пріемы фехтованія на палашахъ или сабляхъ:

1) Боевая стойка.—Выпадъ.—Шагъ впередъ.—Шагъ назадъ.—Скачокъ назадъ.

2) Удары и уколы.

3) Предупредительные удары и уколы (они наносятся противнику въ то время, когда, собираясь нападать, онъ исполняетъ свое намѣреніе вяло или неосторожно).

4) Отбивы: вверхъ, направо и налѣво.

5) Обманы (напр., показавъ ударъ по головѣ, рубить правый бокъ и т. п.).

6) Отвѣтные удары (Они наносятся тогда, когда сабля противника будетъ отбита, а самъ онъ не успѣетъ оправиться или взять оборонительную стойку.

7) Повторительные удары (Они употребляются въ томъ случаѣ, когда противникъ, отбивъ ударъ, медлитъ нападеніемъ).

8) Послѣдовательное соединеніе нѣсколькихъ ударовъ и отбивовъ, и

9) Вольный бой.

СТРѢЛЬБА.

Обученіе стрѣльбѣ есть одна изъ самыхъ важныхъ отраслей военнаго образованія пѣхоты, а потому ближайшими и непосредственными учителями ея должны быть офицеры. Безъ ихъ прямаго участія дѣло обученія стрѣльбѣ не можетъ имѣть полнаго успѣха. Но для того, чтобы быть дѣйствительнымъ руководителемъ стрѣльбы, офицеру необходимо знать до тонкости не только главныя ея основанія, но и всѣ мелочныя снаровки, которыя пріобрѣтаются практическимъ путемъ, особенно стрѣльбою на дальнія дистанціи. Дѣло пойдетъ успѣшно и быстро только тогда, когда солдатъ убѣдится, что тотъ, кто его учитъ, хорошо знаетъ то, чему учитъ.

Къ сожалѣнію, въ нашихъ войскахъ нерѣдко первоначальныя занятія стрѣльбою поручаются дядькамъ. Не только офицеры, но даже и унтеръ-офицеры, какъ бы не считаютъ своею обязанностію вести это кропотливое дѣло первоначальныхъ занятій, а между тѣмъ въ этихъ-то подготовительныхъ урокахъ и кроется источникъ мѣткаго и сильнаго огня пѣхоты.

Руководствомъ къ обученію стрѣльбѣ служитъ у насъ «Наставленіе для обученія стрѣльбѣ въ цѣль пѣхоты и драгуновъ», въ которомъ собрано и систематически изложено все то, что, по указанію опыта, признано полезнымъ и необходимымъ для достиженія успѣха въ обученіи стрѣльбѣ. Позднѣе, «Наставленіе» это введено почти цѣликомъ и въ дополнительный кавалерійскій уставъ, изданный для обученія спѣшенныхъ частей уланскихъ и гусарскихъ полковъ. Слѣ-

довательно, оно обязательно, какъ для пѣхоты, такъ и для всей кавалеріи.

Обученіе стрѣльбѣ молодыхъ солдатъ начинается съ показанія имъ правилъ прицѣливанія со станка, съ опущеннымъ, а потомъ и съ поднятымъ прицѣломъ. Въ это время объясняютъ имъ значеніе прицѣльной линіи, дѣйствіе пороховыхъ газовъ на пулю, полетъ ее— однимъ словомъ, все то, что называется «теоріею стрѣльбы» и изложено въ первомъ отдѣлѣ «Наставленія».

Какъ скоро молодые солдаты научатся правильно наводить ружье въ цѣль, тогда переходятъ къ обученію ихъ прикладкѣ въ различныхъ положеніяхъ, въ какихъ допускается стрѣльба, т. е. стоя, съ колѣна, сидя и лежа. Въ пѣхотѣ обученіе прикладкѣ слѣдуетъ производить всегда съ примкнутыми штыками, сначала безъ амуниціи, потомъ въ караульной формѣ и, наконецъ, въ ранцахъ со скатанными шинелями.

Послѣ прикладки приступаютъ къ обученію спуска курка или ударника, причемъ главное вниманіе обучающаго должно быть обращено на то, чтобы курокъ спускался плавнымъ нажатіемъ на спускъ и чтобы въ моментъ самаго выстрѣла не нарушалось направленіе прицѣльной линіи. Это пріобрѣтается возможно частою практикою и зависитъ отъ устойчивости руки и вѣрнаго, быстраго прицѣливанія.

Поэтому всѣ гимнастическія упражненія, клонящіяся къ развитію силы собственно въ рукахъ, напримѣръ, притягиваніе на кольцахъ, плавное маханіе тяжелыми гирями, упражненія на паралельныхъ брусьяхъ и т. п. надо отнести къ самымъ необходимымъ приготовительнымъ занятіямъ и повторять ихъ по возможности чаще.

Въ нѣкоторыхъ военныхъ округахъ, а также и въ стрѣлковыхъ баталіонахъ, помимо этихъ общихъ для всѣхъ упражненій, принято еще одно, специальное, а именно: прикладка одною рукою, которая заключается въ слѣдующемъ:

Солдатъ, разставивъ ноги, какъ слѣдуетъ для стрѣльбы, обхватываетъ вытянутою правою рукою шейку приклада ружья, которое слегка штыкомъ упирается въ землю. Требуется, чтобы солдатъ, не сгибая руки, поднялъ ружье на высоту плеча, и затѣмъ плавно прицѣлился бы въ данный предметъ безъ помощи лѣвой руки. Немногіе люди въ состояніи исполнить это упражненіе сразу; но мало по малу можно достигнуть того, что всѣ они будутъ исполнять это болѣе или менѣе удовлетворительно.

Тотъ же пріемъ употребляется и при обученіи плавному спуску курка, причемъ требуется, чтобы при подъемѣ ружья палецъ былъ

на собачкѣ, но отнюдь не спускалъ бы взведеннаго курка, не смотря на напряженіе цѣлой руки.

Нельзя не сказать, что мнѣнія на счетъ того, какое вліяніе оказываютъ тяжелыя ручныя работы на стрѣльбу, еще не установились. Одни говорятъ, что отъ излишняго напряженія мускуловъ происходитъ дрожаніе руки, чего, повидимому, слѣдуетъ особенно избѣгать при стрѣльбѣ; другіе утверждаютъ, напротивъ, что всѣ подобныя работы, производимыя даже непосредственно передъ стрѣльбою — полезны. Мы болѣе склонны вѣрить послѣднимъ, такъ какъ результаты стрѣльбы въ стрѣлковыхъ баталіонахъ и въ тѣхъ полкахъ, которые занимались прикладкою одною рукою, оказались при испытаніи лучше, нежели тамъ, гдѣ пренебрегали подобною гимнастикою.

Послѣ развитія и укрѣпленія физической силы необходимо обратить вниманіе на правильность прицѣливанія, а средствомъ для этого можетъ служить, рекомендованный въ циркулярахъ главнаго штаба способъ тушенія свѣчи, при помощи извѣстнаго прибора генерала Мосолова (*).

Чтобы пріучить солдата брать ровную мушку, ставятъ обыкновенно зажженную свѣчу передъ дуломъ ружья на разстояніи одного или полутора аршина; затѣмъ солдату объясняютъ, что для потушенія свѣчи необходимо спустить курокъ въ тотъ самый моментъ, когда при прицѣливаніи мушка закроетъ основаніе горящей свѣтильни. При этомъ слѣдуетъ наблюдать только затѣмъ, чтобы солдатъ передъ стрѣльбою не бралъ капсюлей въ ротъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ паръ, образующійся при разбитіи смоченнаго капсюля, увеличиваетъ объемъ струи воздуха на столько, что даже и при неправильномъ прицѣливаніи свѣча все-таки можетъ быть потушена.

Послѣ правильности самое важное быстрота прицѣливанія, такъ какъ употреблявшаяся прежде долгая прицѣлка не соотвѣтствуетъ болѣе современной боевой стрѣльбѣ, и въ хорошо обученныхъ частяхъ должна быть окончательно брошена.

Лучшее средство достигнуть быстраго прицѣливанія — это стрѣльба дробинками съ помощію того же прибора генерала Мосолова, но въ опрокидывающіяся мишеньки. Мишеньки эти укрѣпляются на длинной палочкѣ, поворачивая которую легко по произволу поднимать и опускать мишеньку. Стрѣляющій долженъ выстрѣлить именно въ тотъ промежутокъ времени, когда мишенька стоитъ. Исполняется это слѣдующимъ образомъ: стрѣлокъ держитъ на изготовку; затѣмъ, со счетомъ обучающаго: «разъ», мишенька поднимается, а со счетомъ «де-

(*) Циркуляръ главнаго штаба 1873 г. № 82.

сять»—опрокидывается. Промежутокъ времени для выстрѣла долженъ постепенно уменьшаться, такъ что, наконецъ, мишенька опрокидывается со счетомъ «пять». Этотъ способъ испытанъ во многихъ частяхъ и долженъ быть отнесенъ къ разряду самыхъ практическихъ пріемовъ уже потому, что можетъ быть пріуроченъ къ самымъ живымъ и увлекательнымъ занятіямъ, которыя такъ любятъ солдаты, и при которыхъ они выучиваются всему гораздо скорѣе и легче, нежели при методическихъ, но сухихъ упражненіяхъ.

Этотъ элементарный отдѣлъ стрѣлковаго образованія оканчивается стрѣльбою холостыми патронами, которая имѣетъ цѣлію пріучить солдата къ впечатлѣнію, производимому выстрѣломъ, и служитъ какъ бы соединяющимъ звеномъ между приготовительными занятіями и практическою учебною стрѣльбою.

Опытъ показалъ, что ежели слѣдовать этой методѣ обученія, то, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, трехъ мѣсяцевъ будетъ совершенно достаточно, чтобы вполнѣ подготовить каждаго рекрута къ стрѣльбѣ боевыми патронами.

Стрѣльба боевыми патронами производится всегда въ присутствіи офицера, который обязанъ не только смотрѣть за порядкомъ, чтобы предупреждать несчастные случаи, но и слѣдить за каждымъ отдѣльнымъ стрѣлкомъ, чтобы придти къ нему на помощь съ совѣтомъ или указаніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эта помощь окажется необходимою. Замѣчено, что многіе люди, даже удовлетворительно подготовленные и хорошо попадавшіе въ мишень при стрѣльбѣ дробинками, дѣлаютъ промахи, когда начинаютъ стрѣлять боевыми патронами. Чаще всего это происходитъ отъ неправильнаго спуска курка и отъ боязни отдачи. Офицеръ обязанъ удостовѣриться лично въ причинѣ каждаго промаха, который можетъ зависѣть также отъ неисправности винтовки, отъ дурнаго приготовленія патроновъ, отъ неумѣнья стрѣлка примѣняться къ разнообразію солнечнаго освѣщенія, къ мѣстности, къ погодѣ и, наконецъ, отъ неумѣнья разсчитать разстояніе, на которое должна уклониться пуля, вслѣдствіе своего вращательнаго движенія при полетѣ, особенно при сильномъ вѣтрѣ съ боку. Въ этомъ случаѣ даже таблица горизонтальныхъ отклоненій, приложенная къ «Наставленію», можетъ служить пособіемъ только отчасти, потому что и сила, и направленіе вѣтра на столько разнообразны, что дать для этого какія либо точныя правила невозможно: это дѣло навыка, практики и внимательнаго отношенія стрѣлка къ своему оружію (*).

(*) Причины невѣрности выстрѣловъ, а равно и мѣры къ ихъ устраненію подробно указаны въ первомъ отдѣлѣ „Наставленія“ (Глава II, § 9—28).

Учебная стрѣльба боевыми патронами раздѣляется: 1) на стрѣльбу съ измѣренныхъ разстояній по одиночно, 2) залпами изъ сомкнутаго фронта и 3) съ неизмѣренныхъ разстояній изъ разсыпнаго строя.

Стрѣльба съ измѣренныхъ разстояній производится всегда по одиночно, въ извѣстное число уроковъ, и подраздѣляется еще на стрѣльбу:

1) *Въ неопредѣленное время*, съ разстояній отъ 100 до 1,500 шаговъ.

2) *По командѣ*, на разстояніе прямаго выстрѣла.

3) *Учащенная по командѣ*, въ теченіе одной минуты, и

4) *Скорая*, въ теченіе пяти секундъ, также съ разстоянія прямаго винтовочнаго выстрѣла.

Стрѣльба залпами (въ неопредѣленное время и учащенная) производится всегда изъ сомкнутаго фронта на разстоянія 200, 280 и 300 шаговъ.

Первое условіе при стрѣльбѣ залпами—это правильность прицѣливанія и полное вниманіе къ командѣ начальника, безъ которой стрѣльба есть преступленіе. Преждевременный выстрѣлъ доказываетъ или смущеніе людей, или то, что часть не находится, какъ должно, въ рукахъ у начальника.

Для провѣрки этого весьма полезно секретно приказать кому нибудь сдѣлать одинъ преждевременный выстрѣлъ. Это будетъ служить испытаніемъ роты. Хорошо обученная часть должна непремѣнно выдержать и не стрѣлять, хотя бы послѣдовалъ и не одинъ, а нѣсколько подобныхъ выстрѣловъ.

Второе условіе мѣткаго залпа—это механическая привычка людей цѣлиться на дистанцію выше двухсотъ шаговъ въ поясъ, а ближе— въ ноги. Эта снаровка обусловливается тѣмъ, что пули, упавшія передъ непріятельскимъ фронтомъ, могутъ попасть еще съ рикошета, между тѣмъ, какъ пули, перелетѣвшія черезъ фронтъ, пропадаютъ окончательно.

Наконецъ, третье условіе заключается въ умѣньи начальника управлять огнемъ сомкнутаго фронта. Здѣсь, главнымъ образомъ, необходимо избѣгать суеты, рождающейся невольно при стрѣльбѣ учащенными залпами, изъ желанія сдѣлать въ теченіе минуты возможно большее количество залповъ. Спокойное, твердое и увѣренное произношеніе команды въ этомъ случаѣ имѣетъ большое значеніе. Опытами дознано, что хладнокровіе начальника при командованіи поселяетъ таковое же въ массѣ подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ, а противное влечетъ за собою неминуемую суетливость, вредную тѣмъ болѣе, что въ бою залпы производятся съ близкихъ дистанцій; а

послѣдній изъ нихъ — съ такого разстоянія, что вслѣдъ за нимъ обыкновенно приходится уже бросаться въ рукопашную.

Къ послѣдней категоріи принадлежитъ учебная стрѣльба съ неизмѣренныхъ разстояній, которая производится всегда изъ разсыпнаго строя и въ неопредѣленное время. Къ этой же категоріи можетъ быть причислена и стрѣльба по такъ называемымъ подвижнымъ мишенямъ, которая для войскъ имѣетъ чрезвычайную важность, въ томъ отношеніи, что вырабатываетъ въ людяхъ снаровку и навыкъ стрѣлять по наступающему противнику. Офиціально подобная стрѣльба еще не введена въ нашихъ войскахъ, но опыты, произведенные какъ въ красносельскомъ лагерѣ, такъ и на учебномъ сборѣ въ одномъ изъ нашихъ военныхъ округовъ, гдѣ къ этой цѣли приспособленъ былъ даже желѣзно-дорожный вагонъ (*), достаточно убѣдили всѣхъ въ серьезномъ значеніи подобной стрѣльбы, и можно надѣяться, что въ будущемъ она получитъ у насъ широкое, практическое развитіе.

На ряду съ занятіемъ учебною стрѣльбою въ войскахъ идетъ обученіе нижнихъ чиновъ глазомѣрному опредѣленію разстояній. Наставленіе раздѣляетъ это занятіе на два отдѣла: теоретическій и практическій. При теоретическихъ занятіяхъ нижніе чины, всматриваясь въ людей или въ предметы, которые находятся отъ нихъ на извѣстныхъ дистанціяхъ, замѣчаютъ съ какого разстоянія, и что можно увидѣть, напримѣръ, у человѣка (пуговицы на мундирѣ, цвѣтъ воротника, черты лица и т. п.). Практическія занятія отличаются тѣмъ, что люди, по извѣстнымъ уже имъ признакамъ, стараются опредѣлить разстояніе до того или другаго предмета. Само собою разумѣется, что оба занятія должны производиться при разномъ освѣщеніи солнцемъ, въ различное время дня и на различной мѣстности, такъ какъ всѣ эти условія оказываютъ замѣтное вліяніе на очертаніе предметовъ, которые кажутся или дальше, или ближе, чѣмъ въ дѣйствительности.

Самый курсъ практической учебной стрѣльбы установленъ для каждаго рода войскъ особый. Такимъ образомъ:

Въ стрѣлковыхъ частяхъ, вооруженныхъ стрѣлковою (бердановскою) винтовкою, одиночная стрѣльба съ измѣренныхъ разстояній производится въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ III отдѣлѣ (28 пуль): съ 200 шаговъ—три раза, съ 300—

(*) Вагонъ этотъ былъ постановленъ на рельсы, наскоро уложенныя на мѣстѣ самаго ученья, и двигался по наклонной плоскости почти съ быстротою кавалерійскаго карьера.

два раза, съ 400—одинъ разъ и, кромѣ того, стрѣльба по командѣ съ 200 шаговъ—одинъ разъ.

Во II отдѣлѣ (28 пуль): по одному разу отъ 500 до 900 шаговъ включительно и, сверхъ того, скорая стрѣльба (въ теченіе пяти секундъ) на 200 шаговъ—два раза.

Въ I отдѣлѣ (28 пуль): по одному разу отъ 1,000 до 1,500 шаговъ включительно и, кромѣ того, повтореніе скорой стрѣльбы съ 200 шаговъ—одинъ разъ.

По окончаніи одиночной стрѣльбы производится стрѣльба залпами изъ сомкнутаго фронта на 300 шаговъ, по одному разу въ неопредѣленное время (4 пули) и учащенная (6 пуль).

Затѣмъ, для учебной стрѣльбы съ неизмѣренныхъ разстояній отпускается 20 патроновъ, и самая стрѣльба производится отъ 300 до 1,500 шаговъ включительно.

Порядокъ стрѣльбы въ стрѣлковыхъ частяхъ, вооруженныхъ шестилинейными и скорострѣльными винтовками, отличается тѣмъ, что одиночная стрѣльба II отдѣла производится отъ 500 до 800, а I отдѣла и стрѣльба съ неизмѣренныхъ разстояній отъ 800 до 1,200 шаговъ, при соразмѣрно меньшемъ отпускѣ боевыхъ патроновъ; такъ, для стрѣльбы II отдѣла полагается 24 пули, I отдѣла—20 и съ неизмѣренныхъ разстояній—16.

Курсъ линейныхъ частей, вооруженныхъ винтовками системы Крынка и Карля, заключается въ слѣдующемъ:

Одиночная стрѣльба III отдѣла (20 пуль): со ста шаговъ—одинъ разъ и по два раза съ 200 и 280 шаговъ.

II отдѣла (20 пуль): по одному разу на 400 и 600 шаговъ и, кромѣ того, стрѣльба по командѣ съ 200 шаговъ—одинъ разъ и по командѣ же, учащенная (въ теченіе одной минуты), на дистанціи 200 и 280 шаговъ.

Стрѣльба залпами въ неопредѣленное время (6 пуль)—по одному разу на 100, 200 и 280 шаговъ, и учащенная залпами (6 пуль), съ дистанціи 280 шаговъ—одинъ разъ.

Затѣмъ, одиночная стрѣльба I отдѣла и стрѣльба съ неизмѣренныхъ разстояній не производятся.

Курсъ линейной пѣхоты, вооруженной малокалиберными винтовками, поставленъ сравнительно выше, а именно:

Въ III отдѣлѣ (24 пули) стрѣльба производится со 100 шаговъ одинъ разъ, съ 200 и 300 шаговъ—по два раза и съ 400 шаговъ—одинъ разъ.

Во II отдѣлѣ (32 пули): по одному разу съ 500, 600, 700 и

800 шаговъ; стрѣльба по командѣ съ 200 шаговъ—одинъ разъ; учащенная стрѣльба по командѣ съ 200 и 300 шаговъ—по одному разу, и въ низкія мишени, лежа, съ 200 шаговъ—одинъ разъ.

Стрѣльба I отдѣла не производится; но стрѣльбѣ съ неизмѣренныхъ разстояній обучается въ каждой ротѣ по 20 человѣкъ (унтеръ-офицеры и старшіе въ звеньяхъ), причемъ стрѣльба производится на дистанціи до 800 шаговъ включительно, съ отпускомъ на каждаго стрѣляющаго человѣка по восьми патроновъ.

Въ кавалеріи:

Драгуны, на основаніи циркуляра главнаго штаба 1871 года, № 211, приравниваются при обученіи стрѣльбѣ къ линейнымъ частямъ пѣхоты.

Въ остальной кавалеріи одиночная стрѣльба проходится также отъ 100 до 600 шаговъ, но въ одномъ общемъ отдѣлѣ, а именно (24 пули): на 100 шаговъ—одинъ разъ, на 200 шаговъ—два раза, на 300, 400 и 600 шаговъ—по одному разу. Стрѣльба залпами не производится; но за то въ кавалеріи отпускается четыре патрона для стрѣльбы съ неизмѣренныхъ разстояній и четыре—для стрѣльбы по низкимъ, положеннымъ на бокъ мишенямъ, изображающимъ собою людей, лежащихъ за закрытіями.

Для казаковъ, по части обученія стрѣльбѣ, до сихъ поръ не существовало никакихъ офиціальныхъ руководствъ или уставовъ, а потому и требованія отъ нихъ были до крайности разнообразны. Они обусловливались въ каждомъ войскѣ особыми приказами, инструкціями и наставленіями ближайшаго войсковаго начальства. При этомъ одни пріурочивали стрѣльбу казаковъ къ драгунамъ, другіе — къ легкой кавалеріи, третьи, наконецъ, не шли далѣе прямаго прицѣльнаго выстрѣла бердановской винтовки, т. е. ограничивали обученіе дистанціями всего отъ 100 до 400 шаговъ включительно. Такое разнообразіе требованій, само собою разумѣется, не могло не отражаться и на успѣхахъ обученія цѣльной стрѣльбѣ, которая, однако же, пріобрѣтаетъ особенную важность теперь, когда имѣется въ виду вооружить всѣхъ казаковъ усовершенствованными бердановскими винтовками; поэтому и самая стрѣльба у казаковъ въ настоящее время скорѣе всего можетъ быть принаровлена къ курсу драгуновъ, или, другими словами, къ курсу линейной пѣхоты, вооруженной малокалиберными винтовками, за исключеніемъ залповъ, которымъ казаки не обучаются.

Кромѣ этой стрѣльбы, общей со всею пѣхотой, кавалерія и казаки обучаются еще и стрѣльбѣ съ коня, по правиламъ, даннымъ въ «Дополненіи къ уставамъ о строевой кавалерійской службѣ» (изданія

1873 года). Напрасно говорятъ, что вѣрная стрѣльба съ коня невозможна,—она только труднѣе, а потому и требуетъ бо́льшаго навыка и практики. Во всякомъ случаѣ, пренебрегать обученіемъ ей было бы крайне ошибочно, такъ какъ въ военное время есть множество случаевъ, гдѣ вѣрный выстрѣлъ съ коня пріобрѣтаетъ серьезное значеніе. Къ сожалѣнію, на эту стрѣльбу у насъ обращаютъ такъ мало вниманія, что только казаки обучаются ей боевыми патронами, а остальная кавалерія тратитъ на это одни холостые заряды.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ и объ отчетности по стрѣльбѣ, которую составляютъ: листокъ отмѣтокъ глазомѣрнаго опредѣленія разстояній, листокъ отмѣтокъ выстрѣловъ и ротный (эскадронный) журналъ. Въ первомъ офицеръ собственноручно выставляетъ баллы, по правиламъ, даннымъ на это въ «таблицѣ для оцѣнки ошибокъ» (*); во второмъ онъ отмѣчаетъ каждый выстрѣлъ обучающагося, а въ третій—вносится общій результатъ по ходу обученія стрѣльбѣ и по расходованію патроновъ.

Не говоря о необходимости акуратнаго веденія листковъ и журнала, какъ всякой, разъ установленной, отчетности, укажемъ только на то, что «листки отмѣтокъ» играютъ чрезвычайно важную роль при переводѣ стрѣлка изъ одного класса въ другой, а это отражается прямо на правѣ его быть допущеннымъ или не допущеннымъ къ состязанію на призъ. Слѣдовательно, всякая небрежность обучающаго въ отмѣткѣ выстрѣла, или въ постановкѣ балла можетъ повлечь за собою лишеніе человѣка заслуженной имъ награды,—а въ дѣлѣ военнаго воспитанія это промахъ, который трудно поправляется.

Теперь пересмотримъ еще разъ вкратцѣ весь ходъ и порядокъ обученія цѣльной стрѣльбѣ для того, чтобы обратить вниманіе на послѣдовательность и постепенность ея отдѣловъ.

1) Ознакомленіе съ оружіемъ и съ способомъ обращенія съ нимъ. 2) Теорія стрѣльбы. 3) Приготовительныя упражненія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: прицѣливаніе, прикладка, спускъ курка, тушеніе свѣчи, стрѣльба дробинками и стрѣльба холостыми патронами. 4) Глазомѣрное опредѣленіе разстояній. 5) Учебная стрѣльба съ измѣренныхъ разстояній по одиночно: въ неопредѣленное время, скорая, по командѣ, и по командѣ учащенная. 6) Стрѣльба залпами въ неопредѣленное время и учащенная. 7) Стрѣльба съ неизмѣренныхъ разстояній—тамъ, гдѣ она полагается, и 8) Ученье съ боевыми патронами.

(*) Въ кавалеріи, за исключеніемъ драгуновъ, эти листки не ведутся.

УЧЕНЬЕ СЪ БОЕВЫМИ ПАТРОНАМИ.

Ежегодный курсъ практической стрѣльбы долженъ, какъ мы сказали, заканчиваться ученьемъ съ боевыми патронами.

Цѣль этихъ ученій заключается въ томъ, чтобы поставить войска въ условія, по возможности, близко подходящія къ тѣмъ, въ которыхъ стрѣльба производится въ дѣйствительномъ бою. Учебная практика въ стрѣльбѣ съ отмѣренныхъ и неотмѣренныхъ дистанцій этого дать, разумѣется, не можетъ, потому что условія, при которыхъ она производится, почти вездѣ одинаковы: мѣстность ровная, цѣль открытая; при этомъ полное спокойствіе стрѣлка и всякое отсутствіе въ немъ снаровки примѣнять свои движенія къ движеніямъ товарищей такъ, чтобы не подвернуться подъ выстрѣлы. Эти условія, столь непохожія на обстановку боя, исчезаютъ тамъ, гдѣ производятся ученья съ боевыми патронами. Тутъ мѣстность является болѣе или менѣе закрытою и разнообразною, цѣли видны неясно и въ разныхъ положеніяхъ. При наступленіи съ пальбою является необходимость не только опредѣлять разстоянія, но и принимать въ соображеніе вліяніе мѣстности, освѣщенія, состоянія атмосферы, дымъ и пыль, застилающіе предметы,—однимъ словомъ, все то, что будетъ неизбѣжно встрѣчаться и въ условіяхъ боя.

Ученья подобнаго рода введены у насъ по мысли генерала Драгомирова, и начали производиться съ 1861 года въ Учебномъ пѣхотномъ баталіонѣ; затѣмъ, къ баталіону прибавлена была пѣшая учебная батарея,—а въ настоящее время подобныя упражненія производятся уже повсемѣстно, иногда въ составѣ бригады, по штатамъ военнаго времени, и даже нѣсколько бо́льшими частями пѣхоты, съ соотвѣтствующимъ числомъ кавалеріи и артиллеріи.

Порядокъ, принимаемый при этихъ ученьяхъ, въ большинствѣ случаевъ слѣдующій:

Прежде всего избирается мѣстность, по преимуществу пересѣченная, на которой и устанавливаются мишени непремѣнно въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ непріятель расположилъ бы свои войска на выбранной позиціи.

Затѣмъ, отрядъ,—будетъ-ли онъ состоять изъ роты, изъ баталіона, или изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія,—двигается къ этимъ мишенямъ со всѣми военными предосторожностями, строитъ боевой порядокъ и начинаетъ ученье по заранѣе составленному плану.

Въ програму ученья должны войти непремѣнно всѣ эволюціи, которыя находятся въ уставѣ и могутъ быть примѣнены къ бою,

какъ, напримѣръ, разсыпаніе стрѣлковыхъ цѣпей, дѣйствія и движенія цѣпью, развертываніе колоннъ съ открытіемъ огня, стрѣльба сомкнутыми частями, огонь изъ каре или изъ кучекъ, перемѣна фронта, движеніе впередъ и, наконецъ, атака.

При дѣйствіи нѣсколькихъ частей, или отряда, составленнаго изъ всѣхъ родовъ оружія, полезно разнообразить маневръ кавалерійской атакой, направленной съ нашей стороны, или охватомъ непріятельскаго фланга, что развиваетъ сноровку, заставляя начальниковъ серьезно обдумывать свои приказанія, а войска—соображать свои движенія такъ, чтобы не мѣшать наступленію и не попасть подъ выстрѣлы своей же фронтальной атаки.

Такимъ образомъ, вниманіе солдата, съ одной стороны, приковывается впередъ, туда, гдѣ стоятъ мишени; съ другой—къ относительному положенію не только ближайшихъ товарищей, но и цѣлыхъ частей, особенно артилеріи. Здѣсь каждая ошибка становится замѣтною до очевидности. На маневрахъ трудно услѣдить, напримѣръ, когда стрѣлки, или колонны, идущія въ атаку, закрываютъ собою артилерію. Здѣсь артилерія должна замолчать поневолѣ, или перемѣнить позицію. Въ настоящемъ же бою и то и другое можетъ имѣть серьезныя послѣдствія, такъ какъ артилерія прекращаетъ огонь иногда въ моменты, самые удобные для стрѣльбы.

Кромѣ того, эти ученья даютъ обширную практику начальникамъ цѣпей и даже старшимъ въ звеньяхъ, которые становятся дѣйствительными руководителями огня своихъ боевыхъ товарищей, указывая имъ мишени, которыя должны выбираться для цѣли. Они наблюдаютъ, чтобы съ дальнихъ дистанцій, напримѣръ, съ восьмисотъ и болѣе шаговъ, люди не открывали огонь иначе, какъ по густымъ колоннамъ. Съ дистанціи около шестисотъ шаговъ позволяется лучшимъ стрѣлкамъ стрѣлять уже по отдѣльнымъ групамъ и по артилеріи; а ближе, съ трехсотъ шаговъ,—и въ одиночныхъ людей. Строго проводя эти правила, можно развить въ солдатѣ убѣжденіе, что выстрѣлъ его находится въ распоряженіи начальника или старшаго въ звенѣ, а это поведетъ за собою, прежде всего, бережливость патроновъ, — что при скорострѣльномъ оружіи получаетъ огромное значеніе.

По отношенію къ начальникамъ ученья эти приносятъ ту пользу, что развиваютъ въ нихъ навыкъ легко и скоро оцѣнивать выгоды мѣстности для болѣе успѣшнаго пораженія непріятеля, для войскъ же—служатъ нагляднымъ доказательствомъ вреда суеты, пріучая ихъ

къ ровному, неторопливому, а вмѣстѣ съ тѣмъ, къ твердому и отчетливому исполненію всѣхъ приказаній.

Но, обучая войска маневрированію съ пальбою, необходимо имѣть еще въ виду и ту пользу, которую приноситъ сама по себѣ стрѣльба боевыми патронами. По этому «Наставленіе» совѣтуетъ раздѣлять ученье на два отдѣла, чтобы показать особо общій порядокъ дѣйствія цѣпи, и особо рѣшительное наступленіе на близкомъ отъ противника разстояніи. Первая часть ученья оканчивается, какъ только войска приблизятся къ мишенямъ на разстояніе около трехсотъ шаговъ, послѣ чего дается отбой, считаются попавшія пули и дѣлается выводъ о результатѣ стрѣльбы на дальнія дистанціи. Затѣмъ начинается вторая часть ученья. Здѣсь главную роль играютъ уже: учащенная стрѣльба стрѣлковыхъ цѣпей, залпы сомкнутаго фронта и, наконецъ, общее живое наступленіе съ пальбою, заканчивающееся атакою самыхъ мишеней.

На обученіе маневру съ боевыми патронами назначается въ стрѣлковыя части по восьми, а въ линейныя по шести патроновъ на человѣка, которые и должны быть выпущены въ одно ученье. «Впрочемъ», говоритъ «Наставленіе», «если по окончаніи учебнаго курса и смотровъ въ какой-либо части останутся свободные патроны, то нельзя придумать лучшаго для нихъ употребленія, какъ повторить еще разъ ученье съ боевыми патронами».

ОДИНОЧНОЕ СТРОЕВОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Въ пѣхотѣ одиночная *строевая* подготовка солдата начинается съ обученія его безъ ружья стойкѣ, поворотамъ и маршировкѣ.

Не слѣдуетъ, однакоже, останавливаться долго на этихъ первоначальныхъ урокахъ, такъ какъ стойка и повороты легко достигаются при помощи приготовительной гимнастики; а для того, чтобы пріучить молодыхъ новобранцевъ ходить въ порядкѣ и въ ногу, лучшее средство требовать, чтобы команда изъ молодыхъ солдатъ—куда бы она ни посылалась, хотя бы въ составѣ даже двухъ человѣкъ,—всегда ходила въ ногу. Не говоря о томъ, что это пріучитъ молодыхъ солдатъ къ такту и къ размѣру шага безъ потери времени, требовать этого еще необходимо потому, что только команда, идущая въ ногу, внушаетъ уваженіе и не походитъ на толпу.

Самое обученіе маршировкѣ должно имѣть главною цѣлію выработать у солдатъ свободный, смѣлый и отчетливый шагъ. Солдатъ долженъ *идти,* а не топтаться на мѣстѣ; а потому суворовское правило: «военный шагъ—аршинъ; въ захожденіи—полтора», должно быть положено въ основу всего обученія. Самая скорость движенія разсчитывается такъ, чтобы солдатъ свободно проходилъ отъ 112 до 116 шаговъ въ минуту, и затѣмъ никакихъ укорачиваній и замедленій шага уже не допускается.

При обученіи бѣгу необходимо соблюдать строгую постепенность, такъ какъ бѣгъ при большой скорости и продолжительности представляетъ одно изъ самыхъ утомительныхъ и трудныхъ движеній; а между тѣмъ боевыя требованія заставляютъ пріучать людей какъ къ скорому, такъ и къ продолжительному бѣгу. Вотъ въ этомъ-то отношеніи первоначальный гимнастическій бѣгъ, со всѣми его видоизмѣненіями, и можетъ послужить хорошою подготовительною школою; затѣмъ, когда солдатъ научится ловко стоять, ходить и дѣлать повороты, слѣдуетъ приступать къ обученію его стойкѣ, поворотамъ и маршировкѣ уже подъ ружьемъ, а затѣмъ переходить къ ружейнымъ пріемамъ, къ заряжанію и стрѣльбѣ по командѣ.

Вообще учить новобранцевъ слѣдуетъ болѣе примѣромъ, нежели словесными объясненіями, которыя многими изъ нихъ воспринимаются туго. Лучше всего показать самому, какъ и что нужно сдѣлать, а потомъ, заставляя солдата исполнить показанное, исправлять ошибки его съ терпѣніемъ и хладнокровіемъ, чтобы онъ вполнѣ усвоилъ и понялъ то, чего отъ него хотятъ, или требуютъ.

Наконецъ, послѣдній отдѣлъ одиночнаго обученія заключается въ шереножныхъ и взводныхъ ученьяхъ, которыя имѣютъ цѣлію согласовать движенія и дѣйствія каждаго отдѣльнаго солдата, поставленнаго въ строй, съ движеніями и дѣйствіями его товарищей.

Програма шереножныхъ и взводныхъ ученій весьма немногосложна. Это—равненіе по линіи фронта и по рядамъ, въ затылокъ другъ другу; открытіе пальбы шеренгой или взводомъ, стоящими на мѣстѣ; движенія по разнымъ направленіямъ; осаживаніе, примыканіе и захожденіе фронтомъ; открытіе пальбы при наступленіи впередъ на противника; движенія рядами; вздваиваніе рядовъ и, наконецъ, построеніе рядовъ изъ фронта и фронта изъ рядовъ.

На ряду съ этими занятіями должно идти обученіе новобранцевъ сигналамъ и значенію барабанныхъ боевъ.

Затѣмъ, какъ только наступитъ весна, во всѣхъ войскахъ на-

чинается приготовленіе молодыхъ солдатъ къ разсыпному строю, сперва на мѣстности ровной, гдѣ основательно изучаются ими однѣ только формы разсыпнаго строя, а потомъ на мѣстности пересѣченной, гдѣ эти формы примѣняются уже къ условіямъ боя.

Въ послѣднее время стали появляться, однако же, мнѣнія, что подобный порядокъ обученія ошибоченъ, потому что ученья, производимыя на мѣстности ровной, не только не даютъ никакого представленія о дѣйствительности стрѣлковаго боя, но совершенно извращаютъ основныя понятія о немъ, развивая не только въ молодыхъ солдатахъ, но и въ начальникахъ, пристрастіе къ равненію, къ сохраненію общаго направленія цѣпи и къ такимъ снаровкамъ и мелочамъ, которыя противны духу разсыпнаго строя.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что лучше, если обстоятельства позволятъ, начинать обученіе прямо на пересѣченной мѣстности; но такъ какъ это не всегда возможно, то, чтобы избѣжать, по крайней мѣрѣ, вреда, который дѣйствительно можетъ происходить отъ неумѣлаго обученія людей на мѣстности, не представляющей никакого закрытія, напримѣръ, на учебномъ плацу,—пусть наши офицеры не упускаютъ изъ виду основныхъ положеній устава, который говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

§ 200. «Въ разсыпномъ строѣ все зависитъ отъ личной смѣтливости людей; поэтому и при обученіи ему слѣдуетъ болѣе предоставлять людей самимъ себѣ, не увлекаясь мелочными требованіями,—они столь же вредно дѣйствуютъ на стрѣлка, какъ и на руководящаго имъ, вселяя и тому и другому превратныя понятія о характерѣ разсыпнаго строя и, главное, отвлекая отъ цѣли, которую цѣпь должна достигнуть».

И далѣе:

Примѣчаніе къ § 204: «здѣсь (т. е. въ уставѣ) не предлагается никакихъ правилъ ни для интерваловъ между людьми одного звена, ни для относительнаго положенія звеньевъ другъ къ другу, въ томъ соображеніи, что даже и на ровной мѣстности отнюдь не слѣдуетъ требовать однообразія ни въ интервалахъ, ни въ положеніи людей».

Переходя затѣмъ на пересѣченную мѣстность, прежде всего необходимо вкоренить въ солдатахъ убѣжденіе, что главную силу разсыпнаго строя составляетъ мѣткій огонь, и что дѣйствительность этого огня главнѣйшимъ образомъ будетъ зависѣть отъ умѣнія ихъ воспользоваться выгодами мѣстности такъ, чтобы поражать врага, и самимъ быть укрытымъ отъ его взоровъ и выстрѣловъ.

Для большей поучительности первоначальныхъ упражненій, слѣдуетъ избирать для нихъ неровную, холмообразную мѣстность, пересѣченную лощинами, рвами и другими естественными или искусственными углубленіями. Если же, въ добавокъ къ этому, на сказанной мѣстности будутъ встрѣчаться лѣса различной величины и густоты, то она можетъ почитаться почти идеальною для названныхъ занятій съ молодыми новобранцами.

Подобной мѣстности можетъ и не случиться по близости квартирнаго расположенія войскъ, а потому не слѣдуетъ стѣсняться поискать ее и нѣсколько далѣе, напримѣръ, верстахъ въ пяти, или въ шести, такъ какъ переходы туда и назадъ представляютъ и сами по себѣ хорошее упражненіе, какъ средство пріучить людей къ перенесенію усталости и ознакомить ихъ съ правилами походныхъ движеній. Слѣдовательно, время, потраченное на эти переходы, будетъ съ избыткомъ окупаться выгодами двойнаго обученія людей: походнымъ движеніямъ и стрѣлковому бою.

Мы уже сказали, что сила разсыпнаго строя заключается въ мѣткомъ огнѣ, а потому и подготовку новобранцевъ къ бою полезнѣе начинать съ обороны какого-либо пункта, такъ какъ при этихъ условіяхъ люди скорѣе выучиваются оцѣнивать выгоды мѣстности. При этомъ лучше, если обученіе будетъ вестись на двѣ стороны, при помощи старослужащихъ солдатъ, которые, для большей наглядности, должны изображать собою противника.

Такимъ образомъ, придя на мѣсто, выбранное для ученья, офицеръ долженъ въ нѣсколькихъ словахъ объяснить новобранцамъ, чему ихъ будутъ учить, т. е. растолковать предварительно сущность примѣненія къ мѣстности при оборонѣ. Показать при этомъ всѣ случаи, какъ слѣдуетъ укрываться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, или дать на это какія нибудь положительныя правила, при безконечномъ разнообразіи мѣстности, безъ сомнѣнія, невозможно, и даже попытка создать что либо въ этомъ родѣ была бы положительно вредною, потому что во многомъ стѣснила бы личную иниціативу и смѣтливость стрѣлка. Гораздо цѣлесообразнѣе будетъ, если офицеръ прикажетъ старослужащимъ солдатамъ продѣлать все то, что хочетъ показать новобранцамъ, а затѣмъ предоставитъ послѣднимъ полную свободу самимъ примѣниться къ мѣстности, исправляя ошибки ихъ своими совѣтами и наблюдая за тѣмъ, чтобы отнюдь не занимались такія мѣста, съ которыхъ нельзя хорошо стрѣлять по непріятелю, потому что главная обязанность солдата заключается въ томъ, чтобы поражать врага, а потомъ уже заботиться о своемъ прикрытіи.

Ознакомивъ такимъ образомъ своихъ солдатъ со способомъ, какъ слѣдуетъ пользоваться мѣстностью, приказываютъ старымъ солдатамъ начать наступленіе.

Обучающій офицеръ, оставаясь при новобранцахъ, указываетъ имъ, какимъ образомъ они должны слѣдить за приближающимся противникомъ, чтобы открыть огонь въ моментъ наиболѣе удобный, пока непріятельская цѣпь находится въ движеніи и не успѣла еще укрыться.

Затѣмъ, когда новобранцы поймутъ до нѣкоторой степени соотвѣтствующій образъ дѣйствій, наступающая сторона сперва усиливаетъ свою цѣпь, а потомъ продолжаетъ наступленіе, причемъ новобранцамъ опять указываютъ лучшее время для производства выстрѣловъ, такъ какъ наступающій непріятель, хотя моментально, но все-таки непремѣнно долженъ появиться изъ-за своихъ прикрытій.

Послѣ этого старослужащіе солдаты постепенно начинаютъ охватывать цѣпь новобранцевъ съ фланга, а послѣдней показываются правила, какъ слѣдуетъ при этомъ брать самихъ обошедшихъ во флангъ, или какимъ образомъ можно укрыться отъ боковыхъ выстрѣловъ, подавшись иногда всего на нѣсколько шаговъ назадъ или въ сторону.

Когда, такимъ образомъ, будутъ продѣланы всѣ фазы оборонительнаго боя, тогда обучающій офицеръ приказываетъ старослужащимъ солдатамъ произвести атаку.

Но, вкореняя съ самаго начала въ стрѣлкахъ убѣжденіе въ дѣйствительности и въ силѣ огня, не надо упускать изъ виду развитія и нравственнаго элемента ихъ, заключающагося въ томъ, что искусный стрѣлокъ, увѣренный въ своемъ оружіи и не теряющій присутствія духа, долженъ быть убѣжденъ, что, занявъ хорошую позицію, онъ можетъ состязаться съ двойными и даже тройными силами противника, а потому не надо подрывать подобную увѣренность и въ мирное время несвоевременнымъ приказаніемъ очищать позицію. Это особенно важно по отношенію къ молодымъ новобранцамъ, у которыхъ впечатлѣнія службы бываютъ обыкновенно самыми прочными. Гораздо лучше оканчивать урокъ сквозными атаками, послѣ которыхъ каждая сторона имѣетъ полное право считать себя побѣдительницею.

Съ такою же послѣдовательностію и также наглядно и систематически продѣлывается потомъ съ новобранцами и наступленіе противъ позиціи, которая предварительно занимается старослужащими солдатами.

Подробности этихъ уроковъ слѣдующія:

Какъ только цѣпь новобранцевъ войдетъ въ сферу непріятельскихъ выстрѣловъ, дальнѣйшее наступленіе ея должно производиться уже не иначе, какъ небольшими участками, которые постепенно перебѣгаютъ отъ одного закрытія къ другому. Для этого нѣсколько звеньевъ, по указанію начальника, бросаются впередъ, стараясь, какъ можно скорѣе, а иногда и незамѣтнѣе, достигнуть новой позиціи, и начинаютъ стрѣльбу только тогда, когда уже займутъ указанное мѣсто. Остальныя звенья послѣдовательно пристраиваются къ нимъ на новую позицію, такъ, чтобы стрѣльба по линіи не прекращалась ни на одну минуту. Если же мѣстность представляетъ собою нѣсколько послѣдовательныхъ позицій, которыя идутъ одна за другою и удобны для закрытія всей цѣпи, то наступленіе можетъ быть произведено по свистку начальника, и цѣпь перебѣгаетъ разомъ впередъ шаговъ на 50 или на 100. Невыгода этого способа дѣйствія та, что стрѣльба неминуемо должна прекратиться хотя на короткое время, но по всей линіи.

Все это необходимо предварительно продѣлать на мѣстности со старослужащими солдатами, въ присутствіи молодыхъ новобранцевъ, которые должны хорошо замѣтить, какъ именно надобно пользоваться во время движенія различными мѣстными закрытіями: какъ слѣдуетъ, напримѣръ, пробираться ползкомъ, или крадучись, въ неглубокихъ ложбинахъ или канавахъ, позади пологихъ холмовъ, въ густой травѣ, низкомъ кустарникѣ или въ засѣянномъ хлѣбѣ; какъ надо переходить въ лѣсу отъ дерева къ дереву, или перебѣгать по совершенно открытому пространству; въ послѣднемъ случаѣ требовать, однако же, чтобы перебѣжки дѣлались живымъ, смѣлымъ бѣгомъ, но отнюдь не нагибаясь, такъ какъ нагибаніе здѣсь неумѣстно, тѣмъ болѣе, что матеріальной пользы оно не представляетъ, а нравственный вредъ отъ него великъ.

Послѣ этого начинается ученье на двѣ стороны. Новобранцы производятъ послѣдовательное наступленіе съ позиціи на позицію и, наконецъ, съ занятіемъ послѣдней изъ нихъ въ двухстахъ или въ трехстахъ шагахъ отъ противника, останавливаются. Здѣсь обучающій офицеръ показываетъ новыя для нихъ правила учащенной пальбы, которая предшествуетъ атакѣ, и объясняетъ, куда и на какія войска она должна быть направляема.

Такъ какъ опытъ послѣдней войны (1870—1871 года) достаточно убѣдилъ уже всѣхъ, что однимъ огнемъ никогда невозможно

заставить очистить позицію, занятую даже вновь сформированными войсками, то послѣ учащенной пальбы необходимо всегда бросаться въ штыки, причемъ старослужащіе солдаты или, въ свою очередь, производятъ сквозную атаку, или отступаютъ, но никакъ не ранѣе той минуты, когда новобранцы концентрически и съ крикомъ «ура» бросятся въ штыки на заранѣе указанный пунктъ.

Стремленіе къ удару послѣ дѣйствія огнемъ должно быть твердо вкоренено въ новобранцахъ и должно сдѣлаться для нихъ дѣломъ совершенно привычнымъ,—иначе трудно будетъ въ виду непріятеля вывести людей изъ-за закрытій. Это же самое подтверждается и многими нѣмецкими военными писателями. Подполковникъ Кампе говоритъ, напримѣръ, что во время послѣдней войны онъ убѣждался не разъ, какъ трудно, въ разгарѣ пѣхотнаго боя, сдвинуть съ мѣста для атаки стрѣлковыя цѣпи, занятыя перестрѣлкою изъ-за закрытія. Этотъ урокъ, за который прусаки не поплатились быть можетъ только потому, что и противникъ ихъ находился въ такомъ же положеніи,—долженъ предостеречь и насъ отъ подобной ошибки.

Въ этомъ же отдѣлѣ обученія можно показать новобранцамъ правила, какъ надо охватывать непріятельскую цѣпь съ фланга, чтобы брать ее продольнымъ огнемъ, употребляя для этого или соотвѣтствующіе, но незамѣтные загибы собственныхъ фланговъ, или разсыпая новую цѣпь, которая совершаетъ необходимое для этого передвиженіе внѣ сферы выстрѣловъ и, по возможности, скрытно отъ глазъ противника.

Но, указывая на несомнѣнную выгоду этого рода дѣйствія, необходимо, однакоже, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснить новобранцамъ, что однимъ продольнымъ огнемъ также не всегда возможно заставить непріятеля очистить позицію, и что для довершенія успѣха опять-таки нуженъ штыковый ударъ. Для этого новобранцы, обошедшіе обороняющагося, должны также съ помощію перебѣжекъ приблизиться къ позиціи противника, и затѣмъ броситься въ штыки одновременно съ тѣми, которые наступаютъ съ фронта, стараясь зайти при этомъ въ тылъ непріятельской цѣпи и ее отрѣзать.

Затѣмъ, остается показать новобранцамъ способъ преслѣдованія противника, въ случаѣ успѣшной атаки, и способъ отступленія, если мы сами вынуждены будемъ очистить позицію.

Въ первомъ случаѣ надо обратить вниманіе молодыхъ солдатъ на необходимость не спускать съ противника глазъ, чтобы уловить начало его отступленія. Въ этомъ случаѣ новобранцы должны какъ можно по-

спѣшнѣе, и не ища уже никакихъ закрытій, занять покинутую позицію, чтобы имѣть возможность преслѣдовать отступающаго врага самымъ живымъ огнемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не выйдетъ изъ подъ нашихъ выстрѣловъ. Здѣсь слѣдуетъ также разъяснить новобранцамъ, что изложеннымъ образомъ можно нанести противнику гораздо большій уронъ, чѣмъ преслѣдуя его по пятамъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ стрѣльба будетъ производится на ходу, а слѣдовательно, потеряетъ значительную долю своей силы и мѣткости.

Чтобы сдѣлать новобранцамъ вполнѣ наглядною ошибочность необдуманнаго преслѣдованія, можно приказать старослужащимъ солдатамъ, не участвовавшимъ на ученьи, занять въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой позиціи другую, для принятія на себя отступающихъ, такъ чтобы новобранцы, преслѣдуя сбитыхъ противниковъ по пятамъ, наткнулись бы вдругъ на свѣжія силы, стоящія въ крѣпкой позиціи и, не будучи къ тому подготовлены, очутились въ самомъ невыгодномъ положеніи.

Въ другой разъ можно приказать отступающей части, продолжая свое отступленіе, подвести разгоряченнаго противника подъ фланговый огонь съ какого нибудь въ сторонѣ лежащаго пункта; или, расположившись скрытно гдѣ нибудь за оградою, за насыпью, за цѣпью пологихъ высотъ и т. п., подпустить опрометчивыхъ новобранцевъ на разстояніе близкаго ружейнаго выстрѣла и затѣмъ, по знаку начальника, встрѣтить ихъ самымъ убійственнымъ бѣглымъ огнемъ преимущественно тогда, когда они будутъ открыты.

Потомъ надо помѣняться ролями и показать самимъ новобранцамъ какъ должно занимать подобныя позиціи и какъ надо пользоваться опрометчивостію противника, чтобы подводить его неожиданно подъ самый убійственный и мѣткій огонь нашей цѣпи.

Что касается до отступленія, то надо объяснить молодымъ солдатамъ, что оно можетъ производиться или непосредственно за рукопашною схваткою, т. е. послѣ атаки—слѣдовательно, подъ самымъ сильнымъ натискомъ непріятеля, или до атаки, когда рѣшено оставить позицію заблаговременно, напримѣръ, въ виду громаднаго превосходства непріятельскихъ силъ и т. п.

При отступленіи перваго рода, т. е. непосредственно за рукопашною схваткою, надо показать новобранцамъ, что самое трудное дѣло—это отойти отъ непріятеля, хотя на нѣкоторое разстояніе, но что самое невѣрное средство для этого бѣжать назадъ всею цѣпью, такъ

какъ летящія въ догонку пули, а еще того хуже появленіе непріятельской кавалеріи, могутъ обратить подобное отбѣганіе въ общее и безпорядочное бѣгство; поэтому основательнѣе будетъ отходить самыми мелкими частями цѣпи и на сравнительно малыя разстоянія за ближайшія укрытія, чтобы, выждавъ тамъ, отстрѣливаясь, подхода сосѣднихъ звеньевъ, продолжать отступленіе отъ одного закрытія къ другому; но останавливаться за ними долго не слѣдуетъ, дабы напрасно не увеличивать потери, которыя при отбитой атакѣ и безъ того бываютъ весьма значительны.

Для обученія отступленію втораго рода офицеръ, замѣтивъ наступленіе сильнаго противника и невозможность держаться на позиціи, объясняетъ новобранцамъ, куда и какимъ образомъ нужно отойти, сообразно мѣстности и обстоятельствамъ боя.

При этомъ, либо занимаютъ предварительно сзади новую позицію другими новобранцами, или отсылаютъ для той же цѣли часть людей со старой позиціи. Въ обоихъ случаяхъ главное дѣло заключается въ томъ, чтобы уйти скрытно изъ-подъ взоровъ непріятеля съ помощію такого движенія, которое наименѣе могло бы привлечь его вниманіе (напримѣръ, сойдя ползкомъ съ гребня занятой высоты), затѣмъ, отбѣгать назадъ до перваго закрытія и потомъ продолжать отступленіе такими же перебѣжками, какъ и въ первомъ случаѣ.

Отраженіе кавалерійской атаки, разумѣется, не всегда можетъ быть продѣлываемо съ помощію противника, но, тѣмъ не менѣе, надо объяснить новобранцамъ, что въ случаѣ кавалерійской атаки цѣпь быстро должна собираться въ сомкнутыя части, но не вся, а только тѣ ея звенья, которымъ дѣйствительно угрожаетъ атака, и которыя притомъ стоятъ на мѣстахъ открытыхъ и ровныхъ. Покидать же для этого закрытія никогда не слѣдуетъ, такъ какъ кавалерія противъ нихъ безсильна, а между тѣмъ, огонь, направленный изъ-за закрытій, можетъ оказать существенную подмогу тѣмъ звеньямъ, которыя отбиваются гдѣ нибудь въ полѣ.

Этимъ и можно бы было закончить обученіе новобранцевъ дѣйствію въ разсыпномъ строѣ, но такъ какъ въ большихъ сраженіяхъ бываютъ случаи, когда нѣкоторымъ частямъ пѣхоты приходится драться на открытыхъ равнинахъ, то нужно указать новобранцамъ способъ дѣйствія и въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Впрочемъ, въ добавокъ къ предъидущимъ урокамъ, здѣсь только придется упражнять молодыхъ солдатъ:

1) Въ порывистомъ наступленіи большими цѣпями, взаимно поддерживающими другъ друга огнемъ.

2) Въ прикрытіи двигающихся колоннъ, съ фронта и фланговъ, массами стрѣлковъ, и

3) Въ способѣ дѣйствія противъ кавалеріи въ разсыпномъ строѣ, не собираясь въ сомкнутыя части.

Впрочемъ, послѣднее мы рѣшаемся высказать лишь съ крайнею осторожностію, такъ какъ подобные взгляды начали преобладать у насъ и въ нѣкоторыхъ европейскихъ арміяхъ только послѣ франко-прусской войны; но надо замѣтить, что эта война не дала еще ничего строго провѣреннаго въ этомъ отношеніи, потому что прусаки, какъ мы уже замѣтили ранѣе, ни разу не имѣли противъ себя лихой кавалеріи.

Означенный здѣсь методъ обученія стрѣлковъ заимствованъ нами изъ многихъ сочиненій лучшихъ нѣмецкихъ писателей (*), по словамъ которыхъ методъ этотъ уже оказалъ огромныя услуги прусакамъ во время послѣднихъ войнъ. «Нельзя не удивляться», говоритъ графъ Вальдерзее, «какимъ образомъ, даже въ тѣхъ людяхъ, которые казались сначала безпомощными, неуклюжими и умственно ограниченными, послѣ нѣсколькихъ подобныхъ упражненій въ полѣ, появлялся интересъ къ подобнаго рода занятіямъ, развивалась ловкость и проявлялась находчивость и смѣтливость»,—что объясняется легко наглядностію и цѣлесообразностію самаго метода обученія.

Поэтому нельзя не пожелать, чтобы подобная система обученія нашла себѣ, наконецъ, обширное примѣненіе и въ рядахъ нашей арміи.

Теперь перейдемъ къ кавалеріи.

Послѣдовательность обученія верховой ѣздѣ въ кавалеріи опредѣлена приказомъ Его Высочества генералъ-инспектора кавалеріи, по которому весь срокъ обученія разсчитанъ на четыре мѣсяца, чтобы дать возможность всѣмъ новобранцамъ участвовать въ лѣтнихъ занятіяхъ въ первый же годъ поступленія на службу.

Отъ каждаго рядоваго требуется, чтобы онъ, по окончаніи курса одиночной ѣзды, умѣлъ исполнять на лошади слѣдующее:

Ѣздить шагомъ, рысью, фронтовымъ галопомъ и въ карьеръ; дѣлать на лошади повороты, осаживать, принимать направо и налѣво, перемѣнять направленіе, дѣлать вольты и повороты направо и налѣво назадъ, заѣзжать плечомъ, прыгать черезъ препятствіе, волтижировать и дѣйствовать на конѣ оружіемъ.

Отъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, въ добавокъ къ этому, тре-

(*) Вальдерзее, Кампе, фонъ-Кассель и другіе.

буется еще укороченный (манежный) галопъ, съ перемѣною ногъ при заѣздахъ и поворотахъ.

У казаковъ манежная ѣзда не имѣетъ мѣста; но за то у нихъ есть джигитовка, которая и служитъ какъ бы мѣриломъ отваги, удали и молодечества наѣздника. Важность этого предмета обусловливается въ казачьихъ войскахъ именно тѣмъ, что джигитовка служитъ, можно сказать, единственною военною школою ѣзды молодымъ казачатамъ, которые, обращая ее въ забаву и игры дѣтскихъ лѣтъ, съ ранняго возраста пріучаются ловко владѣть конемъ и оружіемъ. Поэтому и джигитовку желательно бы было доводить у нихъ до возможнаго совершенства. Необходимо требовать, чтобы каждый казакъ на всемъ скаку рубилъ и кололъ фигуры безъ промаха, стрѣлялъ по всѣмъ направленіямъ, свертывался съ сѣдла, чтобы укрыться за конемъ отъ выстрѣла противника, поднималъ съ земли различные предметы, спрыгивалъ и вскакивалъ въ сѣдло на всѣхъ аллюрахъ, не исключая карьера, прыгалъ черезъ барьеры и рвы, клалъ лошадь на землю и стрѣлялъ изъ-за нея, какъ изъ-за бруствера, или заставлялъ бы ее смирно лежать въ секретѣ или въ засадѣ.

Къ этому можно прибавить еще военныя, конныя игры, которыя возникли со старинныхъ временъ, вслѣдствіе необходимости пріучать казачью молодежь къ лихому наѣздничеству, и которыя, помимо своихъ практическихъ цѣлей, пріучаютъ человѣка быть на конѣ, какъ дома, обращая его въ центавра, составляющаго съ конемъ одно нераздѣльное цѣлое.

Лучшіе регулярные кавалеристы всегда старались въ этомъ отношеніи подражать казакамъ, понимая, что одною учебною ѣздою въ манежѣ не можетъ и не должно заканчиваться образованіе кавалериста.

Зейдлицъ,* который служитъ для насъ образцомъ кавалерійскаго начальника, требовалъ, напримѣръ, отъ своихъ подчиненныхъ, чтобы каждый изъ нихъ скакалъ безъ стремянъ на самыхъ дикихъ и бѣшеныхъ лошадяхъ, а потому и кавалерія его была такова, что для нея широкія канавы, высокіе заборы, дремучіе лѣса и бурныя рѣки не составляли препятствій, и тотъ, кто не умѣлъ побѣдить ихъ, считался недостойнымъ носить названіе кавалериста.

Чтобы достигнуть такого результата, разумѣется, нужна полевая ѣзда въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, и, дѣйствительно, если Зейдлицъ замѣчалъ, что въ какомъ нибудь полку ѣзда была не совсѣмъ хороша, то выбиралъ для ученья его чрезвычайно пересѣченную, трудную мѣстность и требовалъ, чтобы всадники не избѣгали,

*

а, напротивъ, искали и побѣждали препятствія. Несчастные случаи при этомъ, конечно, бывали, но Зейдлицъ не обращалъ на это вниманія, смотря на нихъ, какъ на жертвы, къ которымъ обязывала война въ мирное время. Однажды король спросилъ у него: «скажите, Зейдлицъ, что значитъ, что въ вашемъ полку люди такъ часто ломаютъ шеи?»—«Вашему величеству стоитъ лишь приказать, и этого больше не будетъ», отвѣчалъ Зейдлицъ, «но я не буду виноватъ, если мой полкъ не исполнитъ своего дѣла передъ непріятелемъ».

Въ этомъ же духѣ воспитывали у насъ кавалерію Потемкинъ и Суворовъ.

Вообще, хорошимъ пособіемъ къ развитію одиночной ѣзды въ кавалеріи могутъ служить такія упражненія, которыя хотя и не имѣютъ прямаго отношенія къ службѣ, какъ, напримѣръ, одиночная охота съ борзыми собаками, но которыя развиваютъ привычку къ нѣкотораго рода безстрашію. На подобной охотѣ люди не только пріучаются оріентироваться на незнакомой мѣстности и оцѣнивать на глазъ разстоянія, но, главное, привыкаютъ къ трудамъ и къ лишеніямъ, осваиваются съ біеніемъ сердца и научаются побѣждать его въ минуты случайной опасности. Въ Прусіи охота за звѣремъ введена теперь обязательно во всей кавалеріи; гановерцы же упражняются въ ней три раза въ недѣлю въ теченіе цѣлаго года.

Затѣмъ, послѣ одиночнаго обученія верховой ѣздѣ, какъ въ кавалеріи, такъ и у казаковъ, переходятъ къ шереножнымъ и взводнымъ ученьямъ, заканчивающимся сквозными атаками; потомъ показываютъ правила запряжки строевыхъ лошадей подъ орудія и, наконецъ, пріучаютъ людей прыгать чрезъ препятствія цѣлыми частями, напримѣръ, шеренгами, и переплывать съ конемъ и оружіемъ широкія и быстрыя рѣки. Послѣднее, впрочемъ, обязательно у насъ только для однихъ казаковъ.

На ряду съ этими занятіями, на которые еще Варнери, другъ и сподвижникъ Зейдлица, одинъ изъ лучшихъ кавалеристовъ прошлаго вѣка, указывалъ, какъ на одни изъ важнѣйшихъ упражненій для сомкнутаго фронта, должно идти обученіе нижнихъ чиновъ кавалерійскимъ сигналамъ и пѣшему строю.

Послѣдній, начинаясь одиночною выправкою и маршировкою, заканчивается также шереножными и взводными ученьями, и хотя не имѣетъ прямаго отношенія къ той спеціальной службѣ, которую несетъ кавалерія, но, тѣмъ не менѣе, признается необходимымъ, какъ для приданія солдатамъ бодраго воинственнаго вида, такъ и для под-

готовки ихъ къ дѣйствіямъ въ бою при спѣшиваніи, о чемъ мы скажемъ ниже, въ отдѣлѣ обученія кавалерійскихъ частей.

Что же касается до казаковъ, то одиночной выправкѣ, маршировкѣ и вообще началамъ пѣшаго строя, они обучаются въ станицахъ на столько, на сколько это можетъ имъ пригодиться при спѣшиваніи; а затѣмъ, при вызовѣ полковъ на службу, занятія съ ними по пѣшему строю ограничиваются тою лишь степенью, чтобы казаки не отвыкали отъ того, чему обучены были въ войскѣ (*).

ОБУЧЕНІЕ ЭВОЛЮЦІЯМЪ.

Послѣ одиночнаго строеваго образованія переходятъ къ обученію войскъ эволюціямъ.

Въ пѣхотѣ обученіе эволюціямъ производится на ротныхъ и баталіонныхъ ученьяхъ, которымъ должно предшествовать еще производство ученья кадрами, или такъ называемыя 12-ти рядныя ученья, со всѣми офицерами и унтеръ-офицерами, мѣста которымъ опредѣлены уставомъ.

Цѣль ихъ заключается въ томъ, чтобы:

1) Научить каждаго начальника въ строю правильно, громко и ясно произносить команду;

2) показать всякому мѣсто, гдѣ онъ долженъ находиться послѣ каждаго перестроенія или поворота, и

3) пріучить командировъ взводовъ, полувзводовъ, а также унтеръ-офицеровъ и фланговыхъ рядовыхъ держать опредѣленныя направленія и сохранять должныя дистанціи и интервалы.

Путемъ этихъ ученій всѣ командиры подготовляются къ искусству управлять въ строю своими частями, а нижніе чины, на которыхъ лежатъ во фронтѣ какія либо особыя обязанности, узнаютъ и способъ ихъ исполненія. Все это достигается тѣмъ легче, что обучающій не развлекается здѣсь ничѣмъ, что̀ на ученьяхъ съ полными рядами могло бы отвлечь его собственно отъ обученія командировъ и кадровъ.

Затѣмъ, кадровыя баталіонныя ученья должны имѣть практическою цѣлью только подготовку ротныхъ командировъ, такъ какъ всѣ остальные чины должны уже знать свое дѣло изъ ротныхъ ученій.

(*) Приказъ по военному вѣдомству 1875 года, № 203.

Считаемъ не лишнимъ обратить здѣсь вниманіе на пріученіе всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ къ исполненію обязанностей различныхъ строевыхъ начальниковъ. Недостаточно, если каждый изъ нихъ ограничитъ свои познанія въ уставѣ только по мѣсту, имъ въ строю занимаемому. Надо требовать непремѣнно, чтобы къ началу лѣтнихъ занятій всѣ *унтеръ-офицеры и офицеры умѣли твердо командовать* ротами; каждый ротный командиръ долженъ привыкнуть командовать баталіономъ, каждый штабъ-офицеръ—полкомъ. Подобныя замѣны въ военное время случаются часто; а потому къ нимъ надо подготовляться ученьями и въ мирное время. Только при этомъ условіи и вырабатывается та настоящая боевая самостоятельность части, которою такъ справедливо гордились нѣкоторые изъ нашихъ кавказскихъ полковъ; выбудутъ бывало изъ роты всѣ офицеры — ротою командуетъ фельдфебель, убудетъ фельдфебель—командуютъ унтеръ-офицеры, а не останется и унтеръ-офицеровъ—командуетъ рядовой—на кого укажутъ довѣріе и выборъ товарищей. Такую пѣхоту ничѣмъ нельзя смѣшать, сбить съ толку или привести въ недоумѣніе.

Теперь перейдемъ собственно къ строевымъ ученьямъ.

При обученіи извѣстной части войскъ прежде всего имѣется въ виду добиться, такъ сказать, основныхъ началъ каждаго строя: порядка, тишины, вниманія, исполнительности и стройности. Въ этомъ случаѣ обучающій слѣдуетъ указаніямъ устава о порядкѣ обученія и ведетъ все къ тому, чтобы часть, послѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ ученій, обратилась въ дѣйствительно надежное и послушное орудіе въ рукахъ своего начальника.

Всѣ эти требованія вызываются самимъ духомъ сомкнутаго строя и должны быть проводимы тѣмъ строже, чѣмъ сроки службы нижнихъ чиновъ короче.

Ротное ученье служитъ основаніемъ строевому обученію вообще, такъ же точно, какъ уставъ ротнаго строя составляетъ основаніе всѣхъ остальныхъ строевыхъ уставовъ.

Чтобы безъ напрасной траты времени выучить людей всему, что́ требуется ротнымъ ученьемъ, самое ученье должно производиться не иначе, какъ въ той постепенности, которая *опредѣляется* уставомъ.

Прежде всего во фронтѣ необходимо добиться спокойствія и соблюденія вѣрнаго, неторопливаго шага. Для этого уставъ совѣтуетъ производить какъ можно болѣе движеній сперва въ полувзводной колоннѣ, а потомъ развернутымъ фронтомъ, и только тогда, когда уже

часть хорошо усвоитъ себѣ весь механизмъ движенія, переходить къ построеніямъ, начиная съ болѣе легкихъ и менѣе сложныхъ.

Здѣсь первое условіе успѣха—полнѣйшее вниманіе людей къ командѣ начальника. Для провѣрки этого полезно даже иногда заблаговременно приказывать офицерамъ переиначивать команды: вмѣсто на право командовать, напримѣръ, на лѣво и слѣдить за тѣмъ, чтобы никто изъ людей не осмѣлился поступать противу командного слова. Только этимъ путемъ и можно пріучить часть къ тому, чтобы она подчинялась голосу начальника и, не задумываясь, исполняла впослѣдствіи такія построенія, которыя никогда не продѣлывались прежде.

Ведя, такимъ образомъ, занятія роты въ должной послѣдовательности, командиръ ея не долженъ упускать изъ виду важнѣйшаго условія хорошаго пѣхотнаго строя — выдержки направленія. На практикѣ этого можно достигнуть только однимъ путемъ, дѣлая продолжительныя движенія на какой нибудь предметъ и повѣряя отъ времени до времени прямолинейность направленія. По дорогѣ никто не мѣшаетъ дѣлать остановки и перестроенія, справливая только послѣднія такъ, чтобы флангъ равненія не сходилъ съ прямаго пути. Это во всякомъ случаѣ принесетъ при обученіи роты бо́льшую и существенную пользу, чѣмъ безостановочная перемѣна формъ строя и направленія, составляющая характеристическую черту нашихъ ученій.

Когда рота утвердится въ ротномъ ученьи, тогда преимущественное вниманіе ротнаго командира должно быть обращено на повтореніе того, что̀ болѣе примѣнимо въ бою, а именно: 1) на всѣ движенія фронтомъ и съ разомкнутыми рядами, 2) на стройность и поворотливость ротной колонны и быстрое развертываніе ея для пальбы, 3) на встрѣчу кавалеріи и 4) на разсыпной строй, который твердо долженъ быть усвоенъ каждымъ отдѣльнымъ солдатомъ. Кромѣ того, разсыпанная рота, а особенно съ перемѣшанными въ звеньяхъ полувзводами, должна быть пріучена быстро собираться въ сомкнутый строй и выстраиваться въ направленіи, указанномъ ей обучающимъ. Это лучше всего пріучитъ роту возстановлять порядокъ, если онъ былъ нарушенъ вслѣдствіе какой нибудь случайной причины.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о стрѣльбѣ изъ сомкнутаго фронта и объ атакѣ.

Чтобы залпъ былъ дружный, что называется выдержанный, рота не должна стрѣлять вмѣстѣ съ командою «пли», а послѣ команды выдержать счетъ *разъ* и, затѣмъ, спустить курокъ со счетомъ *два*.

Самыя команды: «рота» и «пли» должны произноситься непремѣнно раздѣльно и съ небольшою выдержкою.

Вообще, умѣнье хорошо командовать пріобрѣтаетъ здѣсь особенную важность, такъ какъ вселяетъ довѣріе и спокойствіе въ нижнихъ чинахъ. Главное въ этомъ случаѣ, избѣжать самому суеты и торопливости, а для этого необходимо пріучить себя къ счету. Скомандовавъ «рота», обучающій долженъ считать въ умѣ разъ, два, три—«пли»! это будетъ тактъ для учащенной стрѣльбы хорошо обученной части. При этомъ условіи рота свободно дастъ шесть залповъ въ минуту; можно дать и семь, но это будетъ уже въ ущербъ хладнокровію, а слѣдовательно, и мѣткости. При стрѣльбѣ же не учащенной, команду «пли» слѣдуетъ подавать не ближе, какъ по пятому и даже по восьмому счету, чтобы дать людямъ болѣе времени прицѣливаться (*).

Атака на всѣхъ ученьяхъ *должна производиться не иначе*, какъ противъ видимыхъ цѣлей. Это необходимо для того, чтобы солдаты и начальники привыкли опредѣлять разстоянія, съ которыхъ должно начинать атаку, брать «на руку» и бросаться «на ура». Къ этому атака въ пустомъ пространствѣ пріучить не можетъ; а между тѣмъ, привычка опредѣлять на глазомѣръ разстоянія здѣсь очень важна, такъ какъ иначе люди добѣгутъ до непріятеля, запыхавшись, и, слѣдовательно, будутъ неспособны для боя. Самый выгодный строй для атаки—колонны; но иногда приходится атаковать и въ развернутомъ фронтѣ, напримѣръ, когда непріятель, выдержавъ залпъ на близкомъ разстояніи, продолжаетъ наступленіе. Поэтому и рота должна быть пріучена атаковать противника, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ строю безразлично.

Къ баталіонному ученью приступаютъ только тогда, когда каждая рота достаточно уже утвердится въ правилахъ ротнаго ученья. Это основано на томъ, что самый строй баталіона есть не что иное, какъ строй нѣсколькихъ ротъ, иногда поставленныхъ рядомъ, иногда одна за другою, но всегда съ одною и тою же цѣлью—поддерживать другъ друга огнемъ или штыками.

Слѣдовательно, баталіонное ученье вводитъ лишь новый элементъ: понятіе о единствѣ и взаимной поддержкѣ нѣсколькихъ частей, дѣйствующихъ вмѣстѣ.

(*) Мнѣніе относительно необходимости счета выработалось, можно сказать, окончательно; но разница происходитъ здѣсь въ опредѣленіи промежутка времени; такъ, одни полагаютъ произносить команду „пли“ со счетомъ три и пять а другіе—со счетомъ четыре и восемь.

Въ порядкѣ обученія полезно придерживаться той же постепенности, которая опредѣлена уставомъ при обученіи роты. Прежде всего и здѣсь необходимо обратить вниманіе на уравненіе шага и на спокойныя, стройныя движенія сперва въ колоннахъ изъ середины, какъ взводныхъ, такъ и полувзводныхъ, потомъ въ развернутомъ фронтѣ и, наконецъ, въ колоннахъ по-ротно, построенныхъ въ одну или въ двѣ линіи.

Затѣмъ, вниманіе обучающаго должно быть обращено преимущественно на то, что есть новаго, а именно: на согласованіе между собою ротъ и на приданіе баталіону единства, на развитіе разсыпнаго строя, на быстрый сборъ разсыпаннаго баталіона въ колонну изъ средины и, наконецъ, на взаимную поддержку и выручку частей, какъ огнемъ, такъ и штыками при движеніи въ атаку.

Такъ какъ большая часть нашей арміи находится въ мирное время въ уменьшенномъ составѣ, то весьма полезно производить иногда какъ ротныя, такъ и баталіонныя ученья въ составахъ по штатамъ военнаго времени. Прямая цѣль этихъ ученій — ознакомленіе командующихъ лицъ съ размѣромъ тѣхъ частей, которыми имъ придется командовать въ бою. Такое ознакомленіе необходимо, такъ какъ при частяхъ сильнаго состава измѣняются и разстоянія, и интервалы, и дистанціи; самыя части дѣлаются менѣе поворотливыми, и многое, что легко исполняется при частяхъ слабаго состава, можетъ оказаться здѣсь трудно исполнимымъ, или требующимъ какихъ либо особыхъ снаровокъ.

Затѣмъ, когда офицеры и нижніе чины утвердятся въ движеніяхъ и эволюціяхъ, предписанныхъ уставомъ, тогда необходимо принять постепенность перехода отъ уставныхъ порядковъ къ ученьямъ, съ примѣненіемъ къ мѣстности и къ условіямъ боя, для чего отличнымъ руководствомъ можетъ служить извѣстное сочиненіе генерала Драгомирова: «Опытъ подготовки частей къ бою». Важность этого способа нельзя не признать потому, что при немъ ученья производятся всегда съ опредѣленною заблаговременно тактическою цѣлью, а начальникъ, не ограничиваясь однѣми уставными формами, можетъ вводить такія построенія, которыя, не заключаясь въ уставѣ, встрѣчаются въ условіяхъ боя и требуютъ со стороны подчиненныхъ извѣстной доли находчивости и смѣтливости.

Обученіе кавалерійской части можетъ быть раздѣлено на два отдѣла: 1) на обученіе движеніямъ и дѣйствіямъ, предшествующимъ атакѣ, что достигается привычкой маневрировать на быстрыхъ аллюрахъ, и 2) на обученіе самой атакѣ.

При обученіи маневрированію, какъ регулярной кавалеріи, такъ и казаковъ, необходимо обратить особенное вниманіе на быстроту и правильность заѣздовъ, какъ на такія упражненія, которыя составляютъ основу перемѣны фронта; потомъ, на всѣ движенія во взводной колоннѣ, какъ самой удобнѣйшей формѣ эскадроннаго строя при всѣхъ боевыхъ эволюціяхъ, и, наконецъ, на движенія развернутаго фронта, который долженъ умѣть проходить большія пространства, не разстраиваясь и не теряя сомкнутости. Здѣсь главное условіе заключается въ томъ, чтобы уравнять алюръ и пріучить людей беречь интервалы, равняться по линіи фронта и твердо держаться направленія. Построеній въ кавалерійскомъ строю очень немного, и они ограничиваются дѣйствительною необходимостью: это—построеніе взводной колонны, развертываніе фронта или, такъ называемая, деплояда и, наконецъ, быстрая перемѣна фронта по всѣмъ направленіямъ. Послѣднее имѣетъ огромное значеніе во всѣхъ эволюціяхъ кавалеріи, какъ вслѣдствіе быстро мѣняющейся обстановки кавалерійскаго боя, такъ и по той быстротѣ, съ которою и мы и непріятель взаимно можемъ угрожать другъ другу фланговыми атаками.

На эти-то наиболѣе существенныя части уставныхъ построеній, на ихъ быстроту и порядокъ и должно быть обращено самое главное вниманіе обучающаго начальника.

Затѣмъ, при дѣйствіи въ составѣ цѣлаго полка, задача эскадроновъ будетъ уже состоять только въ томъ, чтобы пріучиться согласовать свои движенія и дѣйствія съ другими эскадронами. Новый видъ строя тутъ только одинъ: это общая полковая эскадронная колонна; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ уставъ указываетъ лишь относительное расположеніе эскадроновъ, которые остаются подъ непосредственною командою своихъ командировъ и исполняютъ всѣ движенія и дѣйствія такъ же, какъ и при отдѣльномъ обученіи.

Отъ казаковъ, разумѣется, не слѣдуетъ требовать излишней чистоты и щегольства въ построеніяхъ, тѣмъ болѣе, что составленіе казачьяго строя, помимо своеобразной выѣздки лошадей, управленія уздечкой и т. п., обусловливается еще и совершенно другими соображеніями, чѣмъ составленіе регулярнаго кавалерійскаго фронта. Казачьи полки формируются большею частью постоянно изъ однѣхъ и тѣхъ же станицъ, а сотни, преимущественно, изъ одностаничниковъ, которые, по самой силѣ вещей, соединяются въ групы, связанныя между собою родствомъ, близкимъ сосѣдствомъ, долговременными дружескими отношеніями между семействами и т. п. Отсю-

да—естественное дѣленіе казачьяго полка на сотни, а сотенъ—на взводы. Обстоятельство это имѣетъ такое важное значеніе въ боевомъ отношеніи, что жертвовать имъ въ пользу наружнаго вида полка никогда не слѣдуетъ, а потому никогда не должно и разбивать казаковъ по сотнямъ и взводамъ для подбора лошадей по мастямъ, для болѣе строгаго ранжира людей, или по какимъ бы то ни было другимъ причинамъ, обусловливающимъ внѣшній видъ казачьяго строя, но подрывающимъ въ основѣ ту нравственную силу, которая выработалась въ казакахъ вѣковыми условіями ихъ исторической жизни (см. приказъ по воен. вѣдом. 1875 г., № 203).

Конечную цѣль всѣхъ эволюцій и маневрированія кавалеріи составляетъ атака. Она бываетъ сомкнутая—противъ пѣхоты и кавалеріи и разсыпная — противъ стрѣлковъ, батарей и при преслѣдованіи. Казаки имѣютъ у себя еще одинъ особенный видъ строя—лаву, употребляемую ими безразлично и при нападеніи, и при преслѣдованіи. Это та же разсыпная атака, только въ одношереножномъ строѣ, что̀, удлинняя фронтъ, даетъ возможность охватывать непріятеля не только съ фланговъ, но и съ тыла.

Сколько бы ни писали длинныхъ разсужденій объ атакахъ конницы, ларчикъ всегда будетъ открываться просто; чьи кони пущены шибче, чьи всадники пошли въ атаку рѣшительнѣе, очертя голову, тѣ и побьютъ. Это такая аксіома, которая для настоящаго, боеваго кавалериста не требуетъ никакихъ доказательствъ; можно прибавить еще развѣ одно: это—личный примѣръ офицеровъ. «Много», говоритъ Бисмаркъ, «писано было о мѣстѣ кавалерійскаго офицера во время атаки: сабля его не тупѣе солдатской, конь лучше, и честь должна указать ему мѣсто»! Въ кавалеріи, дѣйствительно, все должно быть основано на порывѣ. Главное оружіе кавалериста—конь, а пика и сабля вступаютъ въ дѣло только тогда, когда конь разорветъ уже сплоченные ряды противника. Поэтому, что̀ будетъ въ рукахъ кавалериста,—это вопросъ второстепенный, и о сравнительной длинѣ оружія думать въ бою не приходится. Вотъ почему не одно остроумное слово, а строго обдуманное и глубоко вѣрное пониманіе дѣла мы видимъ въ отвѣтѣ Фридриха Великаго, который на докладъ, что въ иностранной кавалеріи клинки на два дюйма длиннѣе прусскихъ, отвѣчалъ: «такъ пусть наша кавалерія подскакиваетъ на два дюйма ближе».

Разстоянія, съ какихъ кавалерія при атакѣ начинаетъ свое движеніе въ карьеръ, не одинаковы въ европейскихъ арміяхъ. Въ ан-

глійской кавалеріи идутъ этимъ аллюромъ только съ 50 шаговъ, во французской—съ 60, въ австрійской—съ 60 или 80 и въ прусской со 100. Нашъ уставъ предписываетъ употреблять карьеръ на разстояніи около 150 шаговъ, безразлично, будемъ ли мы атаковать кавалерію или пѣхоту.

Во всякомъ случаѣ, пускаясь въ карьеръ, необходимо разсчитать разстояніе такъ, чтобы въ минуту столкновенія съ непріятелемъ получилась наибольшая скорость движенія и сохранилась сомкнутость, а отсюда видно, какъ важно пріучить кавалерію оцѣнивать на глазъ разстоянія.

Теперь перейдемъ къ пѣшему строю.

Въ настоящее время у насъ вся кавалерія, за исключеніемъ гвардейскихъ кирасировъ, вооружена винтовками или карабинами Бердана, обучается спѣшиванію и можетъ дѣйствовать въ бою на всякой мѣстности и при всевозможныхъ условіяхъ. Однако же, вооруженіе улановъ и гусаровъ карабинами безъ штыковъ показываетъ, что отъ нихъ не должно требовать той стойкости и серьезности дѣйствія въ пѣшемъ строю, какъ это можно ожидать отъ драгуновъ. По самому смыслу устава, уланы и гусары должны спѣшивать стрѣлковъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, съ цѣлью не допустить, напримѣръ, небольшія непріятельскія части препятствовать движенію кавалеріи черезъ лѣса, деревни, различныя тѣснины и тому подобную мѣстность. Драгуны, напротивъ, употребляются тамъ, гдѣ нужно занять и удержать за собою такія мѣста или пункты, куда не можетъ своевременно подоспѣть пѣхота. Поэтому, драгуны дѣйствуютъ какъ въ разсыпномъ, такъ и въ сомкнутомъ строю. Уланы и гусары большею частью въ разсыпномъ и рѣдко ходятъ въ атаку. Казаки должны занимать среднее мѣсто между тѣми и другими, такъ какъ къ нимъ примѣняется драгунскій порядокъ спѣшиванія, а въ дѣйствіяхъ въ пѣшемъ строю они руководятся правилами, существующими для легкой кавалеріи. Впрочемъ, атакѣ резервовъ съ обнаженными шашками должно обучать казаковъ непремѣнно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ это будетъ единственное средство къ тому, чтобы заставить непріятеля покинуть свои закрытія.

Что же касается вопроса: можетъ ли быть дѣйствительна атака съ обнаженными саблями, то слѣдуетъ, не запинаясь, отвѣчать утвердительно. За нее стоятъ историческіе факты: и штурмъ Измаила, и взятіе турецкихъ редутовъ казаками подъ Рымникомъ, гусарами—подъ Шумлою, и наши кавказскіе горцы, никогда не употреблявшіе противъ штыковъ другаго оружія, кромѣ кинжаловъ и шашекъ.

То спѣшиваніе, о которомъ мы до сихъ поръ говорили, имѣетъ болѣе или менѣе характеръ наступательный; но есть спѣшиваніе чисто оборонительное, необходимость котораго можетъ явиться на всякой мѣстности, даже на совершенно открытой и удобной для коннаго боя. Встрѣчаются случаи, когда небольшая конная часть, застигнутая превосходнымъ противникомъ, должна вся дружно спѣшиться, сбатовать коней и дѣйствовать изъ-за нихъ ружейнымъ огнемъ, какъ изъ-за бруствера, чтобы дождаться выручки, или погибнуть съ честію, предпочитая смерть позорному плѣну.

Этотъ благородный маневръ,—благородный потому, что удаляетъ отъ человѣка всякую мысль о возможности бѣгства, освященъ и временемъ, и лучшими боевыми преданіями казаковъ, которые почерпаютъ въ немъ великую нравственную силу, выражаемую правиломъ: «лучше всѣмъ лечь въ одну общую братскую могилу, чѣмъ запятнать себя позорною сдачею или покинуть товарищей въ бѣдѣ и въ опасности».

ОБУЧЕНІЕ СКВОЗНЫМЪ АТАКАМЪ.

Чтобы пріучить пѣхоту смѣло идти на встрѣчу пѣхотѣ или стойко встрѣчать кавалерію, а кавалерію—врубаться въ ряды пѣхоты и кавалеріи, есть только одинъ способъ: это сквозныя атаки, указанныя еще великимъ военнымъ учителемъ — Суворовымъ.

Упражненія въ нихъ войскъ имѣетъ цѣлью:

1) Развитіе нравственнаго духа.

2) Пріученіе кавалерійскихъ лошадей къ пѣхотному строю и къ выстрѣламъ, и пріученіе пѣхоты къ виду несущейся на нее кавалеріи.

3) Развитіе глазомѣра, т. е. способности опредѣлять разстоянія, съ котораго нужно въ пѣхотѣ бросаться на «ура», а въ кавалеріи переходить въ карьеръ, чтобы, въ минуту столкновенія, получалась наибольшая сила удара.

4) Пріученіе вѣрно держать направленіе па атакуемую часть, иначе ударъ придется на воздухъ, или будетъ слабъ, если мы, замѣтивъ ошибку, перемѣнимъ направленіе во время самой атаки, и

5) Устранить вредное вліяніе, которое оказываетъ на кавалерію и на пѣхоту мирная практика, заставляющая не доводить атаку до конца, а останавливаться на извѣстныхъ разстояніяхъ.

Способъ подобныхъ атакъ указанъ былъ Суворовымъ, при которомъ, однако, атаки эти имѣли видъ дѣйствительной, рукопашной свалки, производившейся обѣими сторонами посреди неумолкаемаго огня пѣхоты и артилеріи, при общихъ возгласахъ офицеровъ: «въ штыки!», «руби!», и при крикахъ: «ура!», повторяемыхъ всякимъ кавалеристомъ и пѣхотинцемъ. Ни одна часть до самаго момента столкновенія не смѣла ни разомкнуться, ни принять въ сторону, ни замедлить движенія. Пѣхота шла на пѣхоту бѣгомъ, ружье на руку, и только, въ моментъ самой встрѣчи, поднимала штыки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый солдатъ слегка поворачивался вправо, отчего происходили небольшіе интервалы, въ которые люди протискивались, и одна сторона проходила на сквозь другую. Въ кавалеріи для образованія необходимыхъ интерваловъ, фланговые люди принимали вправо и влѣво, что позволяло и остальнымъ нѣсколько размыкать ряды на карьерѣ. Въ эти-то небольшіе интервалы и нужно было пройти или проскакать безостановочно. Тутъ происходили иногда паденія, случались и ушибы болѣе или менѣе тяжкіе; но смертныхъ случаевъ и даже увѣчій, говоритъ очевидецъ, никогда не бывало.

Въ настоящее время, въ одномъ изъ нашихъ военныхъ округовъ былъ принятъ слѣдующій методъ обученія.

Пѣхота съ пѣснями и барабаннымъ боемъ подводилась къ кавалеріи шаговъ на десять, и затѣмъ, безъ пѣсенъ, шага на два, такъ чтобы пѣхотинцы имѣли возможность огладить лошадей. Потомъ пѣхота осаживала шага на четыре назадъ, и по командѣ продѣлывала различные ружейные пріемы, преимущественно тѣ, которые болѣе пугали лошадей. Послѣ пріемовъ пѣхота шагомъ проходила сквозь кавалерію, съ криками: «здравствуйте товарищи!», и затѣмъ обѣ стороны, поворотившись кругомъ, повторяли маневръ. Это былъ приступъ къ дѣлу, послѣ котораго пѣхотѣ приказывалось давать по кавалеріи одинъ или нѣсколько залповъ, и брать «на руку», а кавалеріи — производить сквозную атаку сперва на шагу, потомъ на рыси и, наконецъ, карьеромъ, причемъ интервалы постепенно съуживались и доводились до пяти или шести шаговъ.

Весьма практиченъ и заслуживаетъ особаго вниманія способъ, рекомендуемый г. Горячевымъ («Военный Сборникъ», 1875 г., № 2-й) это устройство чучелъ, на манеръ извѣстныхъ дѣтскихъ игрушекъ «ваньки-встаньки», которыя, при сильномъ ударѣ или уколѣ, наклонялись бы къ землѣ, и затѣмъ сами по себѣ принимали бы опять вертикальное положеніе. Во время ученій, подобныя чучела должны быть

разставлены въ двухшереножномъ строѣ, одно отъ другаго не болѣе, какъ на одинъ аршинъ; по сторонамъ чучелъ становятся люди, прикрытые какою нибудь загородкою, и во время атаки стрѣляютъ, кричатъ, бьютъ въ барабаны, въ трещетки и т. п.; впереди же фронта можно выкопать неглубокій ровъ и завалить его щепками, отсырѣвшею соломою и вообще такими вещами, которыя, будучи подожжены, даютъ не пламя, а только густой и сильный дымъ.

Независимо пріученія лошадей смѣло идти сквозь дымъ на чучела, которыхъ онѣ боятся обыкновенно болѣе, нежели людей, упражненія эти полезны въ томъ отношеніи, что здѣсь сквозная атака можетъ быть соединена съ дѣйствительною рубкою или уколами пики. Необходимо только пріучать лошадей постепенно, чтобы не запугать ихъ сразу; въ противномъ случаѣ, добиться успѣха будетъ уже весьма затруднительно.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ЧАСТЕЙ КЪ БОЮ.

Обученіе сомкнутыхъ частей однимъ уставнымъ эволюціямъ еще далеко недостаточно для полнаго образованія пѣхоты и кавалеріи.

Строевые уставы опредѣляютъ только основныя формы или, вѣрнѣе сказать, типы каждаго строя и порядокъ ихъ построенія, а примѣненіе этихъ формъ въ бою находится уже въ прямой зависимости отъ разнообразія мѣстности, на которой происходитъ бой, отъ времени и, наконецъ, отъ качествъ и свойствъ непріятеля.

Поэтому и правила могутъ быть предлагаемы здѣсь только лишь какъ совѣты лучшаго, а основаніемъ ихъ для каждаго должно служить изученіе военной исторіи, или, вѣрнѣе, исторіи каждаго отдѣльнаго боя, и затѣмъ, упражненія въ мирное время, которыя возможно ближе подходили бы къ условіямъ военной обстановки.

На войнѣ всякая встрѣча противниковъ въ бою непремѣнно приводитъ къ тому, что одинъ изъ нихъ встрѣчаетъ своего врага на мѣстѣ, тогда какъ другому приходится сбивать его съ этого мѣста. Сообразно съ этимъ, и бой принимаетъ два главные вида: съ одной стороны наступленіе, съ другой—занятіе и оборона позиціи. Послѣднія войны показали при этомъ, что всякій наступательный бой принималъ приблизительно слѣдующія формы.

Сперва сильный огонь артилеріи подготовлялъ войскамъ успѣхъ наступленія. Затѣмъ, начиналось постепенное развитіе стрѣлковаго боя, въ которомъ иногда принимали участіе цѣлые полки, разсыпав-

шіеся въ стрѣлковыя цѣпи. Эти цѣпи быстро подвигались впередъ, пока не приближались къ непріятелю на 300 или на 200 шаговъ. Въ это время бой достигалъ обыкновенно полнаго развитія, и заканчивался рѣшительнымъ, безповоротнымъ наступленіемъ, причемъ главный ударъ направлялся, по преимуществу, во флангъ непріятеля; но были нерѣдко случаи, когда атаковали и съ фронта, прямо въ лобъ, что зависѣло отъ того, хотѣли ли заставить непріятеля принять, во чтобы то ни стало, бой, или только занять его позицію.

До рукопашной свалки правда почти не доходило, но это обстоятельство не исключаетъ въ будущемъ возможности удара въ штыки, какъ думаютъ нѣкоторые, а напротивъ, скорѣе служитъ подтвержденіемъ необходимости и важности штыковаго боя, такъ какъ поспѣшныя отступленія французовъ объясняются только деморализаціею ихъ арміи и нравственнымъ развитіемъ духа германцевъ.

Для успѣшной обороны оказывалось необходимымъ: хорошій выборъ мѣстности, сосредоточеніе артилеріи, сильный стрѣлковый огонь на близкія дистанціи, пораженіе наступающихъ колоннъ учащенными залпами, активное противодѣйствіе охватамъ и полное стремленіе схватиться съ врагомъ въ штыки, если бы огонь не остановилъ его наступленія.

Сообразно съ этимъ, и обученіе войскъ въ мирное время должно имѣть въ виду двѣ цѣли: съ одной стороны занятіе и оборону позиціи, а съ другой—наступленіе и атаку позиціи непріятельской.

а) *Наступленіе.*

Постепенность наступательныхъ дѣйствій можетъ быть выражена въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: 1) движеніе къ сторонѣ противника въ походныхъ колоннахъ или въ резервномъ порядкѣ; 2) переходъ къ боевой порядокъ; 3) подступъ къ непріятельской позиціи; 4) наступленіе и атака и 5) занятіе позиціи съ цѣлью утвердиться на ней, или дальнѣйшее преслѣдованіе сбитаго противника, или наконецъ, при неудачной атакѣ, выводъ войскъ изъ подъ выстрѣловъ непріятеля.

По сближеніи съ противникомъ, прежде всего высылается впередъ головная часть походной колонны, которая и перестраивается въ боевой порядокъ. Если имѣется артилерія, то она выѣзжаетъ за головными частями и открываетъ огонь, чтобы заставить отвѣчать обороняющагося, и этимъ обнаружить какъ протяженіе своей позиціи, такъ и мѣста батарей и расположеніе пѣхоты. Подъ прикрытіемъ этого огня развертывается первая боевая линія.

Цѣпь, разсыпавшись, идетъ на противника прямо, быстро и без-

остановочно, по возможности, безъ пальбы; огонь открывается, примѣрно, только съ шести или съ семисотъ шаговъ, когда является возможность мѣткаго выстрѣла. На этомъ разстояніи цѣпь останавливается и выбираетъ первую боевую позицію.

Отсюда дальнѣйшее наступленіе цѣпи производится уже перебѣжками отъ одного закрытія къ другому, какъ это было указано выше, въ отдѣлѣ обученія новобранцевъ разсыпному строю.

Если непріятель стоекъ, и цѣпь его, держась упорно за своими закрытіями, мѣшаетъ нашему наступленію, тогда есть два средства къ тому, чтобы принудить ее оставить выгодную позицію. Первое—охватъ непріятельской цѣпи съ фланга, такъ чтобы поражать ее продольнымъ, учащеннымъ огнемъ; а если и это средство окажется недѣйствительнымъ, тогда останется другое—ударить въ штыки; но въ этомъ случаѣ, бросившись разъ, надо доводить дѣло уже до конца, т. е. до крови, и бить не въ раздробъ, а кучами.

Такимъ образомъ, мѣняя позиціи послѣдовательно одну за другою, стрѣлки залегаютъ, наконецъ, шагахъ въ трехстахъ, или въ двухстахъ отъ противника и съ этой послѣдней позиціи открываютъ учащенную стрѣльбу, предшествующую атакѣ.

До сихъ поръ первая линія ротныхъ колоннъ должна держаться отъ цѣпи въ разстояніи около трехсотъ шаговъ. Въ такомъ же разстояніи слѣдуютъ и частные резервы за первою линіею, но, по занятіи цѣпью послѣдней позиціи, и тѣ и другіе сближаются съ нею шаговъ на полтораста.

Вообще, сомкнутыя части, служащія ближайшимъ подкрѣпленіемъ цѣпи, должны стоять, по возможности, укрыто; а если укрыться негдѣ, то въ строю, который наименѣе терпитъ отъ огня противника. У насъ принятъ для этого развернутый фронтъ со вздвоенными рядами, но боевая практика отвергаетъ его на томъ основаніи, что этотъ строй, увеличивая глубину фронта, можетъ повести въ бою не къ уменьшенію, а къ увеличенію потери. Поэтому, взамѣнъ его совѣтуютъ просто размыкатъ ряды; но такъ какъ фронтъ черезъ это черезчуръ удлиняется, то правило это можетъ быть принято только тамъ, гдѣ части пріучены заблаговременно быстро переходить изъ разомкнутаго фронта въ сомкнутый и обратно.

При всякомъ движеніи резервовъ впередъ необходимо избѣгать короткихъ передвиженій; а если нужно идти, то сразу уже передвигаться на двѣсти, триста шаговъ, и затѣмъ опять остановиться. Цѣпь наступаетъ хорошо, если на открытыхъ мѣстахъ видны отдѣльные стрѣлки, но не звенья; сомкнутая же часть—когда во время

остановокъ ее или не видно совсѣмъ, или видно въ строѣ, наименѣе терпящемъ отъ выстрѣловъ.

Между тѣмъ, пока резервы подходятъ, цѣпь продолжаетъ учащенную пальбу, сосредочивая ее, преимущественно на тѣ мѣста, которыя признаны пунктами для нашей атаки. Подобная стрѣльба болѣе пяти минутъ продолжаться не можетъ, а потому къ концу этого времени, когда первая линія приблизится къ цѣпи, дается общій сигналъ или команда къ атакѣ.

Съ этой минуты не можетъ быть ни остановки, ни колебанія. Непріятель, по всей вѣроятности, выдвинетъ сомкнутыя части, чтобы поражать насъ залпами, но отвѣчать ему тѣмъ же не слѣдуетъ, потому что подобная стрѣльба по противнику, который стоитъ болѣе или менѣе закрыто, не принесетъ существенной пользы, а между тѣмъ остановка подъ огнемъ непріятеля непремѣнно поведетъ къ отступленію; отступать въ такомъ положеніи значитъ позволить себя истребить почти безнаказанно.

Вотъ почему многіе совѣтуютъ передъ атакою приказать разрядить скорострѣльныя ружья и внимательно наблюдать затѣмъ, чтобы это было дѣйствительно исполнено.

Вмѣстѣ съ началомъ атаки стрѣлки поднимаются съ мѣстъ и, съ частою пальбою на походѣ, бѣгутъ по сторонамъ колонны. Они должны ворваться въ позицію въ разныхъ мѣстахъ, тогда какъ сомкнутыя части двигаются прямо къ тѣмъ пунктамъ, которые предварительно уже были выбраны для прорыва непріятельской линіи. Шаговъ за 50 до непріятеля дается команда «на руку», а шаговъ за 30, 15—«ура». Здѣсь главная сноровка для войскъ заключается въ томъ, чтобы, кинувшись въ штыки, со всѣхъ сторонъ, и какъ можно быстрѣе, охватитъ атакованный пунктъ,— будетъ-ли это непріятельская часть или уголъ позиціи. Сноровка эта чрезвычайно важна и должна быть развита въ войскахъ до того, чтобы людей инстинктивно, какъ говоритъ генералъ Драгомировъ, тянуло во флангъ непріятеля.

Пренебрагать соединеніемъ фронтовой атаки съ атакою одного или обоихъ фланговъ, конечно, не слѣдуетъ, такъ какъ это отвлекаетъ резервы отъ поддержки своихъ боевыхъ частей и, кромѣ того, можетъ имѣть дурное нравственное вліяніе на противную сторону; но дѣйствовать подобнымъ образомъ можно только тогда. когда мы превосходимъ непріятеля количествомъ войскъ. Иначе выдетъ то, что мы на обоихъ пунктахъ окажемся слабы, а непріятель, воспользовавшись этимъ, самъ устремится впередъ и можетъ разбить наши отряды по-

розвь прежде, нежели они успѣютъ оказать другъ другу какую ни будь взаимную помощь.

Какъ только началась атака, обязанности резерва становятся очень важными и сложными.

Начальникъ его долженъ зорко слѣдить за ходомъ боя и дѣйствовать во многихъ случаяхъ по собственной инициативѣ, не ожидая ничьихъ приказаній. Такъ напримѣръ, если непріятель грозитъ атакою съ фланга, онъ долженъ самъ взять атакующаго во флангъ: штыкомъ—если это пѣхота, огнемъ—если кавалерія. Вообще, если первая линія, кинувшись въ штыки, сцѣпилась съ врагомъ и одолѣть ей трудно, онъ долженъ быстро поддержать ее и самъ принять участіе въ рукопашной свалкѣ. Практичный и весьма разумный пріемъ для этого указанъ въ нашемъ баталіонномъ ученьи для ротъ второй линіи, которыя продолжаютъ атаку, если бы первая линія и была остановлена.

При атакѣ позиціи, наступающая сторона должна быть готова на всякія случайности, потому что хорошій противникъ въ рѣшительную минуту самъ перейдетъ въ наступленіе и попытается штыками достигнуть того, чего ему не удалось достигнуть ружейнымъ огнемъ и канонадою.

Затѣмъ, если позиція будетъ занята и мы имѣемъ въ виду настойчиво преслѣдовать разбитаго противника, а роты первой линіи разстроены рукопашною свалкою, то слѣдуетъ немедленно выдвинуть резервъ и продолжать наступленіе въ боевомъ порядкѣ, чтобы держать непріятеля все время въ сферѣ огня и довести его отступленіе до полнаго разстройства и бѣгства. Если же, напротивъ, цѣль наша заключается въ томъ, чтобы только удержаться на занятой позиціи, то преслѣдованіе производится огнемъ однѣхъ густыхъ стрѣлковыхъ цѣпей, а всѣ сомкнутыя части устраиваются и приводятся въ порядокъ, на случай, если бы непріятель, оправившись, вздумалъ возобновить нападеніе.

б) *Оборона.*

При оборонѣ послѣдовательность дѣйствія выражается слѣдующимъ образомъ: 1) приходъ на позицію и занятіе оной, 2) принятіе мѣръ къ встрѣчѣ наступающаго, когда намѣреніе его выяснится, 3) самая оборона, т. е. встрѣча противника огнемъ или ударомъ и, наконецъ, 4) преслѣдованіе отбитаго непріятеля или отступленіе на другую позицію.

При каждой оборонѣ, если есть время, не мѣшаетъ распорядиться

промѣркою разстояній отъ обороняемаго пункта до болѣе замѣтныхъ точекъ впереди фронта, и обозначить ихъ условными знаками или просто сообщить всѣмъ людямъ, что, напримѣръ, край недавно вспаханнаго поля находится отъ цѣпи въ 300 шагахъ, дорога, которая идетъ по этой пахоти—въ 400, канава на лугу—въ 500 шагахъ и т. д. Эта снаровка военнаго времени должна быть показана людямъ и въ мирное.

Главная сила обороняющагося — это огонь, а потому стрѣлковая цѣпь должна быть усилена на сколько возможно. Здѣсь допускается даже, чтобы первая линія разсыпала въ цѣпь до трехъ полувзводовъ отъ каждой роты, причемъ, само собою разумѣется, резервъ долженъ быть придвинуть, по возможности, ближе къ цѣпи.

На открытіе огня съ дальняго разстоянія обороняющійся долженъ быть чрезвычайно осмотрителенъ: торопиться стрѣльбою ему никогда не слѣдуетъ, потому что чѣмъ раньше онъ откроетъ огонь, тѣмъ раньше обнаружитъ и расположеніе своихъ войскъ на позиціи, а потому противъ сильныхъ непріятельскихъ колоннъ лучшіе стрѣлки открываютъ огонь только съ 800 или 900 шаговъ, далѣе же этого разстоянія можно позволить стрѣлять только стрѣлковымъ частямъ, и то на мѣстности, которая вполнѣ благопріятствуетъ условіямъ хорошей стрѣльбы.

Если же, не смотря на то, колонны продолжаютъ наступать рѣшительно и будутъ находиться не далѣе 500 или 600 шаговъ отъ нашей цѣпи, тогда приказываютъ людямъ сосредоточить противъ нихъ самый частый огонь, а унтеръ-офицеры, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначаютъ, кому продолжать обстрѣливать стрѣлковъ и кому колонны противника.

Такъ какъ направленіе непріятельской атаки заставляетъ иногда переставлять стрѣлковъ на обороняемой позиціи во время самаго боя, то боковое перемѣщеніе звеньевъ не должно быть допускаемо. Если же нужно удлинить цѣпь, то назначаютъ для этого часть изъ резерва, а звенья, которыя по ходу боя оказываются лишними, отзываются назадъ и составляютъ резервы.

Обязанности резерва при оборонѣ еще важнѣе, нежели при наступленіи: онъ долженъ зорко слѣдить затѣмъ, что дѣлается въ цѣпи у своихъ и у непріятеля, и, въ случаѣ попытки противника, охватить нашу цѣпь, тотчасъ разсыпаться уступомъ назадъ, чтобы взять, въ свою очередь, противника во флангъ или отбросить его штыками, быстро и безъ колебанія рѣшаясь, въ этомъ случаѣ, на выборъ того или другаго средства.

Резервъ обороняющагося долженъ быть сохраненъ еще и на тотъ

случай, когда приходится противодѣйствовать попыткамъ непріятеля обойти позицію съ фланга или атаковать ее съ тыла.

Необходимо помнить, что страхъ обхода держится только на силѣ преданія и еще на томъ, что войска въ мирное время систематически пріучались въ прежнее время покидать поле сраженія при первомъ появленіи непріятеля въ тылу или на флангѣ.

Теперь давно уже пришли къ убѣжденію, что обходъ самъ по себѣ рѣшительно ничего не значитъ; надо еще ожидать, что скажетъ бой, возгорѣвшійся на обоихъ пунктахъ, и если обходившій противникъ будетъ разбитъ въ такомъ положеніи, то разбитъ уже на голову, гораздо полнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ при одной фронтальной атакѣ.

Солдату надо внушить, что опасность начинается только въ моментъ отступленія, и что непріятеля надо бить вездѣ, съ которой бы стороны онъ не приблизился.

Поэтому, никогда не надо допускать и въ мирное время очищенія позиціи въ случаѣ обхода, а требовать только, чтобы обойденный принималъ всѣ мѣры для противодѣйствія ему, выдвигая въ ту сторону резервъ или вторую линію.

Затѣмъ, цѣпь обороняющагося открываетъ учащенный огонь только въ то время, когда цѣпь противника занимаетъ уже свою послѣднюю позицію. Когда же сомкнутыя части его двинутся въ атаку, всѣ частные резервы обороняющагося выдвигаются на линію цѣпи и начинаютъ стрѣлять учащенными залпами, направляя ихъ, исключительно, противъ сомкнутыхъ частей и батарей, которыя не закрыты мѣстностію. Если же, не смотря на это, противникъ не останавливается, а продолжаетъ атаку, тогда вторая линія, подпустивъ его шаговъ на 40—50, даетъ послѣдній залпъ и съ мѣста бросается въ штыки. Атака можетъ быть произведена также во флангъ, когда непріятель находится подъ самымъ сильнымъ огнемъ обороняющагося, или въ моментъ прорыва его, когда ворвавшіяся войска потеряютъ сомкнутость и будутъ болѣе или менѣе разстроены.

Въ случаѣ пораженія противника, необходимо тотчасъ перейти въ наступленіе и преслѣдовать настойчиво, быстро, рѣшительно, чтобы не дать ему возможности устроиться или привести въ порядокъ разбитыя части.

Въ случаѣ неудачи, придется отступить на другую позицію подъ прикрытіемъ цѣпи; въ этомъ случаѣ исполняютъ все то, что мы говорили при одиночномъ обученіи стрѣлковъ разсыпному строю.

Весьма полезно также въ мирное время упражнять войска въ по-

слѣдовательномъ занятіи встрѣчающихся на пути позицій, такъ какъ быстрое исполненіе этого во многихъ случаяхъ можетъ принести неоцѣнимую пользу.

в) *Прикрытіе артилеріи* (*).

Пріученіе пѣхоты прикрывать свою артилерію должно занимать видное мѣсто при лѣтнихъ занятіяхъ войскъ, такъ какъ недостатокъ практики въ этомъ отношеніи ведетъ обыкновенно къ тому, что пѣхота совершенно безучастно относится къ своей артилеріи. Отсюда рядъ тѣхъ ошибокъ, которыя повторяются изъ года въ годъ на нашихъ маневрахъ и могутъ быть устранены только серьезною и дѣльною подготовкою пѣхоты на предварительныхъ ученьяхъ.

Главныя обязанности прикрытія заключаются въ слѣдующемъ.

1) Если батарея выѣзжаетъ на позицію, стрѣлки очищаютъ ей мѣсто и становятся правѣе или лѣвѣе на столько впереди, чтобы мѣшать стрѣлкамъ непріятельскимъ вредить прислугѣ и лошадямъ. *Насколько именно впереди, сказать нельзя*, потому что это зависитъ отъ мѣстности и оттого, гдѣ стоитъ непріятель, во всякомъ же случаѣ они могутъ выдвигаться шаговъ на триста и даже болѣе.

2) Если батарея переѣдетъ на флангъ, то одно или два сосѣднія звена тотчасъ перебѣгаютъ на наружный флангъ ея. Въ этомъ случаѣ ротный командиръ можетъ также выслать на наружный флангъ отдѣленіе или полувзводъ въ цѣпь, дабы показать одинъ изъ случаевъ подкрѣпленія цѣпи, обусловливаемый необходимостію прикрыть артилерію.

3) Если батарея выѣзжаетъ на флангъ изъ резерва, то непосредственное прикрытіе ея должна принять на себя ближайшая рота второй линіи, которая и слѣдуетъ за нею, не ожидая на это никакого особеннаго приказанія.

4) Если батарея, выѣхавшая на флангъ, перемѣняетъ фронтъ, то ближайшія къ ней части также перемѣняютъ его и высылаютъ стрѣлковъ, потому что такая перемѣна предполагаетъ появленіе непріятеля съ той стороны, куда батарея становится фронтомъ.

5) Обязанности прикрытія заключаются въ томъ, чтобы зорко *слѣдить: не собираются-ли со стороны* непріятеля напасть на батарею, и отражать подобныя попытки. Мѣсто же, на которомъ ставить роту, выбирается, какъ и всегда, такъ, чтобы меньше терпѣть отъ огня. Иногда такое мѣсто случается и за самою батареею, напри-

---

(*) Заимствовано изъ «Армейскихъ Замѣтокъ» («Военный Сборникъ» 1874 и 1875 г.).

мѣръ, небольшой пригорокъ въ тылу ея, который и слѣдуетъ занять, вопреки правиламъ, запрещающимъ становиться за батареей, потому что дѣло не въ томъ, какъ говоритъ авторъ «Армейскихъ Замѣтокъ», чтобы за батареей непремѣнно было пустое пространство, но въ томъ, чтобы выстрѣлы, въ нее направленные, не попадали въ пѣхоту, а за этимъ укрытіемъ будетъ стоять гораздо безопаснѣе, чѣмъ въ сторонѣ отъ батареи.

Далѣе, при наступленіи батареи, стрѣлки по флангамъ ея не должны дать ей опередить себя ни въ какомъ случаѣ; ближайшія къ батареи сомкнутыя части слѣдуютъ за нею также не далѣе, какъ въ трехстахъ шагахъ, безъ всякаго приказанія, даже если бы боевой порядокъ и не двигался.

Если войска отступаютъ, а батарея остается на позиціи, стрѣлки, ближайшіе къ флангамъ батареи, не отступаютъ, не смотря ни на какія приказанія или сигналы, пока батарея не начнетъ отступать. Тоже дѣлаютъ и ближайшія къ батареи сомкнутыя части. Онѣ должны быть готовы всякую минуту оказать содѣйствіе и помощь артиллеристамъ, т. е. въ случаѣ нападенія на батарею непріятеля—отразить его, въ случаѣ же орудіе будетъ подбито, увязнетъ или перебьютъ подъ нимъ лошадей, тотчасъ наряжать команду, чтобы вывезти его изъ боя, а не оставлять въ добычу непріятеля. Въ виду этого, при отступленіи, сомкнутымъ частямъ лучше держаться позади батареи, т. е. ближе къ непріятелю, чтобы видѣть, что на ней дѣлается, и поспѣвать на помощь, даже не ожидая просьбы батарейнаго командира.

Учить этому войска слѣдуетъ такъ: когда боевой порядокъ будетъ построенъ, отдается приказаніе одному взводу артилеріи выѣхать на позицію въ центръ и смотрѣть, раздвинутся ли стрѣлки; другому—на какой нибудь крайній флангъ, и смотрѣть: прикроетъ ли подлежащій ротный командиръ наружный флангъ батареи и разсыпетъ ли, въ случаѣ надобности, стрѣлковъ; третьему взводу, выѣхавъ на другой крайній флангъ, занять позицію съ перемѣною фронта и смотрѣть, прикроютъ ли его сосѣднія роты, перемѣнятъ ли фронтъ, вышлютъ ли стрѣлковъ въ новомъ направленіи. Затѣмъ, убрать этотъ послѣдній взводъ и смотрѣть, возстановятъ ли роты свое прежнее положеніе. Наконецъ, четвертому взводу приказать сняться съ позиціи позади какой нибудь роты и смотрѣть, очиститъ ли ему фронтъ эта рота.

При наступленіи батареи отдается приказаніе наступать рысью—иногда, для испытанія стрѣлковъ, не мѣшаетъ приказать и выѣздъ въ карьеръ—и затѣмъ, наблюдать, чтобы стрѣлки не давали себя

опередить орудіямъ, а ближайшія къ нимъ части начинали движеніе, не ожидая приказаній.

Для отступленія, предваривъ сначала артилерію, чтобы безъ приказанія не отступала, командовать: «полкъ кругомъ, равненіе по такой-то ротѣ, шагомъ, маршъ» и подать сигналъ: «стрѣлки назадъ». Затѣмъ, смотрѣть, пойдутъ ли стрѣлки и роты, ближайшія къ орудіямъ. Если гдѣ либо пойдутъ — пристыдить; не пойдутъ— похвалить. Затѣмъ, приказать артилеріи начать отступленіе и смотрѣть, выждутъ ли ближайшія роты настолько, чтобы начать отступленіе, когда батарея ихъ минуетъ. Затѣмъ, приказать нѣкоторыя орудія распречь и бросить; смотрѣть, отрядятъ ли сосѣдніе ротные командиры команду забрать ихъ; если отрядятъ—хорошо; а не отрядятъ—пристыдить и приказать распорядиться.

Если въ распоряженіи начальника нѣтъ артилеріи, то онъ можетъ назначить толковаго унтеръ-офицера изображать орудіе. Назначенному унтеръ-офицеру дается значокъ, дабы его всѣ видѣли, и затѣмъ, ученье производится указаннымъ способомъ.

Одного, двухъ ученій, веденныхъ такимъ послѣдовательнымъ образомъ, достаточно будетъ, чтобы войска усвоили всѣ пріемы прикрытія, и чтобы затѣмъ, ошибокъ въ этомъ родѣ болѣе уже не повторялось.

г) *Маневрированіе кавалеріи.*

Что касается до обученія маневрированію кавалеріи, то здѣсь, также какъ и въ пѣхотѣ, прежде всего должна быть принята постепенность перехода отъ уставныхъ правилъ къ производству ученій съ примѣненіемъ къ условіямъ боя, и притомъ на самой разнообразной мѣстности, по которой только можетъ случиться проходить кавалеріи.

Указать на всѣ отступленія, которыя могутъ и должны быть допущены отъ основнаго, уставнаго типа, при примѣненіи его къ обстоятельствамъ, сопровождающимъ задачу, нельзя, потому что здѣсь не можетъ быть никакого общаго правила.

Въ прекрасномъ сочиненіи г. Невѣровскаго: «Обученіе и воспитаніе кавалеріи» и въ нѣкоторыхъ замѣткахъ на него г. Горячева (*) дается много подобныхъ примѣровъ, которые и могутъ быть положены въ основу обученія кавалерійскаго фронта.

Самое искусство маневрированія кавалеріи заключается, главнымъ

(*) См. «Военный Сборникъ» 1874 и 1875 г.

образомъ, въ быстротѣ движенія и въ умѣньи, выбравъ минуту, быстро и рѣшительно атаковать своего противника.

О самой атакѣ мы уже говорили, а потому здѣсь, къ сказанному нами выше, добавимъ только слѣдующее.

Чтобы съ успѣхомъ атаковать пѣхоту, нужно прежде всего выбрать удачный моментъ, когда нравственныя силы ея потрясены какими нибудь предшествовавшими причинами: большими потерями, неудачной атакой, отступленіемъ или неожиданнымъ появленіемъ кавалеріи тамъ, гдѣ ея не ожидали. При потерѣ пѣхотою спокойствія и хладнокровія, ей не поможетъ уже никакая дальность, никакая скорость стрѣльбы, и шансы на успѣхъ кавалерійской атаки останутся тѣже, что были за сто и за полтораста лѣтъ до введенія скорострѣльныхъ ружей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что уловить подобную минуту трудно, но разъ она подмѣчена, кавалерійскій начальникъ долженъ воспользоваться ею безъ промедленія и колебанія.

Самый выгодный строй для атаки—это развернутый фронтъ; но если время или мѣстность не позволяютъ намъ развернуться, пусть кавалерія атакуетъ даже и въ походныхъ колоннахъ. Кавалерійскіе начальники, говоритъ генералъ Драгомировъ, должны быть воспитаны такъ, чтобы, дождавшись минуты для удара, прежде всего думали о томъ, чтобы ее не упустить, и потомъ уже о формѣ строя. Мы можемъ прибавить отъ себя, что Нижегородскій драгунскій полкъ, въ сраженіи подъ Кюрюкъ-дара, атаковалъ турецкую пѣхоту, именно въ колоннахъ по шести, и хотя потерялъ при этомъ почти всѣхъ офицеровъ и двѣ трети нижнихъ чиновъ, но истребилъ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и захватилъ 4 турецкія орудія.

Для атаки каре лучше всего направлять кавалерію на уголъ фаса; при атакѣ развернутаго фронта — во флангъ, а при невозможности этого, надо стараться, по крайней мѣрѣ, соединить фронтальный ударъ съ охватомъ тыла и фланговъ, что можетъ быть достигнуто простымъ заѣздомъ въ карьеръ крайняго взвода или эскадрона въ минуту самой атаки.

Относительно строя кавалеріи слѣдуетъ замѣтить, что атаковать пѣхоту удобнѣе всего изъ боеваго порядка уступами, которые даютъ возможность легко охватывать фланги непріятеля и повторять удары послѣдовательно и въ разныхъ направленіяхъ.

У насъ употребляется для этого еще полковая эскадронная колонна на полныхъ интервалахъ; но это построеніе, весьма картинное на маневрахъ, гдѣ не бываетъ убитыхъ, совершенно непримѣнимо въ бою; во-первыхъ, колонна будетъ сильно терпѣть отъ ар-

тилерійскаго огня, во-вторыхъ, послѣдовательные удары могутъ производиться только въ одномъ извѣстномъ направленіи, что крайне невыгодно, и въ третьихъ, головной эскадронъ, при неудачной атакѣ, можетъ повернуть и не направо, налѣво, какъ это требуется для того, чтобы очистить фронтъ послѣдующему эскадрону, а просто назадъ, и этимъ сбить задніе эшелоны.

По отзывамъ нѣкоторыхъ прусскихъ кавалеристовъ, участвовавшихъ въ атакахъ на пѣхоту во время послѣдней войны, лучшее построеніе для полка будетъ слѣдующее: эскадронъ или два эскадрона бросаются на пѣхоту въ разсыпную, а подъ прикрытіемъ ихъ двигаются остальныя сомкнутыя части во взводныхъ колоннахъ. Огонь пѣхоты естественно направится на разсыпной эшелонъ, а кавалерія пройдетъ значительное пространство почти безъ потери.

Остается сказать, что предъ каждою атакою начальнику необходимо предварительно освѣтить мѣстность, такъ какъ иначе кавалерія можетъ неожиданно натнуться на оврагъ или на топкое болото, и потерпѣть пораженіе задолго до встрѣчи съ непріятелемъ. Это дѣло наѣздниковъ, обязанность которыхъ и заключается именно въ томъ, чтобы знать всю мѣстность, которая лежитъ между нами и противникомъ.

Атака на кавалерію сравнительно легче, потому что здѣсь не представляется никакой опасности отъ огня, а потому и самое движеніе въ карьеръ, для сохраненія большей сомкнутости и силы удара, можетъ быть начинаемо съ болѣе близкихъ дистанцій, шаговъ на 60, на 80 и самое дальнее на 100. Но правило это можетъ быть соблюдаемо только условно, такъ какъ и здѣсь иногда представляются случаи, въ которыхъ выгоднѣе будетъ начинать движеніе карьеромъ съ болѣе дальнихъ дистанцій, чѣмъ на пѣхоту; напримѣръ, противъ перестраивающейся кавалеріи, чтобы не дать ей докончить построенія и захватить ее въ расплохъ.

Вообще по отношенію къ кавалеріи нужно ловить такія минуты, когда она перестраивается или находится въ неудобномъ строѣ, когда она понесла большія потери, когда лошади ея утомлены и измучены, когда дѣйствія ея отличаются крайнею нерѣшительностію и вялостію, и, главное, когда представляется возможность ударить ей во флангъ.

Изъ всѣхъ видовъ боеваго расположенія кавалеріи противъ кавалеріи, уступный порядокъ долженъ быть признанъ наиболѣе удобнымъ и выгоднымъ для боя. При расположеніи же полка, дѣйствующаго отдѣльно и не имѣющаго позади себя резервовъ, эта форма строя будетъ даже единственною, на томъ основаніи, что каждый уступъ

можетъ служить резервомъ другому переднему уступу и въ тоже время даетъ полнѣйшую возможность простымъ заѣздомъ перемѣнить фронтъ, чтобы встрѣтить непріятеля, если бы онъ угрожалъ нашему флангу. Кромѣ того, въ случаѣ неудачной атаки передняго уступа, задній можетъ взять во флангъ преслѣдующаго противника и вырвать у него побѣду. Военная исторія представляетъ намъ много примѣровъ того, что при помощи этого простаго маневра опрокидывались иногда цѣлыя линіи и массы непріятельской кавалеріи, увлеченной первымъ успѣхомъ.

Вообще, преслѣдованіе должно производиться весьма осмотрительно, такъ какъ разстроенный атакою полкъ можетъ быть опрокинутъ самою малою сомкнутою частію. Поэтому, при обученіи кавалеріи, необходимо обратить особенное вниманіе на два условія:

1) на быстрый сборъ людей послѣ атаки, и

2) на то, чтобы преслѣдованіе производилось не цѣлымъ полкомъ, а только одною какою нибудь его частію.

Если атака производилась уступами, то послѣднее условіе достигается легко, потому что задніе эшелоны сами по себѣ составляютъ уже готовые резервы; но если въ атаку былъ пущенъ весь полкъ развернутою линіею, тогда необходимо пріучить людей къ тому, чтобы по сигналу «разсыпаться», первые полуэскадроны, не уменьшая карьера, производили разсыпаніе; вторые же переходили бы въ галопъ и образовывали сомкнутыя части. Если въ дѣйствительномъ бою и не всѣ исполняютъ это мудрое правило, то все-таки, по силѣ привычки, около эскадронныхъ командировъ соберется достаточное число людей, чтобы организовать изъ нихъ хотя какіе нибудь резервы.

Для пріученія же людей къ быстрому сбору употребляется слѣдующій способъ: эскадронъ, выведенный на пересѣченное поле, распускается врознь по всѣмъ направленіямъ, и затѣмъ, по сигналамъ: «апель» или «сборъ», быстро собирается къ своему эскадронному командиру (*).

Подобный сборъ долженъ быть непремѣнно завершенъ атакою, какъ только соберется около половины людей; остальныхъ дожидаться нечего, такъ какъ они будутъ догонять и пристраиваться уже на походѣ.

Затѣмъ, для атаки на артилерію кавалерія выбираетъ минуту,

(*) Въ этомъ случаѣ полезно было бы разрѣшить каждому эскадронному командиру имѣть свой значокъ произвольнаго цвѣта и рисунка, чтобы люди привыкли къ нему и издали могли бы отличить, гдѣ находится ихъ эскадронъ

во первыхъ, когда прикрытіе находится далеко или разстроено, а во вторыхъ, когда батарея производитъ движеніе, беретъ въ передки или снимается съ нихъ, и вообще не стрѣляетъ. Здѣсь силы удара не требуется; но за то нужно пройти какъ можно быстрѣе значительное пространство, а потому карьеръ начинается съ самаго дальняго разстоянія, и сомкнутая атака замѣняется уже разсыппою. Дѣло резерва атаковать или удержать прикрытіе, а люди, вскочившіе на батарею, заботятся только о томъ, чтобы какъ можно скорѣе увезти или, по крайней мѣрѣ, испортить орудія.

Что касается до дѣйствія кавалеріи въ связи съ пѣхотою, при наступленіи или оборонѣ, то оно заключается въ слѣдующемъ:

Кавалерія наступающаго отряда прежде всего старается прогнать и оттѣснить непріятельскіе разъѣзды, чтобы, по возможности, ближе высмотрѣть расположеніе противника въ его оборонительной позиціи. Затѣмъ, съ открытіемъ боя, она отходитъ назадъ и располагается или сзади боеваго порядка, или уступомъ съ фланга. Кавалерійскій начальникъ, не теряя изъ виду постепеннаго развитія боя, внимательно слѣдитъ за непріятелемъ, и какъ только замѣтитъ какое нибудь ошибочное движеніе со стороны противника, тотчасъ бросается въ атаку.

Къ числу обыкновенныхъ ошибокъ принадлежатъ: высылка цѣпи слишкомъ далеко впередъ, безъ достаточнаго закрытія мѣстностію; безпорядочное перестроеніе пѣхоты въ виду кавалеріи; случайное отдѣленіе какой нибудь части безъ надлежащей связи съ прочими; выѣздъ артилеріи безъ прикрытія и т. п.

Во всякомъ случаѣ, рѣшившись на атаку, кавалерія должна произвести ее съ быстротою молніи, и, затѣмъ, снова ускакать изъ-подъ выстрѣловъ противника.

При оборонѣ особенно важно, чтобы кавалерія дѣятельно слѣдила за непріятелемъ и высылала возможно дальше свои разъѣзды, чтобы заблаговременно высмотрѣть движенія и силы непріятеля, не позволяя ему въ тоже время приближаться къ позиціи, для высматриванія нашихъ собственныхъ силъ. Затѣмъ, во время самаго боя, роль кавалеріи остается та же, что и при наступленіи; только главная обязанность ея будетъ заключаться въ наблюденіи за флангами, чтобы не допустить обхода нашей позиціи, и въ томъ, чтобы способствовать оборонѣ, выѣзжая изъ за фланговъ мѣстныхъ предметовъ въ ту самую минуту, когда наступающій ударитъ бой къ атакѣ.

Наконецъ, послѣ пораженія противника, пущенная въ преслѣдованіе кавалерія должна обскакивать его съ фланговъ, угрожать пути его

отступленія, задерживать его на каждомъ шагу, чтобы давать своей пѣхотѣ возможность нагонять его, и этимъ развивать окончательное разстройство въ рядахъ отступающихъ войскъ, превращая отступленіе ихъ въ поспѣшное и безпорядочное бѣгство.

То, что сказано здѣсь о кавалеріи, безусловно должно относиться и къ казакамъ, которые, составляя особенность одной только Россійской Имперіи, были и будутъ главнѣйшимъ источникомъ нашей народной кавалерійской силы. Не слушайте мнѣнія тѣхъ, которые будутъ говорить вамъ, что казаки способны лишь для однихъ аванпостовъ, да для преслѣдованія разбитаго противника. Это мнѣніе тѣхъ, которые мало знаютъ нашихъ казаковъ и судятъ о нихъ чаще всего только по ихъ наружному виду. Наружный видъ казаковъ не блестящъ, но, спрашивается, можно ли основывать на немъ какое нибудь заключеніе? Нѣтъ, приглядитесь поближе, и вы увидите тогда, на что способенъ казакъ. И съ вами можетъ повториться исторія того восточнаго мага, который шелъ злословить пророка, и сталъ благословлять его, и вы, вмѣстѣ съ великимъ писателемъ, воскликнете тогда: «Чортъ побери! да есть ли что нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ!»

д) *Общій характеръ ученій.*

Изъ предъидущаго видно, чему должно обучать войска въ мирное время, а *какъ* этому обучать, это уже дѣло личной сметки каждаго начальника.

Совѣты же могутъ быть даны слѣдующіе:

Когда войска получатъ навыкъ видоизмѣнять уставные типы строя, тогда переходятъ къ ученьямъ съ примѣненіемъ къ мѣстности, имѣя въ виду при этомъ выполненіе какой либо тактической цѣли.

Подобныя ученья могутъ быть или одностороннія, или съ обозначеннымъ противникомъ или, наконецъ, двухстороннія.

Одностороннее ученье имѣетъ цѣлію научить войска только занятію цѣлесообразныхъ позицій для обороны, походнымъ движеніямъ вблизи непріятеля и, наконецъ, предварительному переходу изъ резервнаго въ боевой порядокъ при наступленіи. Этимъ оно и должно заканчиваться.

Для того же, чтобы произвести ученье въ тотъ періодъ, въ которомъ войска находятся уже подъ огнемъ непріятеля, необходимо обозначить противника хотя небольшими частями или одиночными людьми, съ помощію которыхъ наступающая или обороняющаяся сторона могла бы яснѣе представить себѣ, гдѣ именно раскинута у про-

тивника цѣпь, гдѣ стоятъ ближайшія его подкрѣпленія или резервы, гдѣ размѣщена у него артилерія, и, сообразно съ этимъ, дѣлать свои распоряженія.

Двухстороннее ученье въ этомъ отношеніи еще полезнѣе, потому что оно еще нагляднѣе уясняетъ каждому относительное его положеніе къ противнику въ различные моменты боя; при ученьяхъ подобнаго рода признаютъ полезнымъ, чтобы обучающій самъ никогда не командовалъ частію, которую обучаетъ. Если на ротномъ ученьи не присутствуетъ баталіонный командиръ, то ротный командиръ долженъ назначить для командованія ротою старшаго офицера; равнымъ образомъ, и баталіонный командиръ долженъ поручать командованіе баталіономъ младшему штабъ-офицеру или старшему капитану, а командиръ полка—старшему баталіонному командиру. При этомъ, обучающій опредѣляетъ только общій и послѣдовательный характеръ ученья, а ближайшія распоряженія должны лежать на тѣхъ офицерахъ, которымъ поручено командованіе.

Передъ началомъ каждаго подобнаго ученья обучающій начальникъ долженъ необходимо и точно уяснить себѣ цѣль, съ которою оно производится, и составить подробный планъ всѣхъ послѣдовательныхъ движеній и перестроеній на мѣстности. Если онъ не надѣется на свою память и хладнокровіе, пусть этотъ планъ будетъ лучше написанъ, иначе дѣло кончится тѣмъ, что цѣль или не достигнется вовсе, или хотя и достигнется, но съ большимъ усиліемъ и съ большимъ утомленіемъ обучаемыхъ войскъ.

Затѣмъ, всѣ соотвѣтствующія распоряженія дѣлаются самими командующими офицерами. Нельзя не замѣтить, что большинство ошибокъ въ расположеніи, какъ при атакѣ, такъ и при оборонѣ, происходитъ отъ несоблюденія одного и того же, въ высшей степени практичнаго пріема: рѣшать сперва задачу за непріятеля и потомъ уже свою собственную, т. е., если предстоитъ расположеніе на данной позиціи, слѣдуетъ сначала задаваться вопросомъ: какъ бы я самъ атаковалъ эту позицію, или если непріятель хочетъ атаковать насъ здѣсь или тамъ, какъ будетъ онъ приближаться съ возможною скрытностію отъ нашихъ выстрѣловъ, гдѣ я поставлю при этомъ стрѣлковъ, чтобы они съ наибольшею выгодою могли его обстрѣливать? Собираясь атаковать, рѣшать сначала вопросъ: какъ бы я оборонялъ эту позицію? Если къ этому прибавить еще рѣшеніе наполеоновскаго вопроса: что́ я сдѣлаю, если непріятель появится справа, слѣва, съ тыла, то рѣшеніе никогда не выйдетъ дурно. Достигнуть этого не трудно: стоитъ только давать сказанные вопросы начальникамъ ма-

неврирующихъ сторонъ письменно, и требовать на нихъ письменные же отвѣты, что было испытано въ нѣкоторыхъ военныхъ округахъ при лѣтнихъ сборахъ и занятіяхъ войскъ.

Составивъ планъ, офицеръ, командующій стороною, долженъ непремѣнно объявить всѣмъ находящимся въ строю, что̀ именно нужно достигнуть, и затѣмъ уже приступать къ ученью, сообразно составленному плану. На войнѣ это условіе чрезвычайно важно. При несоблюденіи его стоитъ только потерять начальника, и войска, будь они самыя храбрѣйшія, смѣшаются, не зная, что дѣлать. Напротивъ, если цѣль предпріятія объяснена всѣмъ нижнимъ чинамъ, то хотя бы и нѣсколько начальниковъ послѣдовательно выбыли изъ фронта, войска все-таки не лишатся возможности исполнить свое назначеніе.

Отсюда суворовское правило, чтобы каждый солдатъ понималъ свой маневръ.

Наконецъ, этими ученьями слѣдуетъ пользоваться и для того, чтобы упражнять всѣхъ офицеровъ и начальниковъ въ отдачѣ приказаній, которыя должны удовлетворять слѣдующимъ главнѣйшимъ условіямъ:

1) ясно ставить цѣль, которую желаютъ достигнуть;

2) быть, по возможности, краткими;

3) не вдаваться ни въ какія мелочи, относительно средствъ исполненія.

Затѣмъ, полезно было бы принять за правило, чтобы послѣ окончанія каждаго ученья ротный командиръ послѣдовательно изложилъ передъ своею ротою всѣ сдѣланныя имъ, или старшимъ начальникомъ, замѣчанія, касающіяся роты. Не слѣдуетъ полагать, чтобы нижніе чины безучастно относились къ тому, что происходитъ на ученьи. Если же это и бываетъ, то именно потому, что многіе начальники не считаютъ полезнымъ поддерживать въ людяхъ это участіе, которое, будучи возбуждено въ извѣстныхъ предѣлахъ, неминуемо должно оживить нижнихъ чиновъ и принести несомнѣнную пользу дѣлу военнаго образованія.

ПЕРЕДОВАЯ СЛУЖБА ВОЙСКЪ.

Передовая служба заключаетъ въ себѣ собственно два отдѣла: сторожевой и развѣдывательный; прежде у насъ существовало два способа отправленія аванпостной службы: одному, придерживалась вся регулярная кавалерія, другому—исключительно казаки. Въ кавалеріи были парные ведеты, малый резервъ и большой резервъ. Смѣна ведетамъ—черезъ два часа. У казаковъ дѣлалось проще: пикетъ, пикетъ, пикетъ, а за

ними большой караулъ или резервъ. Каждый пикетъ умудрялся самъ по себѣ, какъ ему быть зорче и бдительнѣе, а смѣна имъ производилась одинъ разъ въ сутки. Ясно, что послѣдній способъ требовалъ для содержанія аванпостовъ меньшаго числа людей и производился съ меньшимъ утомленіемъ для войскъ. Это было причиною пересмотра нашего устава и того, что аванпостная служба по способу казаковъ принята была окончательно не только во всей кавалеріи, но и въ пѣхотѣ.

Занятія аванпостною службою въ мирное время не должны продолжаться никогда менѣе сутокъ, во-первыхъ, потому, что занятія эти должны быть производимы не только днемъ, но и ночью, такъ какъ условія наблюденія ночью совершенно другія, нежели днемъ; а во-вторыхъ, потому что эти занятія должны выработывать выносливость людей и пріучать ихъ ко всѣмъ условіямъ бивачной жизни. Въ пѣхотѣ эти ученья производятся по-баталіонно, который раздѣляется на двѣ стороны, по двѣ роты на каждую; въ кавалеріи— полкомъ или дивизіонами.

Чтобы нижніе чины получили полное понятіе объ аванпостной службѣ, надо учить ихъ непремѣнно на мѣстности, которая дѣйствительно соотвѣтствовала бы постановкѣ пикетовъ. Такъ, напримѣръ: пѣхота содержитъ аванпосты чаще на мѣстности пересѣченной, въ крутыхъ оврагахъ, густыхъ кустахъ, или вдоль болотистыхъ мѣстъ, гдѣ кавалеріи трудно проѣхать, а потому и аванпостныя ученья должны производиться ей на мѣстахъ закрытыхъ и пересѣченныхъ болѣе, нежели на открытыхъ и ровныхъ.

Приступая къ разстановкѣ постовъ, прежде всего необходимо внимательно ознакомиться съ мѣстностію, такъ какъ мѣстность, особенно для кавалеріи, играетъ первостепенную роль. Она должна быть изучена, какъ свой казарменный плацъ или станичный выгонъ, и не только по линіи цѣпи, но и позади ея и впереди — къ сторонѣ непріятеля. Первое нужно, чтобы знать, какъ дѣйствовать въ случаѣ нападенія; второе, какъ нападать самому, откуда ожидать опасности и куда посылать разъѣзды.

Сколько именно должно быть выставлено постовъ—это зависитъ отъ величины охраняемаго пространства, отъ ровной или пересѣченной мѣстности, отъ состоянія погоды, и, наконецъ, отъ предпріимчивости противника, которую никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду. Чѣмъ врагъ предпріимчивѣе, чѣмъ мѣстность пересѣченнѣе, чѣмъ хуже и ненастнѣе погода, тѣмъ чаще надо ставить посты и наоборотъ. Единст-

венное правило, соблюдаемое при этомъ, то, чтобы днемъ посты видѣли, а ночью или при туманѣ слышали другъ друга.

На какое разстояніе вообще должно видвигать аванпосты — этого уставъ въ точности не опредѣляетъ. Пѣхота, разумѣется, ставитъ ихъ ближе, чтобы удобнѣе поддерживать сообщенія съ главными силами; но относительно кавалеріи многіе полагаютъ, что чѣмъ аванпосты будутъ выставлены дальше, тѣмъ лучше, хотя излишнее удаленіе и подвергаетъ ихъ опасности быть отрѣзанными и даже совершенно разбитыми. Съ послѣднимъ мнѣніемъ, впрочемъ, соглашаться безусловно не слѣдуетъ, потому что опасность вовсе не такъ велика, какъ можетъ показаться съ перваго раза. Отрѣзать цѣлую цѣпь, тѣмъ болѣе снять ее, возможно только при крайней небрежности и преступной безпечности передовыхъ войскъ. Цѣпь, снятая при такихъ условіяхъ за 7 верстъ, можетъ быть снята съ равнымъ успѣхомъ и въ полуверстѣ отъ лагеря, только опасность въ этомъ случаѣ для всѣхъ будетъ гораздо бо́льшая. Если же аванпосты, атакованные превосходными силами, и будутъ разбиты, то, въ сущности, это неважно. Здѣсь главное дѣло, чтобы они успѣли предупредить войска заблаговременно, а что до того, какъ отступитъ аванпостная цѣпь: въ порядкѣ или въ безпорядкѣ, съ потерями или безъ потерь, — объ этомъ много заботиться нечего.

Въ военное время нападенія съ цѣлію встревожить непріятеля или захватить у него нѣсколько плѣнныхъ обыкновенно производятся одною кавалеріею, которая, выбравъ темную ночь или туманную дождливую погоду, осторожно приближается къ непріятелю, и вдругъ съ крикомъ и пальбою бросается на него въ разсыпную, стараясь захватить нѣсколько ведетовъ, опрокинуть заставы, встревожить главный караулъ и, затѣмъ, произведя всеобщую сумятицу, отступить, не давая непріятелю времени опомниться отъ своего изумленія.

Въ свою очередь атакованная сторона должна не забывать свою главнѣйшую обязанность — узнать, какія силы ее атакуютъ и не дозволить отрѣзать себя отъ охраняемыхъ войскъ.

Для этого пѣхота превращаетъ аванпостную цѣпь въ стрѣлковую, разсыпавъ людей, которые стоятъ на пикетахъ, и отступаетъ съ боемъ. Въ кавалеріи, при первой тревогѣ, пикеты садятся на коней, и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, или сами идутъ впередъ, или устраиваютъ засаду, или начинаютъ отступать къ резерву; въ послѣднемъ случаѣ торопиться, однакоже, никогда не слѣдуетъ, чтобы поспѣшнымъ отступленіемъ не подвергнуть опасности сосѣднія части и не принести непріятеля на своихъ плечахъ къ бивaку.

Чѣмъ нападеніе внезапнѣе и энергичнѣе, тѣмъ хладнокровнѣе и упорнѣе должно становиться сопротивленіе, а это зависитъ отъ личныхъ качествъ офицера и нравственнаго состоянія войскъ.

Вообще, при исполненіи аванпостной службы, люди должны слѣдить за всѣмъ, что дѣлается у противника, а для этой цѣли лучше всего могутъ служить небольшіе разъѣзды, которые обыкновенно высылаются за цѣпь по тѣмъ направленіямъ, по которымъ скорѣе можно ожидать непріятеля. Такіе разъѣзды посылаются тѣмъ чаще, чѣмъ непріятель предпріимчивѣе и скрытнѣе можетъ приблизиться. Ночью же и въ большіе туманы они отправляются безпрерывно, одинъ тотчасъ послѣ другаго.

Нѣкоторые военные авторитеты, какъ, напримѣръ маршалъ Бюжо, приписываютъ этимъ разъѣздамъ такое значеніе, что полагаются на нихъ, въ дѣлѣ охраненія войскъ, гораздо болѣе, чѣмъ на самыя аванпостныя цѣпи. Съ этимъ нельзя не согласиться, если сравнить положеніе часоваго, ожидающаго появленія непріятеля, стоя на мѣстѣ, и положеніе разъѣздовъ, которые его отыскиваютъ сами. Но чтобы разъѣзды были достойны своего назначенія, надо, чтобы они не только доходили до непріятельскихъ передовыхъ постовъ, но чтобы прокрадывались даже между ними и высматривали все, что дѣлается у непріятеля тамъ, за этою передовою завѣсою.

Обязанности развѣдывательныхъ партій, или разъѣздовъ гораздо сложнѣе нежели аванпостовъ, потому что требуютъ отъ людей не только вниманія и надзора за непріятелемъ, но и предпріимчивости, смѣлости, находчивости и умѣнья, по нѣкоторымъ примѣтамъ и признакамъ, распознать непріятельскія силы, его намѣренія, расположеніе, мѣстность и проч. и проч.

Какъ производить развѣдываніе — правилъ для этого не можетъ дать ни одинъ уставъ и ни одна инструкція. Способовъ много и они разнообразны, какъ разнообразны самыя условія и та обстановка, при которой производится развѣдываніе.

Изучить эти способы можно только посредствомъ боеваго опыта или внимательнаго чтенія военныхъ сочиненій, разсказовъ, частныхъ мемуаровъ, походныхъ записокъ, воспоминаній очевидцевъ и другихъ чисто литературныхъ произведеній.

Пусть каждый офицеръ, читая какой нибудь случай находчивости, снаровки или военной хитрости, дѣлаетъ себѣ небольшія выписки въ свою записную книжку. Это будетъ лучшій учебникъ, лучшее руководство для обогащенія себя свѣдѣніями по части тѣхъ мелочныхъ снаровокъ въ малой войнѣ, которыя, по необходимости, об-

ходитъ наука, безсильная, чтобы обобщить всѣ эти факты и вылить ихъ въ одну, строго опредѣленную, законченную форму.

Чтобы собрать вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ, разъѣзды должны удаляться иногда на разстоянія отъ 25 до 50 верстъ, причемъ и самая сила ихъ бываетъ различна, отъ десяти человѣкъ до цѣлаго эскадрона или сотни.

Нечего и говорить, что разъѣзды должны соблюдать величайшую тишину и осторожность, для чего подвязываютъ или обматываютъ соломою сабли, удерживаютъ лошадей отъ ржанія, не курятъ и не разговариваютъ; для большей безопасности они должны по временамъ останавливаться, прислушиваться и даже, поочередно, сходить съ лошадей, чтобы, приникнувъ ухомъ къ землѣ, узнать, не слышно ли гдѣ шума, топота, бряцанія оружія, говора и стука колесъ. Пѣхоту, такимъ образомъ, можно услыхать шаговъ за пятьсотъ или за тысячу, а кавалерію, особенно идущую рысью, и гораздо далѣе.

Еще бо̀льшая осторожность должна соблюдаться во время приваловъ и ночлеговъ, особенно въ такихъ мѣстахъ, въ которыхъ разъѣзду приходится держаться подолгу. Въ этомъ случаѣ, изъ опасенія измѣны или ночнаго нападенія, надо мѣнять мѣста своихъ ночлеговъ такъ часто, чтобы о нихъ не знали въ точности даже окрестные жители.

Такъ какъ цѣль разъѣзда не бой, то онъ не долженъ увлекаться даже и тогда, если бы встрѣтилъ слабѣйшій разъѣздъ непріятеля; онъ можетъ и долженъ атаковать его только въ томъ случаѣ, когда имѣетъ надежду не выпустить ни одного человѣка. Въ противномъ случаѣ, лучше укрыться отъ него самому, чтобы не надѣлать напрасной тревоги. Но если, не смотря на всѣ предосторожности, непріятель откроетъ разъѣздъ, или самъ разъѣздъ наткнется на непріятеля, особенно ночью, тогда остается одно: моментально ударить на противника, помня, что выгоды нападенія будутъ на сторонѣ того, кто атакуетъ первымъ. При успѣхѣ—преслѣдовать непріятеля такъ, чтобы навести на него паническій ужасъ, при неудачѣ—сохранить присутствіе духа, которое здѣсь гораздо важнѣе, чѣмъ при успѣхѣ. Тотъ, кто не поддается сразу обаянію страха, кто сохранитъ за собою хладнокровіе, можетъ выпутаться еще изъ бѣды, но тотъ, кто потеряетъ голову, пропадетъ и самъ, и подведетъ товарищей. Затѣмъ, послѣдній отдѣлъ сторожевой и развѣдывательной службы долженъ заключать въ себѣ правила для охраненія частей на маршѣ, причемъ роль кавалеріи имѣетъ безпредѣльную важность, такъ какъ она, двигаясь впереди, не только должна открывать расположеніе противника, раз-

*

вѣдывать его силы и предугадывать всѣ его планы, но въ то же время скрывать отъ глазъ непріятеля наши собственныя движенія и держать его въ полнѣйшей неизвѣстности относительно нашихъ силъ и намѣреній.

Одно изъ самыхъ важныхъ достоинствъ разъѣзда — это вѣрная передача извѣстій, такъ какъ на нихъ, въ большинствѣ случаевъ, основываются серьезныя военныя распоряженія. Поэтому, въ разъѣздахъ, болѣе даже чѣмъ на пикетахъ, офицеръ обязанъ во всемъ удостовѣряться лично и дѣлать донесенія такъ, чтобы они вполнѣ объясняли истинное положеніе дѣла, и чтобы по нимъ можно было сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Ложныя тревоги, вслѣдствіе небрежныхъ со стороны разъѣздовъ извѣстій, тяжелы для войскъ; но, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, надо помнить правило одного извѣстнаго кавалерійскаго генерала: «пусть лучше кавалерія семь разъ сядетъ на коня даромъ, нежели одинъ разъ будетъ захвачена въ расплохъ».

Лучшимъ и совершеннѣйшимъ образцомъ въ отправленіи сторожевой, развѣдывательной службы были и будутъ наши казаки. Вотъ что говоритъ о нихъ извѣстный французскій писатель де-Бракъ, сдѣлавшій большую часть наполеоновскихъ кампаній: «я представилъ вамъ казаковъ, какъ совершеннѣйшій образецъ, и снова повторяю это. Нѣкоторые офицеры, никогда не воевавшіе, или если и воевавшіе, то не на войнѣ, поставили себѣ какъ бы за долгъ говорить о казакахъ съ презрѣніемъ. Не вѣрьте имъ! спросите мнѣніе о казакахъ у Сульта, Жерара и друг., однимъ словомъ, у всѣхъ офицеровъ не по имени только, и они вамъ скажутъ, что легкая кавалерія, которая, какъ казаки, окружаетъ армію непроницаемою завѣсою бдительности и защиты, которая выбиваетъ изъ силъ непріятеля, которая наноситъ удары всегда и подвергается имъ весьма рѣдко, которая, наконецъ, парализовала самый геній императора своею дѣятельностію, достигаетъ вполнѣ и совершенно той цѣли, которую должна себѣ поставить всякая легкая кавалерія».

Въ послѣднее время нѣсколько блистательныхъ примѣровъ развѣдывательной службы дала намъ прусская кавалерія. Какъ мастерски слѣдила она за арміею Макъ-Магона, двигавшеюся на помощь Базену, можно видѣть изъ того, что 11-го августа армія эта выходила изъ Реймса на сѣверъ, а 12-го объ этомъ было извѣстно въ прусской главной квартирѣ, и прусскіе корпуса уже поворачивали къ Седану.

До какой степени, напротивъ, простиралась оплошность францу-

зовъ, можно судить потому, что одною изъ главныхъ причинъ седанской катастрофы послужила преступная безпечность передовой французской дивизіи Фальи, которая была атакована и уничтожена баварцами въ расплохъ, именно въ то время, когда, не выставивъ аванпостовъ, поставила ружья въ козлы и приступила къ приготовленію обѣда.

Теперь вопросъ: можно ли занятіями въ мирное время развить въ людяхъ, хотя бы до извѣстной степени, осторожность, бдительность, чутко ть, памятливость, т. е. именно тѣ качества, которыя нужнѣе всего при содержаніи передовыхъ постовъ?

Лучшіе военные люди отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Слѣдуетъ только повести дѣло обученія съ такою же постепенностью, и также методически, какъ тó обученіе молодыхъ новобранцевъ разсыпному строю, о которомъ мы говорили выше.

Предварительная подготовка нижнихъ чиновъ къ этимъ упражненіямъ должна начинаться еще въ періодъ одиночнаго образованія ихъ, и именно, съ наступленіемъ ранняго весенняго времени.

Для этого, молодые новобранцы выводятся въ поле, разбиваются на партіи, по числу имѣющихся въ части руководителей, и совершаютъ простыя прогулки по окрестнымъ мѣстностямъ. Полезно изощрять при этомъ память нижнихъ чиновъ названіями попадающихся имъ по пути деревень, урочищъ и т. п., и требовать, чтобы они словами описывали всякую мѣстность, напримѣръ, какъ расположена деревня, что около нея находится: возвышенность, лѣсъ или вода; они должны учиться различать дальніе предметы, опредѣлять на глазъ разстоянія до нихъ, отличать издали болота отъ луговъ, знать свойства лѣсовъ, кустарника, шоссейныхъ и проселочныхъ дорогъ, отыскивать кратчайшій путь между двумя пунктами, оріентироваться по другимъ мѣстнымъ предметамъ, по странамъ свѣта, по звѣздамъ и т. п.

Когда новобранцы пріучатся распознавать мѣстность, тогда полезно заставлять ихъ издали внимательно наблюдать за войсками, которыя что нибудь дѣлаютъ, напримѣръ, учатся, работаютъ и т. п. Они должны напрактиковаться издали отличать, сколько именно войска, какого и что оно дѣлаетъ. При этомъ же новобранцамъ можно указать, къ какому заключенію слѣдуетъ придти, подсмотрѣвъ на сторонѣ непріятеля то или другое явленіе, напримѣръ, пыль, дымъ, блескъ оружія, шумъ двигающихся повозокъ и т. п., а потомъ заставлять новобранцевъ разсказывать все то, что они видѣли, замѣтили и поняли. Само собою разумѣется, что самое изложеніе разсказа должно быть простое, соотвѣтственное понятію и языку солдата, безъ

всякой формальности, такъ какъ увлеченіе послѣднею можетъ быть гибельно въ томъ отношеніи, что солдатъ, опасаясь навлечь на себя замѣчаніе за отступленіе отъ какой либо принятой формы доклада, будетъ обдумывать прежде всего не то, что̀ онъ скажетъ, а *какъ* онъ скажетъ.

Послѣ этихъ упражненій, старослужащихъ солдатъ заставляютъ занимать посты, а новобранцевъ учатъ, какъ надо прятаться, чтобы наблюдать за ними, отыскивая такія мѣста, съ которыхъ лучше и дальше можно слѣдить за непріятелемъ.

Для развитія въ людяхъ находчивости, сметки и удали должны быть пущены въ дѣло различные практическіе пріемы. Такъ, напримѣръ, офицеръ, оставивъ новобранцевъ въ полѣ, удаляется въ лѣсъ и, выбравъ скрытое мѣсто, внимательно наблюдаетъ по сторонамъ, чтобы люди, посланные въ лѣсъ на розыски, не подкрались къ нему незамѣченными. Кто изъ нижнихъ чиновъ приблизится шаговъ на полтораста или на сто, не будучи открытымъ, тотъ даетъ выстрѣлъ, и наоборотъ, тѣ, которые будутъ замѣчены прежде, нежели выстрѣлятъ, присоединяются къ офицеру, и задача считается ими не выполненною.

Можно также приказывать новобранцамъ, по одиночкѣ или небольшими партіями, прокрадываться въ ночное время сквозь цѣпь старослужащихъ солдатъ, что нибудь за нею высмотрѣть, что нибудь унести и возвратиться назадъ незамѣченными. Нужно упражнять и наоборотъ: ловить старослужащихъ солдатъ, которые вздумали бы прокрадываться сквозь цѣпь новобранцевъ, и т. п.

Болѣе ловкихъ, смѣтливыхъ, расторопныхъ и отважныхъ людей полезно поощрять небольшими наградами или призами.

Никогда нелишне задавать солдатамъ подобныя небольшія задачи съ тѣмъ, чтобы они исполняли ихъ сами, и только затѣмъ уже указывать имъ, какъ эта самая задача могла бы быть рѣшена лучше, и тотчасъ же это лучшее рѣшеніе показать на практикѣ.

Время, теряемое обыкновенно даромъ на приближеніе къ мѣсту ученья и возвращеніе домой, могло бы быть употребляемо также съ большою пользою на утвержденіе войскъ въ правилахъ движенія съ военными предосторожностями. Для этого слѣдуетъ только выслать впередъ нѣсколько человѣкъ и приказать имъ скрыться гдѣ либо по близости дороги, по которой часть пойдетъ на ученье. Кавалерійскіе разъѣзды и пѣхотные патрули, высылаемые отъ авангарда, должны открыть этихъ людей, не допустивъ ихъ до нападенія. Съ одной стороны, умѣнье предугадать засаду, съ другой, умно и ловко скры-

ваться въ томъ мѣстѣ, по которому проходитъ непріятель, на войнѣ весьма пригодится.

Не слѣдуетъ полагать, что подобныя упражненія должны составлять принадлежность, исключительно, конницы. До чего можетъ быть доведена въ этомъ отношеніи хорошая пѣхота, живымъ примѣромъ служатъ кавказскіе пластуны, которымъ поручались развѣдки предпочтительнѣе даже передъ всякою кавалеріею.

Переходя собственно къ аванпостнымъ ученьямъ, нужно разстановить новобранцевъ на пикеты, и затѣмъ продѣлать съ ними смѣну часовыхъ, посылку патрулей, пріемъ цѣпью парламентеровъ и дезертировъ, пропускъ командъ и т. п.

Затѣмъ, начальникъ приказываетъ одной сторонѣ наступать, чтобы сбить аванпосты противника, не предупреждая объ этомъ послѣдняго. Тутъ должны быть объяснены правила и продѣланъ весь порядокъ какъ нападенія, такъ и отступленія аванпостовъ на главныя силы.

Далѣе, для развитія находчивости собственно въ офицерахъ или въ унтеръ-офицерахъ, начальствующихъ аванпостами, полезно составлять такія предположенія аванпостныхъ ученій, при которыхъ столкновенія обѣихъ сторонъ должны происходить непремѣнно.

Напримѣръ, можно предписать обоимъ противникамъ занять аванпосты по такому направленію, при которомъ противныя стороны должны неминуемо столкнуться одна съ другою, и одна другую оттѣснить, ибо въ противномъ случаѣ, аванпосты стояли бы слишкомъ близко другъ къ другу, или перекрещивались бы, или, наконецъ, одна цѣпь охватывала бы флангъ другой и т. п.

Для пріученія нижнихъ чиновъ къ развѣдывательной службѣ, необходимы такія же практическія занятія, какъ и при содержаніи аванпостовъ. Для этого обоихъ противниковъ можно развести верстъ на 12—15, и затѣмъ дать каждой сторонѣ приказаніе куда ей идти, разумѣется такъ, чтобы противная сторона объ этомъ ничего не знала. При этомъ можно направлять отряды на встрѣчу одинъ другому, и не по одной, а по разнымъ дорогамъ, такъ, чтобы они встрѣтились только въ томъ случаѣ, когда кавалерія или пѣшія партіи будутъ исполнять свое дѣло отчетливо и добросовѣстно.

ПРЕДМЕТЫ СПЕЦІАЛЬНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВОЙСКЪ.

Кромѣ строевыхъ эволюцій, ученій съ примѣненіемъ къ мѣстности, и, наконецъ, занятій аванпостною службою, всѣ нижніе чины пѣхоты и кавалеріи къ началу маневровъ должны быть обучены

еще и нѣкоторымъ специальнымъ предметамъ, изъ которыхъ, важнѣйшія: саперныя работы, дѣйствія при артилерійскихъ орудіяхъ и образованіе санитарныхъ командъ.

а) *Саперныя работы.*

Саперныя работы служатъ войскамъ въ военное время необходимымъ подспорьемъ въ примѣненіи къ мѣстности, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ естественныхъ преградъ и закрытій, солдатъ долженъ умѣть создать ихъ, а тамъ, гдѣ они для него неодолимы, онъ долженъ умѣть сдѣлать ихъ доступными.

Очевидно, что обучать всѣхъ нижнихъ чиновъ означеннымъ работамъ было-бы весьма затруднительно, а потому и инструкція для специальнаго образованія войскъ требуетъ, чтобы части, въ полномъ составѣ ихъ, были только привычны къ землекопству и умѣли возводить небольшія укрѣпленія траншейной профили, и притомъ самого простѣйшаго вида, какъ-то: ровики для стрѣлковъ, ложементы для сомкнутыхъ частей и закрытія для орудійной прислуги, передковъ и зарядныхъ ящиковъ.

Не слѣдуетъ при этомъ затруднять людей запоминаніемъ какихъ бы то ни было размѣровъ различныхъ полевыхъ построекъ, такъ какъ поспѣшные окопы не имѣютъ строго опредѣленной формы и вовсе не должны считаться укрѣпленіями: это просто легкія, летучія прикрытія, которыя весьма часто, черезъ нѣсколько минутъ послѣ окончанія ихъ, приходится бросать, чтобы впереди снова вырывать такія же.

Болѣе сложныя укрѣпленія, служащія для усиленія позиціи или для обороны за ними, а также заготовленія туровъ, фашинъ и другихъ матеріаловъ, употребляемыхъ въ полевыхъ укрѣпленіяхъ, возведеніе мостовъ, устройство разныхъ преградъ на пути непріятеля и уничтоженіе преградъ, затрудняющихъ наши собственныя движенія, и, наконецъ, возведеніе самыхъ необходимыхъ хозяйственныхъ построекъ при расположеніи лагерей и биваковъ, возлагается въ полкахъ на особыя саперныя команды, которыя учреждаются изъ людей, специально обучаемыхъ этому дѣлу; при этомъ отъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ требуется, чтобы они умѣли руководить работами, принимая въ разсчетъ не только тѣ специальныя данныя, которыя необходимы для возведенія укрѣпленій, но и такія случайности, какъ, напримѣръ, спокойно-ли могутъ работать нижніе чины, или должны работать подъ угрозою ежеминутнаго нападенія непріятеля, а, можетъ быть, даже и подъ огнемъ его; при дневномъ ли свѣтѣ будетъ

производиться работа или въ потемкахъ и т. п. Иначе, при несоблюденіи всѣхъ этихъ условій произойдетъ напрасная трата силъ и времени. Укрѣпленіе, затѣянное въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ нужно, не будетъ окончено, солдаты утомлены, а цѣль не достигнута.

Первую половину лѣтняго сбора можно посвящать именно на ознакомленіе нижнихъ чиновъ съ теоретическою стороною дѣла. Во *второй же половинѣ саперныя работы должны* имѣть практическій характеръ, причемъ весьма полезно соединять ихъ съ обученіемъ войскъ маневрированію, во время котораго требовать быстраго приведенія мѣстности въ оборонительное положеніе, пріучая солдатъ дорожить минутой и не теряться тогда, когда во время работы барабанъ ударитъ тревогу. Въ этомъ случаѣ войска должны быть пріучены безъ суматохи сложить инструменты, поспѣшно разобрать свои ружья и тотчасъ выстраиваться для встрѣчи врага за недоконченными еще укрѣпленіями.

Что касается до кавалеріи, то земляными работами она почти не занимается; но за то при настоящихъ условіяхъ войны вся кавалерія, особенно казаки, должны быть ознакомлены съ порчею и исправленіемъ путей сообщеній, желѣзныхъ дорогъ, мостовъ и телеграфовъ. Отдѣлъ этотъ, весьма важный при современномъ образѣ веденія войны, требуетъ непремѣнной практики въ военное время; начало этому у насъ уже положено ежегоднымъ командированіемъ небольшихъ частей донскихъ казаковъ въ составъ желѣзно-дорожныхъ и телеграфныхъ командъ, но, въ сущности, этого еще недостаточно, и практическое обученіе нижнихъ чиновъ, не указанное никакими офиціальными постановленіями, должно быть предоставлено исключительно заботливости самихъ кавалерійскихъ начальниковъ.

б) *Обученіе при орудіяхъ.*

Въ нашей арміи уже давно существуютъ правила прикомандировывать нижнихъ чиновъ къ артилеріи, или присылать артилерійскихъ фейерверкеровъ въ части для обученія нижнихъ чиновъ артилерійскимъ пріемамъ, чтобы во время войны, пополнять убыль въ артилерійской прислугѣ. Основательность такого правила очевидна. Если не приготовить въ мирное время людей, умѣющихъ обращаться съ орудіями, то послѣ большаго сраженія армія можетъ остаться почти безъ артилеристовъ.

Кромѣ того, каждая часть положительно нуждается въ людяхъ, знающихъ артилерійское дѣло настолько, чтобы съумѣть воспользо-

ваться отнятыми у непріятеля орудіями и открыть стрѣльбу, когда онъ отступаетъ, или хочетъ возвратить свою потерю.

Къ сожалѣнію, нельзя не обратить вниманія на то, что люди обучаются въ полкахъ на деревянныхъ пушкахъ, а если и командируются въ батареи, то въ зимнее время, когда практической стрѣльбы не производится. Вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ, по возвращеніи въ полки, все-таки не умѣютъ, по виду, отличать одинъ снарядъ отъ другаго, а это можетъ повести въ бою къ большому замѣшательству.

Впрочемъ, въ нашей военной литературѣ уже поднятъ вопросъ о болѣе цѣлесообразномъ способѣ обученія нижнихъ чиновъ пріемамъ при орудіяхъ, и именно лѣтомъ, при батареяхъ, во время совмѣстнаго сбора пѣхоты и артилеріи.

Желательно, чтобы начальники частей обратили особое вниманіе на эту важную отрасль военнаго образованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдали:

1) чтобы всѣ люди въ ротахъ и эскадронахъ были хорошо ознакомлены съ порчею артилерійскихъ орудій въ томъ случаѣ, когда, при невозможности увезти ихъ, они должны быть оставлены въ рукахъ непріятеля, что при нынѣшнихъ орудіяхъ, заряжающихся съ казны, достигается легко увозомъ какой нибудь одной изъ главныхъ частей запирающаго механизма, и

2) чтобы запряжка кавалерійскихъ лошадей въ орудія, опредѣленная первою частью кавалерійскаго устава, не оставалась мертвою буквою, такъ какъ въ бою нерѣдко встрѣчается крайняя надобность убрать свое орудіе, оставленное на позиціи, по случаю убитыхъ лошадей, или покинутое противникомъ при отступленіи, или, наконецъ, взятое съ бою, но безъ передка, который успѣлъ ускакать заблаговременно.

в) *Санитарная часть.*

Вопросъ о томъ, что въ военное время необходимо имѣть особыя команды носильщиковъ для раненыхъ (санитары) рѣшенъ уже положительнымъ образомъ во всѣхъ европейскихъ арміяхъ; но окончательныхъ, основныхъ законоположеній о санитарахъ почти нигдѣ еще не существуетъ.

У насъ полагаютъ, напримѣръ, достаточнымъ имѣть на каждую роту и эскадронъ однѣ носилки и при нихъ четырехъ человѣкъ санитаровъ, выбранныхъ непремѣнно изъ той же самой части, а не изъ постороннихъ командъ, потому что чѣмъ бо́льшая нравствен-

ная связь существуетъ между людьми, идущими въ огонь, и людьми, являющимися къ нимъ на помощь, тѣмъ лучше.

Въ полку санитары образуютъ особую команду, подчиненную въ служебномъ отношеніи офицеру, а въ специальномъ—полковому врачу, который и завѣдуетъ теоретическою стороною ихъ обученія.

Большихъ надеждъ относительно медицинскихъ свѣдѣній на нашихъ санитаровъ возлагать нельзя; но довольно и того, если они облегчатъ раненаго и съумѣютъ, можетъ быть, хотя на первое время, остановить кровотеченіе, наложить повязку и отличить признаки мнимой отъ дѣйствительной смерти.

Остается только пожелать, чтобы составлено было хотя какое-нибудь краткое руководство для санитаровъ, по возможности, простое и доступное пониманію нашего солдата.

Когда всѣ эти отдѣлы военнаго образованія будутъ пройдены и хорошо усвоены войсками, тогда приступаютъ къ маневрамъ.

МАНЕВРЫ.

Предположенія маневровъ составляются у насъ, обыкновенно, двоякимъ способомъ.

Первый заключается въ томъ, что обороняющейся сторонѣ указываютъ, гдѣ именно она должна расположиться, на какой линіи занять аванпосты и куда, въ случаѣ нужды, должна отступать. Наступающему указываютъ то направленіе, по которому онъ можетъ встрѣтить противника, но ничего не говорятъ, въ какихъ онъ силахъ и какую занимаетъ позицію.

Другой способъ заключается въ томъ, что обѣ стороны наступаютъ одновременно въ походномъ порядкѣ и обнаруживаютъ взаимныя силы только при встрѣчѣ; тогда слабѣйшая сторона избираетъ сама оборонительную позицію тамъ, гдѣ это будетъ признано ею наиболѣе удобнымъ; сильнѣйшая — продолжаетъ наступленіе и старается сбить противника съ занятаго имъ мѣста.

Изъ этого видно, что при самомъ началѣ маневра начальникамъ сторонъ приходится начинать свои дѣйствія, не зная ни силъ, ни намѣренія непріятеля, и распоряжаться, основываясь только на донесеніяхъ своихъ передовыхъ постовъ, а впослѣдствіи—на ходѣ самаго маневра. Очевидно, что иногда, по нѣсколькимъ открытіямъ или обнаруженнымъ движеніямъ противника, придется въ нѣсколько минутъ отказаться отъ своего составленнаго плана, перевернуть всѣ сдѣланныя распоряженія и тутъ же, на мѣстѣ маневра, отдать новыя приказанія.

Это заставляетъ начальниковъ, среди распоряженій своими собственными войсками, постоянно слѣдить за непріятелемъ, не упускать его движеній и сообразовать съ ними свои собственныя дѣйствія. Слѣдовательно, это прекрасная школа, въ которой старшіе начальники пріучаются командовать войсками безъ суеты, а младшимъ офицерамъ и даже нижнимъ чинамъ представляется множество случаевъ для развитія въ себѣ находчивости, смѣтливости и предпріимчивости, напримѣръ, скрытное приближеніе къ противнику, наблюденіе и высматриваніе непріятеля, вѣрность и ясность донесеній, на которыхъ основываются распоряженія главныхъ начальниковъ, удачный выборъ моментовъ для атаки и т. п.

Недостатки двухстороннихъ маневровъ, на которые обыкновенно указываютъ ихъ противники, заключаются въ слѣдующемъ:

1) остановка при движеніи въ атаку на 50 шаговъ отъ непріятеля, слѣдовательно, въ такомъ разстояніи, когда въ настоящемъ бою и думать нельзя объ остановкѣ, не подвергаясь риску окончательнаго истребленія.

и 2) на маневрахъ одна сторона, послѣ столкновенія, всегда отступаетъ, что пріучаетъ войска относиться къ отступленію, какъ къ дѣлу самому обыкновенному.

Для устраненія этого есть два способа: или свести предварительно войска обороняющагося съ занимаемой имъ позиціи, и затѣмъ уже приказать наступающему атаковать позицію, или еще лучше, заканчивать все дѣло сквозною суворовскою атакою, что даже выгоднѣе въ томъ отношеніи, что самыя впечатлѣнія подобнаго маневра будутъ полнѣе, живѣе обыкновеннаго, и будутъ нагляднѣе представлять характеръ и картину дѣйствительнаго боя.

Въ Кавказской арміи существуютъ еще особаго рода маневры, соединяемые съ практическими походными движеніями, которыя, продолжаясь недѣли двѣ или три, представляютъ собою какъ бы цѣлую кампанію, со всею обстановкою и трудностями военнаго времени; люди выводятся въ походъ часто неожиданно, по тревогѣ, двигаются по ночамъ, въ пути довольствуются сухарями, располагаются бивакомъ въ мѣстахъ, гдѣ иногда въ холодныя и бурныя ночи невозможно достать даже хворосту для разведенія бивачныхъ огней, и, такимъ образомъ, сближаясь постепенно съ противникомъ, начинаютъ маневръ, уже значительно изнуренными, какъ это и бываетъ всегда въ дѣйствительности.

Нельзя не замѣтить, что упражненія эти являются здѣсь какъ бы подражаніемъ экспедиціямъ, бывшимъ во время войны съ горцами,

въ которыхъ, какъ извѣстно, и выработался славный боевой типъ кавказскаго солдата. Вообще же, подобные маневры имѣютъ тѣ преимущества, что производятся на мѣстности, вполнѣ незнакомой войскамъ, втягиваютъ солдатъ въ продолжительные усиленные переходы, знакомятъ ихъ со всѣми условіями походной жизни, даютъ болѣе обширную и полезную практику въ развѣдывательной службѣ и, главное, представляютъ маневрирующимъ сторонамъ много случайностей разнаго рода, а, слѣдовательно, и учатъ войска не озадачиваться ими въ военное время.

ТРЕБОВАНІЯ ОТЪ ОФИЦЕРОВЪ И УНТЕРЪ-ОФИЦЕРОВЪ АРМІИ.

Теперь, въ заключеніе нашей бесѣды, остается сказать нѣсколько словъ о необходимости военнаго образованія для гг. офицеровъ, такъ какъ современное состояніе военнаго искусства требуетъ отъ нихъ болѣе обширной теоретической подготовки, чѣмъ это было прежде.

Элементарныя уставныя свѣдѣнія, которыми довольствовались въ доброе старое время, теперь оказываются уже далеко недостаточными. Чтобы быть достойнымъ своего назначенія, офицеръ долженъ учиться и много, и долго и, сверхъ того, внимательно слѣдить за всѣми измѣненіями и усовершенствованіями, которыя происходятъ въ области военнаго искусства, особенно тамъ, гдѣ дѣло касается его прямой спеціальности.

Занятія, введенныя у насъ съ этою цѣлью (*), подраздѣляются на два отдѣла: *на домашнія*, къ которымъ относятся военныя бесѣды, тактическія задачи и военная игра, и *на практическія*, которыя производятся въ полѣ.

Съ повсемѣстнымъ открытіемъ офицерскихъ собраній и библіотекъ, является полнѣйшая возможность къ тому, чтобы, путемъ систематически направленныхъ чтеній и военныхъ бесѣдъ, упрочить въ средѣ офицеровъ познанія, вызываемыя современными требованіями службы, и возобновить въ ихъ памяти необходимыя свѣдѣнія по тактикѣ.

Обширными цѣлями задаваться, по крайней мѣрѣ, на первое время не надо: два-три примѣра изъ военной исторіи, подобранные кстати, два-три эпизода изъ какой нибудь новѣйшей, современной намъ кампаніи принесутъ гораздо бо́льшую пользу, чѣмъ стратегическій обзоръ цѣлой войны, къ которому многіе изъ слушателей будутъ едва ли подготовлены.

Затѣмъ, неистощимою и въ высшей степени благодарною темою для военныхъ бесѣдъ могутъ послужить разборы и чтеніе нашихъ

(*) Приказъ военнаго министра 1875 г., № 28.

военныхъ журналовъ, которые, къ сожалѣнію, въ настоящее время, подолгу остаются не разрѣзанными, но которые могутъ дать обильный и въ высшей степени интересный запасъ практическихъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ военнаго образованія. Это легчайшій способъ познакомить массу нашихъ офицеровъ съ твореніями лучшихъ военныхъ писателей, провести въ нее извѣстныя идеи, и, мало по малу, пріучить молодыхъ людей къ серьезному и дѣльному чтенію.

Такая же послѣдовательность должна быть соблюдаема и при рѣшеніи тактическихъ задачъ, которыя, съ самаго начала, должны быть несложны и касаться расположенія, движенія или дѣйствія небольшихъ отрядовъ, не превышающихъ въ пѣхотѣ роты и много батальона, а въ кавалеріи—одного или нѣсколькихъ эскадроновъ, при соотвѣтствующемъ количествѣ артилеріи.

Сложность этихъ занятій можетъ быть увеличиваема только по мѣрѣ оказываемыхъ успѣховъ, причемъ въ число задачъ кавалерійскихъ офицеровъ должны включаться непремѣнно разъѣзды, прикрытіе фуражировъ, охраненіе транспортовъ, нападенія на нихъ и т. п.

Безспорно, что придавать этимъ упражненіямъ характеръ школьныхъ занятій не слѣдуетъ; но, тѣмъ не менѣе при исполненіи каждой, даже самой малой работы, необходимо требовать двухъ главныхъ условій: выдержки масштаба и точнаго, яснаго изложенія.

Самыя замѣчанія на рѣшеніе задачъ тѣми, кто ихъ разсматриваетъ, должны быть дѣлаемы съ крайнею осторожностію. Никогда не надо говорить, что «такое-то и такое-то расположеніе или дѣйствіе ошибочно». Всякое, самое ошибочное, повидимому, расположеніе можетъ иногда послужить въ бою въ нашу пользу. Положимъ, офицеръ производитъ кавалерійскую атаку въ лѣсу. Будетъ большою погрѣшностію со стороны обучающаго, если онъ скажетъ: «это невозможно». Офицеръ прежде всего долженъ быть убѣжденъ, что невозможнаго въ военномъ дѣлѣ нѣтъ ничего. Пусть онъ только скажетъ, почему онъ производитъ подобную атаку, и приведетъ примѣръ успѣха подобнаго дѣйствія въ томъ или другомъ сраженіи. Если при этомъ всѣ данныя и всѣ условія, которыми сопровождалась подобная атака въ дѣйствительности, будутъ имъ поняты и оцѣнены съ достаточною вѣрностію, онъ будетъ безусловно правъ. Въ противномъ случаѣ, тактика принесетъ не пользу, а вредъ, потому что обратится въ рутину, и офицеръ будетъ бояться отступать отъ печатной книжки такъ же, какъ боялся нѣкогда отступить отъ мертвой буквы строеваго устава.

Поэтому обучающему, если онъ замѣтитъ какую либо ошибку,

надо прямо поставить вопросъ: что́ при такомъ-то расположеніи было бы сдѣлано вами, если бы непріятель предпринялъ бы то-то и то-то? Требуя немедленнаго отвѣта, можно скорѣе всего довести офицера или до сознанія его въ ошибкѣ, или подвинуть его на какое нибудь находчивое и быстрое рѣшеніе.

Замѣчанія, веденныя именно такимъ живымъ и практическимъ способомъ, могутъ послужить весьма интересною и поучительною темою для военной бесѣды.

Вторую, высшую уже ступень практическихъ зимнихъ занятій составляетъ военная игра.

Но польза ея будетъ замѣтна только тогда, когда офицеры на предварительныхъ занятіяхъ, достаточно ознакомятся съ рѣшеніемъ тактическихъ вопросовъ, чтобы не приходилось задерживать игры объясненіемъ какого нибудь начальнаго, элементарнаго свѣдѣнія. Впрочемъ, во избѣжаніе крупныхъ и грубыхъ ошибокъ, военную игру, по крайней мѣрѣ, на первое время, слѣдуетъ вести непремѣнно учебнымъ способомъ; но чѣмъ проще будетъ задача, тѣмъ меньше будетъ крупныхъ ошибокъ, и тѣмъ скорѣе поддержится интересъ къ самой игрѣ со стороны участниковъ.

Нѣкоторые военные писатели находятъ также весьма полезнымъ разыгрывать на военной игрѣ отдѣльныя сраженія или цѣлые эпизоды войнъ, заимствуя ихъ изъ описанія послѣднихъ кампаній.

Подобныя задачи дѣйствительно поучительны и, главное, удобны, потому что могутъ быть ведены даже однимъ лицомъ, непосредственно у себя на квартирѣ, что составляетъ чрезвычайно вѣское преимущество ихъ передъ военною игрою, гдѣ требуется много участниковъ.

Затѣмъ, отъ этихъ домашнихъ, зимнихъ занятій переходятъ уже къ занятіямъ въ полѣ. Здѣсь, вмѣсто плана, является мѣстность, которая даетъ богатый и въ высшей степени разнообразный матеріалъ для упражненія и въ глазомѣрѣ, и въ оцѣнкѣ самаго вида и свойства мѣстности въ тактическомъ отношеніи.

Занятія въ полѣ подраздѣляются также на нѣсколько видовъ; сюда относятся: глазомѣрная съемка, чтеніе картъ, оріентированіе по планамъ и картамъ, рекогносцировки, рѣшенія тактическихъ задачъ каждымъ офицеромъ особо, рѣшенія ихъ групами изъ нѣсколькихъ офицеровъ и, наконецъ, описанія малыхъ маневровъ.

Для всѣхъ упражненій подобнаго рода можетъ служить самымъ удобнымъ, понятнымъ и нагляднымъ руководствомъ «Пособіе для развѣдокъ», изданное недавно полковникомъ Бильдерлингомъ.

На глазомѣрной съемкѣ прежде всего необходимо наблюдать глав-

ное правило, чтобы она непремѣнно была представлена въ назначенный срокъ, такъ какъ въ военное время—это первостепенное условіе. Съемку нужно дѣлать только компасомъ, такъ какъ строевому офицеру, съ болѣе точными инструментами, въ военное время работать не приходится; еще же лучше, если съемка произведена будетъ и безъ посредства компаса, такъ какъ на войнѣ можетъ его не случиться, да въ немъ и не представится особенной надобности, если офицеръ привыкнетъ разсчитывать при работѣ, прежде всего, на свой глазъ и на свою руку.

Самое достоинство кроки должно состоять не въ чистотѣ ихъ отдѣлки, а въ вѣрной передачѣ характера мѣстности. Поэтому, и представленіе работы необходимо требовать отъ офицеровъ тотчасъ по возвращеніи ихъ съ разъѣздовъ, а не по прошествіи уже нѣкотораго времени.

Для бо̀льшаго упражненія въ навыкѣ снимать и описывать мѣстность, полезно давать этимъ занятіямъ такіе размѣры, чтобы къ началу весеннихъ сборовъ, какъ въ кавалеріи, такъ и въ пѣхотѣ, были обрекогносцированы, по возможности, всѣ дороги, пролегающія въ раіонѣ квартированія того или другаго полка, причемъ изъ числа различныхъ пріемовъ, употребляемыхъ для съемки, особеннаго вниманія заслуживаетъ съемка по треугольникамъ, такъ какъ она наиболѣе другихъ гарантируетъ вѣрную и точную передачу мѣстности во всѣхъ ея подробностяхъ и мельчайшихъ деталяхъ.

Затѣмъ, чтеніе картъ и умѣнье оріентироваться должны уже сдѣлаться рѣшительно достояніемъ каждаго офицера.

Лучшимъ средствомъ для этого служатъ тактическія прогулки, которыя заключаются въ томъ, что офицеры выѣзжаютъ въ поле съ планомъ окрестностей и дѣлятся на партіи по числу офицеровъ, свободно читающихъ карты, которые и становятся, такимъ образомъ, руководителями своихъ товарищей.

Главныя задачи здѣсь будутъ заключаться въ слѣдующемъ:

1) указать на планѣ точку стоянія;

2) точку, данную на планѣ, отыскать на мѣстности;

3) указать на планѣ командующія точки и повѣрить ихъ на мѣстности же;

4) поднявшись на высокое мѣсто, указать на планѣ видимые съ него предметы;

5) опредѣлить по плану рельефъ мѣстности, т. е. опредѣлить, что̀ съ данной точки будетъ видно, и что̀ не видно на мѣстности, и

6) опредѣлить по плану, во сколько времени можно дойти или

доѣхать шагомъ или рысью отъ точки стоянія до точки, данной на планѣ, и повѣрить это.

Тутъ же рѣшаются небольшія тактическія задачи: какъ поставить батарею на данной позиціи, гдѣ цѣпь, гдѣ резервы, гдѣ наблюденіе за флангами, на что долженъ обратить вниманіе разъѣздъ, посланный въ томъ или другомъ направленіи; а также производятся рекогносцировки дорогъ, рѣкъ и подступовъ къ позиціямъ, составляются проекты полевыхъ укрѣпленій и устройство переправъ, снимаются позиціи и биваки, составляются маршруты и т. п.

Задачи болѣе сложныя, касающіяся, напримѣръ, расположенія или дѣйствія отрядовъ изъ трехъ родовъ оружія, рѣшаются уже нѣсколькими офицерами вмѣстѣ. Подобнымъ образомъ можно даже производить цѣлый двухсторонній маневръ и разыгрывать бой; но эти занятія могутъ быть допущены только тогда, когда всѣ офицеры, безъ исключенія, достаточно утвердятся въ занятіяхъ перваго рода.

Наконецъ, описанія малыхъ маневровъ нужно требовать для того, чтобы офицеръ привыкъ сознательно и обдуманно относиться ко всему, что дѣлается у него передъ глазами во время ученья, и пріучился бы заносить въ свое описаніе только самые существенные моменты, пропуская тѣ, которые, какъ промежуточныя положенія, не могли имѣть серьезнаго вліянія на ходъ или успѣхъ маневра.

Не подлежитъ сомнѣнію, что корпусъ офицеровъ вліяетъ самымъ прямымъ и непосредственнымъ образомъ на духъ и боевыя качества арміи; однакоже, при современныхъ условіяхъ боя, при той самостоятельности, которую требуетъ новѣйшая тактика въ бою отъ каждаго, даже отъ самаго малаго начальника, одних усилій со стороны офицеровъ далеко еще недостаточно, и забота о подготовкѣ унтеръ-офицеровъ должна получить не менѣе видное и первенствующее мѣсто.

У насъ, по малому развитію народнаго образованія въ массѣ населенія, вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ особенную важность, такъ какъ арміи, получающей свой ежегодный контингентъ, недостаточно образованный умственно, приходится самой воспитывать и развивать своихъ новобранцевъ.

Въ этихъ видахъ, весь ежегодный контингентъ молодыхъ солдатъ, поступающихъ въ войска, обязательно начинаетъ обучаться грамотѣ осенью, тотчасъ по возвращеніи изъ перваго лагернаго сбора, и продолжаетъ свои занятія непрерывно почти въ теченіе года, до слѣдующаго лѣта, послѣ чего лучшіе изъ нижнихъ чиновъ поступаютъ въ ротныя и эскадронныя школы, а остальнымъ предоставляется продолжать право ученія на прежнихъ основаніяхъ, или его оставить.

Изъ всѣхъ методовъ, существующихъ у насъ для обученія нижнихъ чиновъ, преимущество, конечно, слѣдуетъ отдать звуковымъ; но увлекаться одними ими также не слѣдуетъ, потому что попадается много людей, которые начали уже обучаться по старинному звукосочетательному способу, и переучивать ихъ на новый звуковой манеръ было бы напрасною и безполезною тратою времени.

Самое обученіе новобранцевъ въ ротахъ и эскадронахъ должно ограничиться буквально первоначальною грамотностію, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Чтеніе и письмо должны идти при этихъ занятіяхъ рядомъ: но объ ариѳметикѣ въ первое время нечего и думать, такъ какъ большинство новобранцевъ начинаетъ съ азбуки, а ариѳметика требуетъ извѣстной доли развитости. Для ариѳметики будетъ время еще впереди, а потому стремленіе нѣкоторыхъ учителей сообщить скорѣе и какъ можно болѣе свѣдѣній нижнему чину, должно быть признано положительно вреднымъ въ педагогическомъ смыслѣ. Пусть дѣло идетъ постепенно и равномѣрно. Тѣ случаи, когда офицеръ, увлеченный успѣхами двухъ, трехъ человѣкъ, болѣе способныхъ, начинаетъ заниматься исключительно ими, забывая прочихъ, приносятъ положительный вредъ, потому что, брошенный учителемъ солдатъ самъ покидаетъ занятія, укореняясь въ мысли, что онъ неспособенъ. Отъ этого убѣжденія, прежде всего, страдаетъ его самолюбіе, потомъ является апатія, а отъ апатіи недалеко дойти до лѣни и нерадѣнія.

Ротныя и эскадронныя школы являются какъ бы первою ступенью для полученія унтеръ-офицерскаго званія. Поэтому, въ нихъ выбираются люди, не только оказавшіе большіе успѣхи въ письмѣ или чтеніи, но отличающіеся умственнымъ развитіемъ, способностями, прилежаніемъ, нравственностію и твердымъ знаніемъ службы. Здѣсь отъ солдата потребуется уже болѣе толковое чтеніе, сознательный разсказъ и письмо подъ диктовку. Здѣсь же начинаютъ преподавать ему и ариѳметику, предметъ, пользующійся особеннымъ расположеніемъ большинства нижнихъ чиновъ, которыхъ занимаетъ и механическій процесъ самаго дѣйствія, и выводъ, требующій отъ нихъ извѣстной умственной работы и напряженія мыслей. За то ни что ихъ такъ и не радуетъ, какъ первая, рѣшенная задача. Составленіе этихъ задачъ для нижнихъ чиновъ, впрочемъ, дѣло нелегкое, требующее отъ офицера большаго практическаго навыка. Лучшій изъ всѣхъ существующихъ нынѣ задачниковъ, по нашему мнѣнію, задачникъ Евтушевскаго, которымъ и слѣдуетъ пользоваться въ школахъ, такъ какъ задачи, собранныя въ немъ, принаровлены къ тому, чтобы поддерживать вни-

маніе и интересъ къ предмету и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріучить солдатъ къ точнымъ и быстрымъ отвѣтамъ.

Было бы еще лучше, если бы задачи могли быть принаровливаемы, по возможности, къ солдатскому быту, къ ихъ обыденной жизни и къ ихъ интересамъ. Опытъ показалъ, что подобныя задачи, по своей сущности, видимо занимаютъ нижнихъ чиновъ. Было бы полезно, собравъ нѣсколько подобныхъ задачъ, раздавать ихъ безъ рѣшенія на руки нижнимъ чинамъ, которые, по своей любознательности и по самой занимательности предмета, часто рѣшали бы ихъ между собою въ свободное время, и тѣмъ пріучались бы къ умственному труду и размышленію.

Вообще, методъ обученія въ школѣ долженъ быть болѣе практическій, основанный на самыхъ простѣйшихъ пріемахъ, причемъ офицеру, прежде всего, придется составить планъ преподаванія, чтобы постепенно переходить отъ легкаго къ болѣе трудному, и отъ простаго къ болѣе сложному.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ рекомендовать всѣмъ офицерамъ прекрасное руководство, составленное священникомъ Платономъ Заринскимъ, въ которомъ разбираются всѣ существующіе методы и дается много практическихъ совѣтовъ и указаній относительно пріемовъ и способовъ преподаванія.

Дальнѣйшее усовершенствованіе нижнихъ чиновъ и подготовка ихъ въ унтеръ-офицеры есть дѣло полковой учебной команды.

Прежде, хорошихъ унтеръ-офицеровъ могъ образовывать опытъ продолжительной службы; но теперь, когда служба коротка, а требованій, даже отъ простаго солдата, много, лучшимъ и, можно сказать, единственнымъ средствомъ для образованія унтеръ-офицерскаго кадра служитъ полковая учебная команда.

Образованіе унтеръ-офицеровъ, какъ мы уже замѣтили, дѣло весьма серьезное, не допускающее, притомъ, никакого увлеченія. Поэтому, роль офицера, который завѣдуетъ командою, роль весьма почетная, но трудная, потому что требуетъ, кромѣ усерднаго, честнаго и разумнаго отношенія къ дѣлу, еще извѣстной педагогической практики и близкаго знакомства съ бытомъ и духомъ нашего солдата. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, офицеръ становится отвѣтственнымъ начальникомъ, потому что онъ руководитель солдатъ не только въ ихъ умственномъ и нравственномъ, но и въ служебномъ развитіи. Онъ не долженъ увлекаться преподаваніемъ грамоты въ ущербъ другимъ предметамъ, но выработать въ себѣ правильный взглядъ на воспитаніе будущихъ унтеръ-офицеровъ, отъ направленія которыхъ зависитъ и направленіе

самой части. Для этого онъ долженъ наблюдать, чтобы солдатъ, во время нахожденія въ учебной командѣ, ознакомился вполнѣ со своею военною спеціальностью, съ правильнымъ понятіемъ о дисциплинѣ, изучилъ бы всѣ отрасли строевыхъ познаній и получилъ элементарныя понятія о военныхъ наукахъ (*). Только этимъ путемъ и можно приготовить изъ нихъ полезныхъ учителей и инструкторовъ. Одной же грамотѣ нельзя давать преимущества уже и потому, чтобы не дать солдату повода думать, что грамотность важнѣе фронтоваго образованія.

Вообще же, учебныя команды не должны упускать изъ виду того, что всякое обученіе въ школѣ есть только часть общаго дѣла, и что команды готовятъ не учениковъ, а будущихъ унтеръ-офицеровъ, т. е. наставниковъ и руководителей всей массы нижнихъ чиновъ не только въ дѣлѣ обученія мирнаго времени, но и въ бою. Слѣдовательно, и главная задача ихъ должна заключаться въ томъ, чтобы воспитать преданныхъ своему долгу и дѣлу боевыхъ начальниковъ.

(*) Сюда относятся: понятія о военно-уголовныхъ законахъ, о тактикѣ, о ручномъ огнестрѣльномъ оружіи и стрѣльбѣ, о чтеніи топографическихъ картъ и, наконецъ, о сбереженіи здоровья нижнихъ чиновъ, а въ кавалеріи — и свѣдѣнія о лошади.